

ПО
МИНУТЕ
В ДЕНЬ

АЛЕКСАНДР
СОЛЖЕНИЦЫН

АЛЕКСАНДР
СОЛЖЕНИЦЫН

ПО
МИНУТЕ
В ДЕНЬ

Аргументы и факты

Москва

1995

ББК 63.3(2)
С 600

А.И. Солженицын. По минуте в день.
Москва, Аргументы и факты, 1995. – 176 стр.

С 4502020000-019
X72(03)-95

ISBN 5-85272-019-4

© Солженицын А.И.
© "Аргументы и факты",
оформление, 1995

ПО МИНУТЕ В ДЕНЬ

Эти 15-минутные беседы передавались
с апреля по сентябрь 1995 года по каналу ОРТ
каждый 14 дней, – отсюда название.

ПЕРЕДАЧА 1

3 апреля 1995

*Слишком ранняя предвыборная тряска. –
Чего до сих пор не исполнила Дума.*

Недавно на пленуме партии "Выбор России" лидер её заявил: "Главная цель нашей партии сейчас..." Я замер. Ну какая может быть главная цель демократической партии сегодня в наших жестоких обстоятельствах? Ну, наверное, поднять миллионы людей из нищеты к благосостоянию? Нет. Тогда остановить разграб наших недр, угоняемых за границу? Или остановить разграб нашей промышленности – между своими людьми по дешёвке, под видом приватизации? Тоже нет. Вообще поднять наше производство, катастрофически упавшее? нашу валюту, катастрофически упавшую? Тоже нет. Спасти научно-техническую область, знания наши, которые только одни, кажется, и отличают нас сегодня от африканской страны? Тоже нет.

О сельском хозяйстве, о школе я уже и не ждал. А вот, оказывается, "главная цель нашей партии сейчас": **победа на выборах!** Победа на выборах, товарищи (или там господа)!

Боже мой! Какой стыд, какой срам! Не у этой одной партии, нет, – у всех, у всех, у всех партий сейчас началась предвыборная горячка, истерия. До выборов осталось 8 месяцев. Некоторые уже 2-3 месяца назад были в предвыборной лихорадке. А самые нетерпеливые ещё в декабре 1993

года выдвигали себя в президенты. Но скажите: что же будет к осени? К осени мы будем все в предвыборной эпилепсии. Как же так можно? За 8 месяцев до выборов все занялись предвыборной агитацией и подготовкой. Ведь надо работать, жить естественной жизнью, а вовсе не биться всё время в предвыборной истерии.

Сравните, как в Англии. В Англии момент выборов объявляется внезапно и всегда на них даётся 4 или 5 недель. Вот эти 4-5 недель можете кувыряться, можете ходить на голове – страна может себе позволить 4-5 недель, но не больше. Мы должны нормально жить – нельзя заменять жизнь предвыборной тряской. У нас выборы 10 декабря? Так вот, с 10 ноября, пожалуйста, начинайте предвыборную горячку. Начинайте, месяц вам. Но не сейчас.

Конечно, выборы должны быть всегда в срок. Потому что засиживаться в депутатских креслах морально вредно для тех, кто там сидит безответственно и беззаботно. Но прежде того надо хорошо поработать. А поработали наши законодатели или нет?

Вот, наша жизнь с вами, хотя мы совершенно не замечаем этого, регулируется Гражданским кодексом. Куда бы мы ни пошли, в какое учреждение, подаём какое-нибудь заявление, нам отказывают или разрешают, – на это всё есть статьи Гражданского кодекса, по ним жизнь идёт, хотя мы и не замечаем. Так вот если мы прыгнули в новую эпоху, открыли новую эру, ведь вся жизнь изменилась, – должен и Гражданский кодекс быть приспособлен к нынешней жизни? Увы – нет, у Думы нашлось время утвердить только Общую часть Гражданского кодекса, а так называемую Особенную часть – частную, конкретную по всем вопросам, – нет. Времени нет у законодателей.

Появились новые преступления, о которых мы раньше никогда не слышали: убийства по заказу, рэкет или, говоря по-русски, вымогательство, наглое вымогательство. Причём оно распространилось по всей нашей земле – от базара до учреждения. Ну что ж, правоохранительные органы берут преступников иногда, прокуратура начинает следствие.

А что делать – статьи в Уголовном кодексе нет, нового Уголовного кодекса у нас нет, хотя мы прыгнули в новую эпоху. Сейчас будем праздновать 10 лет перестройки, а Уголовного кодекса для новой жизни нет. Не предусмотрено. Поэтому нельзя преступника судить, и отпускают шуку в воду. Преступники знают свою безнаказанность. Кроме Уголовного кодекса существует ещё и Уголовно-процессуальный. И он серьёзно должен измениться в связи с изменением жизни. Надо было и его принять. Но у Думы нет времени, нет времени.

А ещё важней – народное самоуправление. Народное самоуправление это вообще ключ к спасению России сегодня. Мне пришлось недавно быть в Кремле на Всероссийском совещании по местному самоуправлению. Местное самоуправление это и есть народное самоуправление, или, точнее, – земство. Мне пришлось там сказать: сегодня в России между властью и народом – пропасть. И эта пропасть может привести к тому, что Россия просто развалится: жить так нельзя стране. Эту пропасть мы должны терпеливо заравнивать народным самоуправлением, то есть открыть инициативу большому числу талантливых, способных людей, имён которых мы ещё не знаем. Открыть для них возможность строить свою жизнь самим. Сегодня народ отброшен от управления своей судьбой, он отброшен от влияния на свою судьбу – власть ему ни в чём не доверяет и он бессилён. Тогда и он не доверяет власти.

О местном самоуправлении сколько ни говорено было, ещё и до этой Думы. Эта Дума, когда собралась, обещала местное самоуправление пропустить одним из первых вопросов. Прошло полгода – и ушли на двухмесячные хоро-ошие каникулы наши законодатели. Но сказали: как только вернёмся в октябре (1994 года), так первым вопросом будет местное самоуправление. Однако, вот, с октября прошлого года ещё 6 месяцев прошло – а вопрос так и не решён. Там где-то он стоит, что-то говорится, – а не делается.

Тут, конечно, не только недостаток времени. Тут, конечно, и то, что многие активные партийные деятели, пар-

тийные функционеры, и многие администраторы (не скажу – все) не хотят делиться с народом властью нисколько, ни на чуть-чуть. Не говоря уже о том, чтобы дать народу власть основательную. Многие страны живут с народным самоуправлением, а только не мы.

Ещё о работоспособности наших законодателей. Мы знаем, что аппарат наш государственный весь проеден коррупцией, взяточничеством, всюду и везде нечистые ходы. И что ж, есть у нас закон о коррупции? издали его соответственно к сегодняшнему моменту? Нет. Нет времени? или охоты? Но тогда вопрос о государственном служащем? Чтобы государственный служащий точно знал, что он может, чего не может, где границы его возможностей? – нет времени!

А уж других законов! Мы бы с вами сидели сейчас, и я бы вам читал, читал этот длинный свиток: охрана подростков, безопасность на дорогах, спасательная служба... И так далее, и так далее, и так далее.

Бюджет? – вот чем Государственная Дума наша гордится. Приняли бюджет, на 1995 год. Когда? К концу марта, то есть с опозданием всего лишь в три месяца. То есть Россия жила без бюджета только три месяца, один квартал. Ну, конечно, это лучше, чем было в прошлом году. В прошлом году додумались, сумели принять бюджет в конце года. То есть Россия, как пьяная, жила, не понимая ни доходов, ни расходов. Куда можно деньги давать, куда нельзя, откуда их взять, ничего не зная? Вот так мы прожили год, и только слышали, гудели нам в уши: будет стабилизация! вот-вот стабилизация, вот-вот всё наладится, мы уже прорываемся в стабилизацию. Откуда она может прийти? Производство упало катастрофически, как не падало никогда ни в одной стране в мирное время. Рубль упал до пяти тысяч, уже 5 тысяч рублей за доллар. Это что? Мы на дне пропасти.

Теперь спрашивается: если сейчас начинается, за 8 месяцев, избирательная тряска, то вот эти 8 месяцев депутаты, кандидаты – каждый свой шаг, каждое своё выступ-

ление, каждое своё голосование с чем будут соизмерять? С пользой для Отечества? С нуждами народа? Очень сомневаюсь. Очень. Боюсь, что почти все будут соображать так: для моей фракции, для моей партии, для меня лично полезно, выгодно вот это? – вот это я и буду делать.

Конечно, и в нашем парламенте сегодня есть, и в том, который изберут, будут и бескорыстные люди, самоотверженные, которые понимают: власть – это не привилегии, власть – это тяжёлое бремя, это тяжёлая работа, в которой надо жертвовать собой. Их не привлекают привилегии.

А есть ещё одна категория людей, которых не привилегии тянут, – это честолюбцы. Они есть в этом парламенте, они будут и в следующем, в любом. Им только бы покрасоваться, чтобы их видели, чтобы их слушали, больше ничего.

Но всё же наличие привилегий – оно создаёт опасный корыстный магнит. Ведь в этой Думе были голоса: не надо нам этих привилегий брать, не надо! Но их сразу заткнули в самом начале, они замолчали.

Мне пришлось долгое время – 20 лет – изучать предреволюционную Россию, в том числе и деятельность Государственных Дум дореволюционных. И я знаю быт думцев. Они получали жалование скромное, которое несоизмеримо с министерской зарплатой, какую получают сегодняшние парламентарии. И казённых квартир они не получали, они сами снимали их из своего скромного жалования. И, например, такой видный парламентарий, вождь кадетов, как Шингарёв, должен был жить на 4-м этаже без лифта. А так как у него было много детей, так у него на столе бывало и просто лишь блюдо варёной картошки. Вот как они жили. И им не давали каждому свой экипаж, им не обеспечивали двухмесячный черноморский отдых, да ещё с дополнительными зарплатами. Им не предоставляли бесконечные поездки, увеселительные поездки за границу.

А самое главное, самое главное преимущество сегодняшних парламентариев, это панцырь не-при-кос-но-венности. Такой неприкосновенности, которая не мнится за-

падным парламентариям. Сегодня если в Америке избирают человека в Конгресс – он в эту же минуту должен порвать публично все свои коммерческие связи, всякую личную заинтересованность, он отныне только депутат.

А у нас? А у нас депутаты могут иметь коммерческие связи, могут в каких-то директоратах участвовать. Это – сверху. А что "под ковром"?

Вот эта начавшаяся избирательная тряска, она тревожит. В том числе, например, начавшаяся реформа Останкинского телевидения. Очень боюсь, что и эта реформа завязана с интересами вот этих вот да-а-альных, дальних расчётов избирательной кампании.

Сколько я читал, насколько знаю, у нас всего по России до сорока частных телевизионных каналов. Я понимаю: они платят свои денежки, и поэтому они, не скрываясь, включатся в избирательную кампанию, так что и кандидаты и партии будут у них на денежном крючке.

Но можем ли мы, имеем ли мы право надеяться, что у нас будет канал-арбитр, у нас будет государственный канал – не зависимый ни от каких денежных расчётов, ни от каких групп закулисных, никем не купленный? Если государство наше может, имеет деньги содержать необозримую бюрократию, которая на наших глазах выросла в два раза, потом в три раза, – неужели государство наше не имеет денег содержать свой телевизионный канал?

А такой независимый телевизионный канал нужен был бы не только для того, чтобы быть беспристрастной ареной партийной борьбы. Он нужен был бы для того, чтобы проявить, наконец, нравственную ответственность государства. Ибо частные каналы не будут отвечать за нравственность, а государственный канал должен отвечать. Чтобы мы освободились от этих фильмов ужасов, от этих раскормленных молодчиков, жующих шоколад, от этих полуголых девиц, от этого культа наживы, наживы, наживы...

Реклама. Говорят, сейчас на этом телевидении реформированном не будет рекламы. Дал бы Бог. Но очень-очень боюсь, долго ли это удержится. Я понимаю, что та-

кое государственное телевидение; понимаю, что такое частное. Каждому цену знаю. Но вот что такое "общественное телевидение" – простите, не понимаю. Что значит "общественное"? То есть заходи со своими корзинами сюда, толкайте друг друга локтями, кто прорвётся к микрофонам, к съёмке. Ну, наверное, не так? Наверное не так.

Говорят, что сейчас акционеры получили только 49% акций. Формально. Однако, если государство затеяло такую реформу, значит государство рассчитывает, главным образом, на деньги этих акционеров. Но если оно рассчитывает на деньги акционеров – так тогда, тогда, простите: кто платит деньги, тот заказывает музыку.

Да, нам очень надо спешить. Нам надо спешить заполнить пропасть между властью и народом, заполнить народным самоуправлением. Нам надо спешить, работать и вытаскивать, работать и вытаскивать себя из этой пропасти экономической, из этой неразберихи, из хаоса. А спешить с избирательной кампанией нам не надо – на это будет месяц последний.

Но, правда, и в избирательном деле есть с чем спешить. Надо поспешить с исправлением пороков нашего избирательного закона. Этот закон надо исправить, и опубликовать, сделать его всеобщим достоянием.

Об этом, об этом мы с вами попробуем поговорить в другой раз.

ПЕРЕДАЧА 2

18 апреля 1995

Пороки нашей избирательной системы.

О чём нам надо озаботиться, и спешно, – это о недостатках нашей нынешней, действующей ныне, избирательной системы. Она порочна. В ней много серьёзных пороков. Я назову сегодня четыре главных, но есть ещё и мелкие.

Первый из них – это возможность фальсификаций, неконтролируемых, и уже известны неоднократные случаи раскрытых фальсификаций, то есть наступивших. О них были материалы, о них были сообщения в прессе, потом это всё заглохло и замялось.

Наша нынешняя избирательная система предполагает полную власть избирательных комиссий. Как составляются избирательные комиссии? Везде – администрацией. Например, в Центральную избирательную комиссию берётся 5 человек от Президента, 5 – от Государственной Думы, 5 – от Совета Федерации. Всё. И так как ветви власти тут согласны между собой, то она дружно работает без какого-либо общественного контроля. И все местные избирательные комиссии – они все назначаются администрацией. Никакого общественного контроля над ними – нет. Контрольных комиссий над каждой – нет. А должна быть не только контрольная комиссия, должно быть право любых активистов из общественности проверить любой этап избиратель-

ной кампании, подготовки к ней, и хода её, и подсчёта голосов.

Власть на местах, вы знаете, имеет огромное влияние. Не говоря уже о том, что местное телевидение находится всегда под сильным влиянием местной администрации и, стало быть, она может направлять, каких кандидатов поддерживать.

Ну, и вообще, люди власти у нас имеют несравненные преимущества перед простыми людьми – например, в сборе подписей для того, чтобы стать кандидатом. Простому человеку – это же адская работа: как собирать эти подписи? Идти по улице и просить? а тот скажет: у меня паспорта нет, не могу сейчас заполнить. Или ходить по домам и по квартирам, кланяться и просить: подпиши?

А как делает, как может сделать власть (да, в общем-то, и делает иногда)? Берут списки ЖЭКов, берут списки отделов кадров производства, заполняют их, там всё записано. И кто ж это проведёт полномасштабную проверку, теперь опросит каждого из них: "ты действительно подписался или это за тебя подписали"?

А потом? Бюллетени. Избирательные комиссии всегда имеют запасные бюллетени, которые можно использовать. Потом: не пришли инвалиды, не пришли пенсионеры. Кто это может проверить? – можно заполнить за них.

К сожалению, у нас контроля нет, а без контроля мы сами себя обманываем. Без общественного, пристального контроля вообще выборы не нужны. Это – спектакль. Так вот, за прежние фальсификации никто не ответил, не было наказания за них. А отныне должны быть введены строгие наказания за любые фальсификации. Это уголовное преступление.

У нас, вот, сейчас так спросить: "Какая первая и главная свобода в нашей стране?" Первая и главная свобода – совершать преступления без всякого страха наказания.

Второй порок нашей избирательной системы известен. Она признаёт, что достаточно явки 25% списочного состава избирателей. То есть избирательная система наша заранее

говорит: мнение большинства народа, мнение трёх четвертей народа нам абсолютно неважно, наплевать, лишь бы наскрести, наскрести как-нибудь 25% и захватить нашим депутатам кресла. Это надувательство. Мы сами себя обманываем. Это должно быть изменено. Минимальная явка, при которой выборы состоятся, должна быть хотя бы чуть-чуть, но больше 50%. Тогда, действительно, можно будет признать, что большинство народа участвовало.

Сегодня может случиться – кто-то наберёт 4%, уже он выбран! А вот когда требуется больше 50%, то тот, кого избирают, ещё должен набрать и больше половины голосующих. Если это не удастся в первый раз, надо делать второй тур, и во втором туре он должен набрать. Только тогда он будет, действительно, реальный избранник.

Скажут: "Но это же нереально". При сегодняшнем, все признают, полном равнодушии народа, при сегодняшнем отвращении народа от всяких избирательных кампаний мы не наберём 50%. Так сами мы и виноваты. Сами мы создали у народа такое отвращение к избирательной кампании. Надо признать: или, значит, наш народ вообще не готов к парламентаризму, или мы сумели за короткие годы воспитать в нём полное отвращение и недоверие. А не надо ужасаться. Какой ужас! – не наберётся кворума в Думу или вообще не изберётся Государственная Дума? Но Совет Федерации всё равно остаётся. Да во многих странах вообще парламент однопалатный, нет второй палаты.

Если мы не заслужили доверия народа, то и плевать на его мнение мы тоже не можем. И это будет суд над нашей системой: придёт больше 50% или нет?

Выборы – должны быть, и конституция, хорошая или плохая, должна работать. Может быть, когда выборы пройдут, мы не получим улучшения депутатов, а даже получим ухудшение. Но надо выполнять правила. Однако такой дикой избирательной системы, что 25% выражают мнение народа, допускать нельзя.

Да наша главная задача, наша главная цель, на самом деле, не эта вот избирательная система парламентарная

Наша главная задача – создать народное самоуправление на местах, то есть земства. Всюду на местах сами люди должны иметь своих доверенных людей в земстве, в земских управах и в земских собраниях, которые будут решать все местные проблемы – на уровне села, волости (то есть сельсоветского округа), района. А районный администратор – у него мало что останется, у него всё сведётся к двум писарям. Он только проверяет: законы соблюдаются или нет? Если законы не соблюдают – он сейчас же сообщает в прокуратуру или наказывает. А остальное – вообще не его дело. Народ – сам, в народе масса сил, дайте народу строить земства, дайте ему строить народное самоуправление. Не дают! Год за годом, год за годом – не дают.

Следующий порок: роль партий в нашей избирательной системе. Наши сегодняшние партии вообще не выросли органически из народной жизни. Они созданы группками в Москве. Такая группка собирается: "А давайте сделаем партию. Называться будет? вот так-то". Дальше им надо создать видимость региональных организаций. А дальше – деньги... Деньги у них есть. В апреле прошлого года Центральная избирательная комиссия прямо заявила, что некоторые партии пользовались деньгами из зарубежных источников. И всё, и на этом кончено. Какие партии? какими деньгами? от кого? в каком размере? Ничего не сказано дальше. Преступления никакие у нас не наказуемы.

Как было при коммунистическом режиме? Партиец – это человек первого разряда, во всём ему преимущества. Беспартийный – второй, третий сорт, ладно, обойдётся, пусть его пониже. А сейчас? А сейчас опять. Если ты вступил в какую-нибудь самую задрипанную партию – ты уже получаешь преимущества в избирательной кампании. Потому что, в нарушение всякого равенства гражданских прав населения, если ты член партии, то тебе преимущество: партии получают половину мест в парламенте. Да почему это? Ну почему они, просто собравшись, скучившись, почему они должны получить сразу преимущество? А получают. Не может быть ни половины мандатов, ни 25%, ни

10%, – не может быть преимуществ только за то, что они надумали организовать партию. В избирательную кампанию, изволь, каждый входи с открытой грудью, сам и борись со своими конкурентами. Если ты член партии – пожалуйста, конечно, твоя партия тебе будет помогать агитацией, деньгами, – но всё-таки собрать подписей для начала ты должен не меньше, как сейчас, сегодня, а столько же, сколько любой человек, гражданин, – не меньше.

И потом: не должно быть этой покупки kota в мешке. Партия выставляет, собственно, даже и не кандидата, она выставляет программу. Программу, которую она наверняка не будет даже и выполнять, или не выполнит её всю. Голосуйте за программу, а потом мы вам подсунем кандидата, который будет за вас, ваш, лучший ваш представитель, хотя, может быть, будет даже жить не у вас, а в Москве, – но ваш лучший представитель... Такая практика должна быть прекращена.

И четвёртый порок. Кандидаты должны быть абсолютно ясны и прозрачны для избирателей. На нижнем уровне это сегодня так и есть. На самом нижнем уровне все знают, кто этот человек и какая ему цена, и что он собой представляет. Но чуть повыше – ведь кандидатов не знают.

Кандидат должен, во-первых, прозрачно представить свою биографию. Он не должен быть тёмной лошадкой. Вот в прошлых выборах бывало так: "30 лет был учителем". Ну, уважение: он учителем был! А он 30 лет был преподавателем марксизма-ленинизма. Так сегодня от него отказался или нет? – скажи! Биография должна быть прозрачна.

И в наше воровское нечестное время должно быть прозрачно: какое у кандидата имущество, из каких источников он обогатился или составил его. И какие у него доходы, какие коммерческие связи? Это всё должно быть совершенно открыто, он должен сам написать декларацию об этом, которая должна быть доступна любому избирателю. А если он в этой декларации налжёт, то потом он должен

быть – если откроется, что он налгал, – должен быть немедленно подвергнут уголовному преследованию, независимо от того, что он выскочил в неприкосновенные депутаты. Преступление должно наказываться. Не может он быть потом неприкосновенным четыре года, если налгал.

Другое дело, что у нас сейчас ещё и отозвать депутата очень трудно. Вот недовольны депутатом, не то он делает; а отозвать – трудно. Должна быть упрощена процедура отзыва кандидатов.

Ещё одно хорошо бы. Я прошлый раз говорил: очень вредно, что депутаты имеют такие большие привилегии. Привилегий таких больших они не должны иметь. Но должна быть справедливая система предусмотрена: если депутат отбыл весь свой срок и избиратели им довольны, то мыслима система вознаграждения его после отбытия депутатского срока.

Сегодня каких только ещё нет недостатков в нашей избирательной практике. Например, если по каким-то причинам в этом избирательном округе вообще никого не избрали – так что вы думаете? Избирательный округ посылает того депутата, который зарегистрировался – раньше; только и всего, раньше других зарегистрировался. Ну, по русской пословице: "Быстрая вошка первая на гребешок попадает".

Затем, сегодня округа нарезаются администрациями очень неравномерно. Известны случаи: рядом два округа, и один в два раза больше, чем другой. Почему же один округ меньшего размера посылает депутата так же, как вдвое больший? А потому, что администрация сообразила, что вот если так разделить, то и тут обеспечен их кандидат, и там обеспечен их кандидат. Вот этого быть не должно.

А ещё вспомним: в 1993 году высочайше было заявлено: министры тоже могут баллотироваться. Простите, как это так? Как это: министр может баллотироваться? Тогда он должен отказаться от своего министерства, а иначе он что же? законодательная и исполнительная власть в

одном лице? Как сейчас и есть. У нас есть министры, они же и депутаты. Так их фракция уже не просто фракция, она уже представляет министерский уровень.

Кто же будет исправлять нашу избирательную систему? А у нас существует такое чудо-юдо-рыба-кит. Это Центральная избирательная комиссия, которая работает вообще всегда. Между выборами было два года, она работала. Между выборами будет четыре года она будет работать. Чем же она занимается? Неизвестно. Бумажки перекладывает со стола на стол, получают все зарплату, и вовремя. Так вот пусть эта Центральная избирательная комиссия сейчас сядет и выработает нам систему, которая будет достойна нашей страны – не надувательская и действительно выразит интересы избирателей.

Я призывал во всём к равенству. В одном призыву к неравенству. Именно: кроме тех "демократов", которыми сегодня полна наша страна, демократов, перекусившихся в 24 часа, в неделю или в месяц, – кроме них есть настоящие демократы. Те, которые боролись ещё с тем режимом, и за то получали уголовные и политические статьи. И сидели. Многие из них сегодня инвалиды, многие умерли, многие старики, но есть ещё и полные сил. Это – люди, которые доказали в тяжёлых условиях, что они бескорыстны, что они заботятся о народных интересах. Вот для них, для бывших репрессированных по политической статье, я считал бы нужным снизить требуемый порог, снизить, сколько нужно ему первичных подписей для того, чтобы стать кандидатом. Вот ему можно сделать и в 10 раз меньше. Ему, а не члену партии, лишь за то, что он член партии.

ПЕРЕДАЧА 3

15 мая 1995

К 50-летию Победы в советско-германской войне.

День победы в 45-м году я, свежевыврванный с фронта, арестованный офицер, встречал в тюрьме, в тюрьме Большая Лубянка. И сквозь тюремные решётки наблюдал московский салют Победы. Было гордостью, радостью и горько. Горько – потому что я понимал уже тогда, чего стоила нам эта война.

Конечно, в истории – и война с Наполеоном, и советско-германская война высятся заслуженными монументами, и ничьи языки, и ничьи уже изыскания не подорвут их всеисторического значения. Они обе величественны по размаху отступления, потом по размаху наступления. Но наша, последняя, несравненно трагичнее. За 1100 лет Русь не вела такой кровопролитной изнурительной войны, со столькими жертвами.

Война ведь по разному видится в истории: для участников и современников – и отдалясь. Нынешнему поколению невозможно себе представить, как не неделями, не месяцами, – четыре года подряд армия шла по минным полям, под пулемётным обстрелом, на колючую проволоку, под бомбёжкой сверху, под артиллерийскими и минными разрывами, через переправы, пожары, на плацдармы, и удерживала эти плацдармы. Этого – представить нельзя.

Нынешнее поколение не может представить себе и другого. Каков был состав населения к 41-му году? Неправильно пытаться понять войну только с 22 июня 1941. Правильно понимать, что к этому моменту наше население состояло наполовину из тех, кто помнил ещё дореволюционную сытую спокойную Россию, где не было доносов, не было отречения от родственников, не было этих ночных стуков в дверь. Население всё это помнило прекрасно, и на себе испытало за 25 лет советской власти: террор ЧК, террор ГПУ, террор НКВД, безумное раскулачивание 15 миллионов лучших кормильцев, хлеборобов, крестьян. То есть СССР, Россия, подрезала себя под ноги, сразу отказывалась от хлеба. Обманное раскулачивание, обманная коллективизация: сперва, в октябре 17-го, землю будто бы дали народу, а теперь отняли. А потом, естественно, голод, и голод не только на Украине, нет, – голод и на Урале, и в Поволжье. Где только не было этого голода 30-х годов.

Потом 37-й год, слишком знаменитый, не буду говорить. И потом же все видели эту бездарную, позорную финскую кампанию, когда наша огромная страна тыкалась, тыкалась около этой линии Маннергейма, – всем показали, что мы воевать не готовы. И противники наши видели.

Оглушительная пропаганда катилась через наши головы, но те поколения, составлявшие больше половины населения СССР тогда, они не верили этой пропаганде. Верила ей подросшая молодёжь да энтузиасты гражданской войны и коммунистической идеи. Остальные настолько не верили, настолько, – то есть насквозь не верили. И не верили тому единственному, во что надо было поверить: а именно, что Гитлер действительно идёт уничтожать нас, он действительно идёт уничтожать нас как расу, как нацию, превратить в рабов и в навоз. Не верили, потому что эта единственная истина была окружена полной ложью. И масса населения радостно, когда началась война, вздрогнула: "Ну, конец вам теперь пришёл там, наверху! Теперь-то вас свалят".

Никто не мог поверить, что от немцев несётся такое уничтожение. Мы же немцев знали по прошлой войне. Ну,

воевали как воевали. Сотни тысяч наших в плену были у них, ничего, приехали, рассказывали. И сотни тысяч их были в плену у нас, люди как люди. Кто мог подумать, поверить, что теперь будет совсем иначе?

А вообразите положение солдат? наших солдат 41-го года, которых покидали без организации, без авиационной поддержки, без командования. Покидали дивизиями, корпусами, армиями. И требовали: "А ты должен покончить с собой. Ты должен пойти на самоубийство!.." Ну – зачем? зачем за этот режим солдат должен был кончать с собой? В 41-м году три с половиной миллиона наших солдат сдались в плен. Три с половиной миллиона!

Те, кто будут изучать Великую Отечественную войну по ныне существующей энциклопедии, очень многого не узнают, никогда не поймут. Они не узнают и не поймут, что такое было так называемое "народное ополчение". Это значит: в последнюю минуту, в отчаянии, стали собирать людей среднего возраста, не подготовленных к войне никак, не вооружённых и даже часто не обмундированных, и гнали их туда пушечным мясом, чтобы только на сутки, на сутки, на сутки задержать, задержать противника, а Политбюро, может быть, пока куда-нибудь сбежит.

Энциклопедия нам не расскажет сегодня, и вы нигде не найдёте о приказе Сталина, сверхсекретном приказе Сталина 001919, 12 сентября 1941 года, который приказывал создавать заградотряды из войск НКВД и стрелять по своим отступающим. Кто, когда, в какой армии стрелял по своим отступающим?

Ну, хорошо, в 41-м году была неожиданность, но в 42-м году неожиданности не было, однако Сталин, вскруженный тем, что Москву удалось не сдать, начал безумные наступления, совершенно безумные и не подготовленные никак. Он бросил отборную Вторую Ударную армию на Северо-Запад, в болото под Старой Руссой. И она сгнила там, и мы не помогали ей ни с воздуха, и никак.

Он своему любимчику Мехлису поручил осуществить десант через Керченский пролив. Несколько сот тысяч бес-

смысленно и неподготовленно бросили под Керчь на уничтожение. Сталин гнал неподготовленные наступления на Харьков, Лозовую, Барвенково. То есть мы сами лезли в мешок, чтобы нас окружили, а потом, с тем же превосходством немецкой авиации, бомбили сверху и уничтожали, и брали в плен. Мы сами подготовили этими безумными сталинскими деяниями, мы подготовили свой откат неизбежный на Юг, до Кавказского хребта и до Волги.

Во второй год войны, вот в эту весну 42-го года, сдалось ещё наших более полутора миллионов человек в плен. А всего за войну больше пяти миллионов человек сдалось в плен. И из них 3 миллиона 300 тысяч погибло в плену. Я этих ребят слишком хорошо знаю, это мои ровесники, и мне пришлось в тюремных камерах во многих и на пересылках с ними встречаться и слышать их рассказы. Эти ребята, эти наши молодые солдаты, были трижды преданы коммунистическими вождями. Первый раз их предали на полях сражений без руководства, без организации, без вооружения. Второй раз их предали, когда сталинское Политбюро заявило: "У нас пленных не бывает. У нас кто сдался в плен – это изменник". И там, в немецких концлагерях голодных, они были брошены нами. Все пленные мира получали по международным конвенциям помощь Красного Креста и помощь от своих родственников. А наши, как собаки голодные, рылись в мусорных ящиках, в мусоре, рылись в помойных ямах. И им бросали подачки поляки, югославы, даже они имели, и кидали нашим через колючую проволоку.

В ту прежнюю, наполеоновскую войну – вспомним ещё раз, был ли хоть один изменник? хоть один? Ни одного. А в нашу? Больше миллиона. То есть целые дивизии, сформированные для борьбы со своим правительством. А национальные отряды многих национальностей российских? Несколько сот тысяч служило немецкой армии добровольными пособниками и помощниками. Как это может быть? Это объясняет, каков был наш советский режим. Но кроме того, простых пленных, которые нигде ни в чём немцам не

помогали, которые виноваты только в том, что они живы, что они не умерли, а часто бежали к своим, – их всех хватили, предавали третий раз. Их арестовывали, и в лучшем случае они шли только через фильтрационные лагеря и всё-таки выпускались. А то получали и сразу 10 лет, 25 лет и расстрел.

И сегодня, что самое поразительное, я получаю письма сегодня: они, вот эти несчастные, никогда никому не изменявшие ни в чём, – и сегодня числятся изменниками родины и не реабилитированы. Они подают заявления в сегодняшние прокуратуры, и наши безмозглые прокуроры, сегодня, говорят: "Ну, он же признался". Так они и сегодня не понимают, как тогда вынуждали признание? И сегодня несчастные не могут добиться реабилитации!

"Любой ценой" – вот был сталинский лозунг, который спускался вниз до генералов, и генералы навешивали себе ордена Суворова, ордена Кутузова, забывали, что там в статуте сказано: "За наибольший успех при наименьших потерях". А вот потери-то были, как правило, – наибольшие. Жуков в своих воспоминаниях теперь признаётся, проговаривается, что Берлина можно было и не брать в лоб. Гитлер с декабря 1944 года был обречён, после неудачи Арденнского наступления он был обречён. Оставалось только несколько месяцев подождать – в какую сторону и как он будет сдаваться. Но мы понимали, что он будет сдаваться в сторону союзников, тогда бы мы не взяли Берлин, тогда бы мы не создали ГДР. И поэтому мы штурмовали в лоб на Берлин через Зееловские высоты и потеряли до полу-миллиона. А как обидно погибать в конце войны! – когда ты прошёл всю войну, и вот в самый последний момент погибнуть.

Говорят у нас теперь: "Никто не забыт, ничто не забыто". О, многое забыто! Да у нас и сегодня в Мясном Бору, на Северо-Западе, где гибла Вторая Ударная, есть заминированный лес, в который боятся ходить местные жители и где лежат скелеты наших солдат, непогребённые, и наши танки заржавевшие.

Я получаю письма от многих ветеранов. Вот пишет мне дважды Герой Советского Союза Леонов: "Мы забыты и никому не нужны". И так же пишут другие. "Мы брошены, наше существование искалечено...", инвалиды второй и третьей группы. Да если бы только забыли лично их. Ветеранам так же обидно, как и нынешней живой армии, – то отношение к армии, которое возникает у нас сегодня странным образом, как раз к 50-летию Победы.

Армия наша разорена, расстроена, это не секрет, и вместе с тем она осмеяна, покрыта презрением, даже заплёвана какой-то частью общественности и прессы. Это делается в каком безумии? Это делается в расчёте на какое будущее? А ну, придут оккупанты? А почему бы им не прийти, если у нас не будет армии? Отчего бы не прийти? Сегодня мы говорим... мы слышим голоса: "Не дадим сыновей в армию!" Да, в нашу не дадите, но когда придёт оккупационная – то ещё как, безропотно, без демонстраций, дадите – прислужниками, лакеями. В 39-м году Сталин, порвав переговоры с англо-французской военной делегацией и уже намечая переговоры с Гитлером, сказал: "СССР никогда не будет батраком для Запада". История посмеялась. О, ещё каким батраком мы были! А кто же спас Запад? Кто спас Запад и совершенно гибнущую Англию, если не мы? А сегодня мы слышим на Западе голоса, и насмешки, и подсчёты, и исследования, чтобы уменьшить наш вклад, уменьшить нашу роль, и даже вообще говорят: без Советского Союза могли бы справиться. Посмотрел бы я, как бы они без нас справились!

Сегодня, к сожалению, многие силы на Западе радуются развалу нашему. Препятствуют возобновлению контактов между республиками, растравляют этот раскол, способствуют тому, чтобы мы послабели, а, может, и дальше бы раскололись. А может, пришли бы в полный упадок, чтобы не значили ничего на мировой карте. Есть такие "бывшие". Бывший Киссинджер, бывший Бжезинский. Каждый раз эти бывшие выступают с огромным авторитетом в Соединённых Штатах и всё время клонят к тому, как

подорвать Россию, как сделать её слабей. Это потому, что они в безумии, и в близорукости не представляют, что ждёт в XXI веке Европу и Америку. Им ещё жарко будет в XXI веке, и даже в первой четверти его. И им ещё понадобится союз с Россией, но сегодня они близоруко не думают об этом.

Кто проиграл в этой войне? Кажется, Германия? Но почему же мы сегодня слышим слова, вот на днях, слова германского министра иностранных дел, который указывает нам, как должна развиваться Калининградская область – отдельно от России, подобно Прибалтике.

Недавно наша Церковь постановила, что отныне и навеки день Девятого мая будет день Скорби, день Памяти погибших за веру и отечество. Как это правильно, и как это наконец нужно! Ибо во всех странах такие дни есть, и все страны давно это отмечают торжественно-траурно. Только мы всё советское время не думали о наших погибших, как и о пленных. Умерли – и ладно.

Сегодня мы знаем: да, это день Победы, но он же и день великой Скорби. Ибо сверх того, что мы сохранили государство, сохранили нашу нацию от уничтожения, мы потом ничего не получили, кроме колхозного рабства. Мы потеряли так много людей, понесли такие жертвы. Мы сегодня склоняем голову перед погибшими, перед ещё живыми вдовами, перед доживающими ветеранами, перед памятью всех их.

ПЕРЕДАЧА 4

29 мая 1995

Рушится система школьного образования. – Состояние наших детей сегодня. – Детская преступность.

Кончается очередной школьный учебный год, и время поговорить о школе.

Наши подростки, наша молодёжь идёт в трёхмесячный провал, в вакуум, провал лета. Без оздоровительных лагерей, без культурных организованных мероприятий, при измученных затасканных семьях, которым часто не до воспитания, дети попадают на улицу и на базар. Вот под это заражение. А те из них, кто захотят всё-таки восполнить культуру, сядут к телевизору, – получают заражение другого рода или безответственную болтовню, которая не наполнит их сердца. А дальше новый учебный год, через три месяца.

Мы как-то стараемся не думать, не замечать, но каждый новый учебный год проходит у нас при условиях худших, чем предыдущий. И в 1995 грозит большое ухудшение с учебниками, но об этом будем говорить не сегодня.

За минувший год я посетил в России много школ – городских, заброшенных и элитарных, районных, некомплектных и малокомплектных сельских. Сам я школьный учитель, много лет преподавал, мне школьное дело близко к сердцу, волнует меня, и я за ним пристально слежу.

Наше образование среднее сегодня в жестоком кризисе. Вся система нашего образования рушится. И даже не

столько оно само по себе, сколько отношение к нему молодёжи, да и родителей. Во всём мире престиж образования растёт. У нас же, вот на глазах, престиж образования падает. И молодёжь думает: "А зачем учиться? Образование не кормит, я прокормлюсь другим способом, иначе".

Пять лет назад был такой отметный указ Президента – №1. Это замечательно – №1. Первый указ Президента – "О приоритетности образования". Это замечательно. Но за 5 лет практически по этому указу не сделано ничего. Да это так со многими нашими указами. У нас много указов великолепных выходит, а потом они куда-то расплываются, рушатся.

Вот указ, например, о помощи реабилитированным и пострадавшим от репрессий. Хороший указ. Но получаю сотни писем с жалобами: "Ничего не можем добиться". Где-то в скрытом механизме аппарата – инструкциями, инструкциями, начинает этот указ задавливаться, и перед человеком вырисовывается стена. Вообще – да, указ есть, но тебе не полагается. А может быть – надежда, что скоро реабилитированные все перемрут.

Сколько мы говорили о реформе образования, школы, сколько мы школу реформировали, то в одну сторону, то в другую, истерически дёргали её, и ни до чего не дореформировали. Для того, чтобы произвести разумную реформу школы, надо иметь ведущую идею. Надо понимать, каких граждан мы хотим воспитать, для какого общества, – для сегодняшнего или для светлого будущего, конечно светлого. Какой уровень образования мы хотим дать, какой объём знаний и какому объёму учащихся? Вот это всё у нас не решено. Мы не готовы ещё к тому, чтобы реформа действительно пошла, разумно, в каком-то осмысленном виде.

Между тем, наша новая конституция беззвучно один важный шаг сделала. Если в прежней конституции полное среднее образование было обязательным, то по новой конституции обязательно только неполное среднее образование. Само по себе это довольно диковато. Накануне XXI

века, когда во всём мире будущее любой нации, любого государства, можно сказать, зависит от уровня образования, всюду везде стремятся повысить образование, а мы – понижаем. Но это ещё можно понять. Можно понять, что мы не в силах обеспечить и осуществить всеобщее обязательное полное среднее образование. Но мы обязаны предоставить его, полное среднее образование, – всем желающим. Это наша обязанность.

А что мы сейчас делаем? Оглянемся назад. Десятилетиями что мы делали? Теми десятилетиями, которые мы не любим вспоминать: Двадцатые, Тридцатые годы. Ведь мы отрезали пласт за пластом молодёжи, которая лишалась образования. Дети чиновников царских, дети дворян, дети купцов, дети мещан, дети священства тем более, – всех их отрезали. А затем? А затем стали отрезать и детей интеллигенции, под видом детей служащих. То есть чтобы интеллигенция не оставляла династий образованных, когда накапливаются эрудиция, знания и культура.

У нас обещали открыть образование низам. Открыли ли? Не было никогда такого указа: сельское образование понизить и сельской молодёжи закрыть доступ к высокому образованию. Но, начиная с коллективизации и раскулачивания, именно это ударом по селу мы и сделали. Десятилетиями наши сельские школьники, лучшие отличники, может быть, будущие ломоносовы, практически не имели доступа, не смели идти на конкурс с московской или из крупных городов молодёжью. Потому что здесь уровень был совершенно другой. В центре. А селу это было закрыто и обрешено.

Сегодня мы проводим ещё новый страшный отрез. Это отрез такой: открывается качественное высокое образование, и в том числе образование в десятых и одиннадцатых классах, повышенное, – для детей богатых. Для тех, кто может платить деньги. А бедных отсекаем. Вот что мы сегодня делаем, и вот это ужасно. Мы на дороге возможных талантов ставим денежную стену. Это, с одной стороны, – моральная низость, а с другой стороны – государственная недальновидность. Ибо если мы сейчас начнём

создавать династии коммерческих семей и династии семей номенклатуры – откуда может быть уверенность или надежда, что вот эти дети будут талантливы, работоспособны, оправдают свои дипломы? А сколько будет бездельников и лодырей с дипломами? А "кухаркиных детей" мы сегодня, по сути, уже отсекаем.

Никто не настаивает, что надо делать высшее образование всеобщим: для государства это даже неосмысленно, не нужно. Но основательное полное среднее должно быть открыто для всех желающих. Вспомним Россию, проклятую старую буржуазно-дворянскую Россию. Там гимназия была – большое образование. Кончивший гимназию был действительно образованный человек, и уж один-то иностранный язык он знал. И я имею сотни биографий, когда из самого простого народа люди поднимались и кончали гимназию. Наши неистовые реформаторы, попугайски повторяя взятую с Запада кощунственную формулу "шоковая терапия", не предупредили нас, что первым образом удар этот, шок придётся даже и не по взрослым, даже и не по карману нашему, он придётся по нашим подросткам и детям.

Сегодня мы видим – большое число распадающихся браков. По статистике, больше половины наших браков распадается. Огромное число безнадзорных детей или так называемых "социальных сирот", хотя бы без одного родителя. Сегодня, вот уже реально, за несколько лет нищеты и бедности, питание и здоровье детей настолько понижены, что... Я приведу статистику, которую подготовила кафедра социологии и демографии Московского университета. Не думайте, что эта статистика напечатана. Она так страшна, что её не допускают в печать. Сегодня из родильных домов полностью здоровыми выписываются меньше 30 процентов младенцев. Сегодня в детских домах содержится детей с нервно-психическими отклонениями (это не заболевания, но отклонения) – 90%. Таких, с нервно-психическими отклонениями, сегодня по стране в возрасте от 7 до 17 лет – 7,5 миллионов. Сегодня в первый класс прини-

маются с отклонениями в здоровье, какими бы то ни было отклонениями, хотя бы в зрении, слухе, в интеллекте, в психическом развитии, в телесном, – 80%. Сегодня школьные медосмотры фиксируют больше 40% школьников с психо-неврологическими заболеваниями.

Наши учителя не готовы работать с таким контингентом. Рушится дисциплина, неизвестно, как управлять такой массой детей. В 1994 году, год назад, школу кончили вполне здоровыми от 10 до 15% детей. Детей в семьях с доходами ниже уровня бедности, то есть в нищете, декабрь 1994 года зафиксировал: среди школьников – 40%, среди пэтэушников – 75%. И я получаю письма, пишут матери: "Наши дети воспринимают комбикорм как лакомство".

А ещё же чернобыльская зона. Я, поехавши в Орловскую область, вот на днях, совсем забыл и не ожидал там никакой чернобыльской зоны, а там чернобыльская зона большим клином входит. Так вот, они получали бесплатные лекарства, эти дети, они получали пособия. Но, как и другие наши указы, это всё куда-то улетучилось, прекратилось.

Мы теперь настолько спокойно относимся к малодетности, к однодетности. Кто сейчас поверит, что 120 лет назад в России, в 1875 году, сколько бы, вы думали, приходилось на одну женщину в среднем, статистически, рождений? Семь! Потому что были семьи по 10-12-14 детей. Но вот с шестидесятых на семидесятые годы мы перешли грань: на одну женщину – 2,2 рождений. А 2,15 рождений – роковая грань, это граница воспроизведения населения. Так вот, сейчас эту грань мы уже перешли. И сегодня, последние годы, у нас меньше двух рождений на женщину, даже кое-где 1,8 и 1,4. Вымирание народа. А от этого изменится и возрастной состав школ. Очень скоро школы испытают сотрясение. Возраст от 3 до 9 лет – сегодня их 8 миллионов, но к 2000 году будет наверняка меньше 5 миллионов. Куда же денутся младшие классы? и все преподаватели? А потом через несколько лет этот дефицит перейдёт в старшие

классы. И будет то же самое в старших классах. Налицо обезлюживание школы.

Какая сейчас дисциплина? В сельских школах – нормальная. Там дети уважают учителя, и никаких оскорблений и нарушений нет. Но в городских я видел и слышал много жалоб. Ученик может во время урока встать и выйти из класса. А другой – оскорбить учителя, матом его покрыть. Или случай мне рассказывали: старухе-учительнице брызнули из газового баллончика в глаза. Какой выход? Наш закон об образовании, действующий, принятый прошлым Верховным Советом, 92-го года, выход нашёл: отчислять. Если раньше отчисляли не моложе 16 лет, теперь можно отчислять с 14 лет. Что от этого получится? Московский Институт развития образовательных систем даёт такую статистику: на декабрь 1994 года в возрасте от 7 до 17 лет у нас не обучалось больше чем 1.900.000 детей. Практически 2 миллиона не обучалось. Куда они идут? Они идут в преступность. По той же статистике: сегодня из преступлений, совершаемых в России, каждое шестое совершается подростками от 14 до 18 лет. Причём 222 тысячи преступных подростков зарегистрировано, а девочек-подростков зарегистрировано в милиции 42 тысячи. Среди этих преступных подростков растёт рецидивизм, повтор преступлений. Преступления групповые составляют уже две трети, убийства для грабежа, и даже с особой жестокостью. Таково реальное состояние нашей молодёжи сегодня. И это, это только начало нашего серьёзного разговора о средней школе.

ПЕРЕДАЧА 5

21 июня 1995

Психологический слом нынешних подростков. – Откуда начинать излечение? – Бедственное положение учителей.

...А что самое опасное с нашими подростками – это слом психологии, это сотрясение всех нравственных ценностей, какие в них уже нарастали и есть. Ломает среда. Что-то дикое происходит вокруг. Вот они видят необычайный взлёт цен. Родители во многих семьях перестают кормить семью, не могут, руки опускаются у родителей, у отца. Смышлёные мальчишки думают: "Так я сам заработаю!" И действительно, иногда за два дня зарабатывают столько, сколько отец в месяц. Но это преждевременное созревание – оно опасно, даже губительно для души. Преждевременно не должно это допускаться. И потом, он зарабатывает – появляется соблазн: так тогда и тратить можно. А соблазны со всех сторон!

Потом – демократия. Со всех сторон слышно: у нас теперь демократия! Все пользуются этим словом, хотя в общем-то мало кто его понимает. И в общем-то подлинная демократия у нас ещё не начиналась. К сожалению, многие, и взрослые, и в прессе, поняли демократию как распушенность, вседозволенность, вплоть до хамства. И, глядя на взрослых, подросток тоже так понимает. Он разрешает себе вседозволенность и распушенность по отношению к учителю, к своим товарищам.

В Ростове-на-Дону мне довелось провести интересное совещание с учителями. И один учитель образно сказал: "Мы сейчас воспитываем наших детей, как отступающую армию". Действительно, вот как армия отступает, бросает вооружение, снаряжение, обмундирование, всё как попало, лишь бы спастись, так и дети, и дети куда-то бегут, плохо понимая, что с ними происходит и что происходит вокруг.

И учителя, учителя каждый по-своему ищут, как бы помочь ребёнку осознать происходящее. И как же? Вот в сельской школе в десятом классе идёт урок истории. Я сижу и записываю. Учительница наивно пытается связать материал исторический и сегодняшний материал, как это полагается по методике. И вот она говорит такие фразы, я записал: "Надо хорошо учиться, чтобы стать богатым"; "Может быть, кто-нибудь из вас станет и владельцем завода". Боже мой! Слезы горькие! Эта покинутая деревенская, сельская, районная школа, – кто там из них когда станет владельцем завода? кто его пустит? И даже прямо спрашивает: "А вот ты, Ваня, хотел бы быть президентом?"

Когда-то наш великий русский педагог Ушинский писал: "Задача школы - превратить эгоистическое сердце в сердце всекорбящее". И ведь верно, ведь это подороже образования. А что делаем мы? А мы сейчас наоборот: заглушаем нравственные ростки в детях и готовим их к эгоистической жизни, к эгоизму. Экономика оказывается выше сердца. Где там понятие, что надо воспитывать просто достоинство, или просто верность слову, – не потому, что будет потом проигрыш в деньгах, а просто верность слову как таковому.

Книги, книги хорошие могли бы помочь. Но вот наш писатель Борис Екимов недавно проверял состав школьных сельских библиотек. И говорит: не обнаружил нигде "Капитанской дочки". Ну, если "Капитанской дочки" нет, то что там есть?

Вот нам сейчас разрешили великих поэтов и писателей XX века – пожалуйста, можно преподавать! А где они? Где их тексты? В сельской школе наверняка нет, никакого, ни

одного текста не найдёшь. В районных видел я, учительница говорит: я вот достала один экземпляр. Ну, а дальше? Ксерокопии в школе нет, оплачивать ксерокопию они не могут. Вот работай с одним экземпляром, как хочешь.

Со школьным делом, как со всяким делом в нашей стране сегодня, – трудно понять: этот клубок – распутывать с какого конца? Ну, казалось бы, ясно, с какого: с нижнего! Вот надо спасти сегодняшних детей, сегодняшних подростков. Но для того, чтобы их спасти, учителя должны быть на высоте. И нравственной, и образовательной. И понимать ход времени, и современность. Так значит, надо сперва переподготовить учителей? Но этим могут заняться или специальные курсы, или пединституты заранее должны думать. Но пединституты сами в смятении, пединституты тоже ни к чему не готовы. Тогда, значит, надо выше, с кругов академически-педагогических, оттуда начинать? Оттуда и учебники льются к нам! Но пока мы эту всю образовательную пирамиду построим, мы упустим 7-10 возрастов. Вот и спрашивается, откуда начинать? Откуда спасать?

Учителя. Учителей у нас, в России, до двух миллионов. Из них 85% – женщины. Как это получилось? Это получилось от долгих советских десятилетий, когда, в общем, школа наша, несмотря на громкие слова и лозунги, была в пренебрежении. Не только школьный труд оплачивался низко, не только учителей изматывали непосильной нагрузкой сверх учебной, но школа становилась настолько непрестижной, что мужчины уходили оттуда. Ты казался неудачником себе – что это, школьный учитель? ну ясно, неудачник. А вот сегодня, когда сердце подростка мятется, сегодня учитель-мужчина особенно необходим, как какая-то замена отцу. А их нет.

Учителя сегодня какую получают зарплату? Начинаящая учительница, кончила пединститут, получает в месяц 80 тысяч. Правда, дальше есть нарастание по стажу, нарастание по категориям: теперь 14 категорий квалификации. Ну вот, по высшей ставке можно получить 140-160,

ну, 170 тысяч в месяц. Можно на них прожить? Есть выход у учителей: вместо ставки можно взять полторы ставки, то есть не 18 часов в неделю, а 27. Но это уже обязательно снижает качество уроков, уже так ко всем урокам не подготовишься. Уже так над тетрадями не посидишь.

А ещё же классное руководство! Это знаменитое пресловутое классное руководство! Когда мы размётывали до-революционную школу, мы с негодованием, с презрением отметили – какие-то классные наставники, какие-то классные дамы, то есть педагоги, специально занятые воспитанием, и только воспитанием. Прочь, это будет общественная нагрузка! Великолепно, все советские годы так и шло. Вот, кроме того, что у тебя учебная нагрузка, кроме всех общественных, ещё тебе такая "небольшая" нагрузка: воспитание 40 человек. Но ведь это неохватно! Ведь 24 часа в день работай, и ничего не охватишь, всё равно! Оплата была всегда жалкая, по давнему времени – 40 рублей, сегодня дают 15% надбавки, ну, 20 тысяч, 25 тысяч кому-нибудь будет надбавка...

Раньше, долгое время, сельские учителя и районные имели бесплатные коммунальные услуги, то есть отопление, освещение и само жильё. Сегодня это снято. Сегодня этого нет. В районных центрах вообще неизвестно, где учителя живут, – там квартиры не найдёшь. А отопление в средней полосе России, уголь, стоит, мне говорили, миллион за зиму. Так вот, откуда этот миллион учителям взять?

Было у педагогов раньше большое преимущество – двухмесячный отпуск. За этот двухмесячный отпуск они могли и отдохнуть, и поехать в культурные центры, в музеи, в библиотеки, в театры, расширить свой горизонт, для детей. Теперь – всё, захлопнуто! Какой там, куда ехать? Никто из учителей никуда не едет. Эти два месяца они сидят на месте. Кто может, занимается огородом, кто способен держать свинью или корову – должен быть при них. И ещё одна учительница, не одна даже, а несколько раз это было, но одна очень ярко сказала: "Поймите унижение. В

чём я должна выйти перед учениками? как одеться? Денег нет на одежду! В рваном, в лохмотьях я выйти не могу!"

Ещё один наш писатель, Владимир Крупин, сказал недавно резко, но, может быть, соответственно: "Наши школьные учителя сегодня – это ломовые лошади просвещения".

Была раньше надбавка 10% на подписку на журналы, для развития, – её нет. Была раньше возможность культурной связи между школами и между районами. Но сейчас, вы сами знаете, транспорт недоступен, связь недоступна, всё это лопнуло.

Правда, ввели теперь вот эту квалификацию, 14 разрядов. Это хорошее дело. Хорошее. Учителя ведь очень разные, и учителя должны стараться совершенствоваться, они должны стараться получить более высокую категорию. Но – кто квалифицирует? Откуда набраться квалификационных этих инспекторов, этих экспертов? – их же нет. И часто комиссия некомпетентна. Она определяет квалификацию с ошибками, а это обидно. Понизили тебе – обидно, повысили другому ни за что – опять же обидно! Как это, как с этим справиться?

И вот слышишь от учителей, на многих встречах я так записывал, уже не буду всё повторять. Но вот: "Как это правительство довело школу до такого уровня?" – "Государственное – значит брошенное государством." – "Нет признаков, что в чём-нибудь будет исправляться." А один учитель сказал так: "Да, мы получили свободу. Свобода – огромное блюдо, и на нём – высохшая чёрствая корка. И сказали: пируй!"

Действительно, педагоги из своего внутреннего убеждения, из высокого сознания, из любви к ученикам, из ответственности перед родителями, из любви к предмету – ищут, стараются, самоотверженно работают, и свободу эту используют. Да, свобода есть? Приобрели свободу в приёмах, свободу в каком-то варьировании программ, но на каких это ножках держится? Как это тянуть?

Раньше учителя были затоплены иссушающей душу идеологией. Сейчас эта идеология – нельзя сказать, чтоб уж совсем схлынула, она ещё везде так пятнами, пятнами зловредными осталась. Ну, допустим, мы от неё освободимся. Но ложная методическая показуха – она вся осталась!

Например, открытые уроки. Открытый урок – у нас такая очень распространённая форма, заранее говорят: в такой-то день, в такой-то час у тебя будет открытый урок. Придут, значит, инспектора, наблюдатели, какие-то судьи, проведи открытый урок, покажи, как ты преподаёшь. Преподаватель робеет. Но он понимает, что ученики будут ещё больше смущены. Что преподавателю остаётся? Репетировать: "Так, я буду говорить, ребята, тема такая. Тебя, вот, спрошу, вот такой вопрос задам, что ты ответишь? Нет, не так, не так. Вот так ответишь. А ты вот так ответишь, вот такой будет тебе вопрос". Кому эти репетиции-показухи нужны?

А в последнее время открыли ещё лучше. У нас ведь есть конкурсы на лучших красавиц, конкурсы на лучших манекенщиц, так вот – конкурс "Лучший учитель года"! И вот проводят в некоторых областях этот идиотский конкурс! То есть это не просто открытый урок, это сверхоткрытый урок! Кто "лучший учитель года?" Но простите, но позвольте, каждый урок – это художественное произведение. Я веду один и тот же урок в трёх параллельных классах – они не одинаковы! Они зависят от состава учеников, от их состояния, от их настроения и от того, что мне там на перемене успели испортить настроение, подсунули какой-нибудь дурацкий приказ. Каждый урок – художественное произведение. Нет, вытаскивают на этот открытый конкурс, "учитель года". Какая это халтура!

Кто нам с вами дороже всего? Нам дороже всего наши дети. Но тогда почему школьные учителя нам не дороже всего? Почему мы школьных учителей держим в таком состоянии? Недавно было распоряжение правительства: журналистам – налоговые льготы, финансовые льготы, почему-

то ещё таможенные. А почему не школьным учителям? Ах, журналисты! – светочи наши, просветители нации, – а почему не школьные учителя? Или врачи, о которых тоже ещё будем говорить? Почему не им, не для них мы в первую очередь заботимся о льготах?

ПЕРЕДАЧА 6

26 июня 1995

Переполнение школ. – О школьных учебниках.

С огорчением должен сказать, что предыдущая передача, посвящённая положению учителей, была скоропоспешно перенесена, без должного объявления, на какой день передвинута, – и поэтому многие, в том числе учителя, её, очевидно, не слышали, не видели.

Но сегодня мы будем говорить о положении, о состоянии самих школ и о положении со школьными учебниками. В России 67 тысяч школ. Из них 23 тысячи нуждаются в капитальном ремонте, то есть одна треть. А в деревне этот процент ещё выше.

Переполнения в деревенских школах, как правило, не бывает, но, впрочем, мы умеем его создать. Вот, в Иркутской области, я был в селе Эйдучанка. Нашими научными победами над природой, преобразованием природы – заливы соседние сёла, затоплены. И дети вместе с родителями, естественно, переместились в эту Эйдучанку. Школа, назначенная на 250 человек, теперь принимает 600, то есть еле-еле в три смены они помещаются. Бывает и в других сёлах так.

В городах эта проблема ещё острее стоит. В городах часто бывает переполнение, так что даже в некоторых школах, я знаю, туалеты переделываются под классы. Бывает плохое проветривание, нечистый воздух, бывает зара-

жение грибком стен. Санэпидстанция требует закрыть школу – гороно разводит руками: полторы тысячи учеников некуда деть.

Раньше у школ были так называемые "шефы", шефские предприятия. Они помогали в ремонте. Сейчас таких шефских предприятий, в основном, не осталось. Сама школа имеет ничтожные финансовые возможности, да ещё со связанными руками: она не имеет права перенести расход из статьи в статью, так что вот ремонт крайне неотложный, а перенести туда деньги нельзя ни копейки. Значит, откуда брать деньги на ремонт? Собирать с бедных родителей, а дети сами, как рабочие, будут чинить.

Снабжение школ наглядными пособиями в последнее время резко упало. Есть школы, которые по пять лет не получают никаких наглядных пособий, средств к обучению. Географические карты я видел – протёртые, продырявленные, подклеенные, там что уже разобрать можно, не знаю. Не говоря уже о том, что у нас границ нагородили новых, государств. Надо же новые карты издавать. Ремёсла глохнут, потому что нет снабжения: пластилина нет, швейных материалов нет, для выжигания, для резьбы по дереву – нет. Дед Мороз под Новый год дарит, как известно, детям подарки. Но у школы нет денег на эти подарки. Так что собирают тайком с родителей, и потом детям дарят.

Об учебниках. По данным Московского Института развития образовательных систем, на 1 сентября 1994 года обеспеченность школ учебниками была 80%. Это ещё неплохая цифра. Но я в ней сомневаюсь. Сомневаюсь потому, что в ряде мест мне говорили, что обеспеченность лишь до 40-50%. И действительно, в деревнях во многих я видел (и это уже стало законом) – один учебник на двоих. Вот и учись как хочешь.

А для начальных классов уж такие истёртые учебники мне показывали. Учительница говорит: "Ведь это же лохмотья. Я ввожу их в знания, приучаю к книге, и начинается с того, что даю им – лохмотья. Какое уважение к книге будет? и чему их можно по этим учебникам научить?"

В 1995 году, однако, положение с учебниками грозит быть хуже, чем в прошлом. Дело в том, что из отпущенных на учебники денег в апреле было дано реально 5%, сейчас около 20%, – но это уже июнь, конец июня, уже поздно. Поэтому обеспеченность будет ниже, чем в прошлом году. И с удивлением смотришь по телевизору выступление министра просвещения, страшно благополучное, как будто всё налажено, всё идёт более или менее нормально.

С учебниками мы потерпели два сотрясения. Одно – демонополизация издательского дела. В учебном деле она очень вредна. Тут монополизация должна была ещё остаться. И затем расстройство системы распространения. Казалось бы, в таком случае надо перенести всё печатание учебников в регионы. И в пользу этого есть аргументы серьёзные.

Во-первых, у областных департаментов образования есть свои складские помещения для учебников и для школьной литературы, есть коллекторы. Потом, только в регионах можно наладить растоптанное у нас краеведение, только регионы могут создать учебники по краеведению, которым мы возмутительно пренебрегаем.

Но, с другой стороны, есть опасность, что если каждый регион начнёт печатать учебники порознь, то это приведёт к разноголосице и расстройству, потере единой системы образования. Книжная палата наша, которая веками получала обязательные экземпляры со всей страны всего, что издаётся, сегодня многого не получает. По Книжной палате сегодня даже не узнаешь, какие вышли учебники в тех же регионах.

Потом, частные предприниматели сейчас делают такие шаги: они рассчитывают, что вот этот учебник выгодно издать и продать. Тогда они покупают у автора прямо готовый текст, издают его без надлежащей экспертизы, без проверки серьёзной, и пускают в продажу. А можно ли учебники пускать без проверки?

Составление учебников – это сложная, высокая работа, соединённо ума, души и сердца. Вы можете быть пер-

воклассным специалистом в каком-нибудь предмете, или области, или науке – и не напишете школьного учебника. Мне показывали и жаловались: учебники написаны сухим вузовским языком, читать их нельзя. И мне давали на отзыв пособие по литературе. Не учебник, а пособие по литературе для старших классов. Боже мой, этот язык... Написано так, чтобы выламываться перед другими литературоведами. То есть ученики могут только отворачиваться и от этой литературы проклятой, и от этих писателей, – лучше бы их никогда не видеть. Вот такое пособие совсем недавно издали, мне предлагали его прорецензировать.

Сейчас многие учёные, оставшись без работы, охотно берутся написать учебник. И, кажется, профессиональные знания у них отличные. Но на самом деле, для того чтобы написать учебник, надо понимать психологию ребёнка, его трудности, его интересы, надо ощущать переход от абзаца к абзацу, от параграфа к параграфу.

Существовали же у нас учебники – ну, правда, по геометрии – 70-80 лет не меняли, сквозь революцию прошли, и всё не меняли. Вот это учебник! Должен писать учебник педагог с душой и с опытом работы с детьми. А потом – должны быть экспертные комиссии. У нас сейчас так: с одной стороны, прекрасно, программу можно изменять, искать новые пути, но это грозит, с другой стороны, эпидемией экспериментаторства.

Варианты учебников нужны ли? Да, конечно, нужны. Варианты нужны в том случае, если мы можем обеспечить нормальным книгоизданием заблаговременно учителям выбор. Учитель просматривает несколько вариантов и говорит: "Вот этот вариант я заказываю, я буду преподавать по нему". Но разве при нашей бедности сегодня мы можем это обеспечить?

Сегодня страшно следующее. Мы не успеваем мало того, что просто издать, но вот эти варианты, которые появляются, мы не успеваем их пропустить через надёжные экспертные советы. А экспертного совета мало, потому что, кроме экспертизы, нужна потом экспериментальная

проверка на ограниченном учебном пространстве. Год-два учебники должны пройти такую проверку, после этого ещё переделаться, и вот тогда будет настоящий учебник.

Страшно ещё идеологическое сопротивление. Все эти пережитки марксизма, советских формулировок долдонских. Отчасти они сознательно выставляются, чтобы нас задержать в движении к пониманию истины. А отчасти это невольное... это инерция. Инерция человеческого сознания, которая бывает всегда, когда исторический процесс, события идут слишком быстро, человеческое сознание не может за ними уследить, всё переварить и усвоить. Оно всегда отстаёт. И вот это отставание сказывается в создании учебников.

И сегодня наша история, литература, экономическая география, другие гуманитарные науки идут на ощупь. Они идут с непрояснённым горизонтом, в хаосе мыслей, и в этом случае есть большой соблазн механически заимствовать что-то готовое. Ну, раз старое было плохо... откуда взять? С Запада. Взять западные концепции, стереотипы, формулировки, термины. Но, например, в истории я бы очень предупредил, что в течение всего советского времени так называемые советологи, кремленологи, они молились на нашу советскую историческую науку. Ещё бы! Самая передовая в мире страна! Передовой эксперимент! Какая наука, какая статистика! Советскую дутую статистику считали безукоризненно научной, русскую же дореволюционную отвергали как буржуазную. Если появлялись авторы в эмиграции, критикующие советские исторические концепции, – их идеи отвергали как ненаучные и необъективные. Вот так на Западе создали науку о нашей советской истории, а мы теперь в хвост... Они в хвост нам шли, а мы теперь в хвост им, и заимствуем это.

Что сказать об учебниках истории специально? Во многих местах я видел историю СССР, издания 80-х годов. Ну, что о ней... Что там наворочено, что можно понять. Есть очищенная "История Отечества" для 10-х классов. Смотрел я и её. В отношении дореволюционной России – в

лучшем случае перечисление событий. Бедность мысли и нерешительность мысли. Не дай Бог дать патриотическую концепцию национальной истории, так, как делается во всех нормальных странах. Этого боятся.

1917 год. Я 20 лет им занимался. Год – роковой для России, сотрясательный для всего человечества. Что о нём можно по этому учебнику понять? Да ничего существенного, ничего главного, всех процессов понять нельзя. Ленин приехал, броневик, "Апрельские тезисы", а там дальше – Октябрьский переворот, мощный фактор, триумфальное шествие советской власти. Вот вам и весь 17-й год.

И при этом утверждается, что советское время – преемственно к дореволюционному. Как же оно может быть преемственно, если 15 лет над нами бушевал ураган лозунга: "всё до основания разрушим – построим новое!" И так и делали: разрушали всю традицию мысли, всю традицию культуры, все сословия, религию, мировоззрение, всё разрушали и разрушали. А потом построили новое. А теперь учебник говорит: "Это преемственно".

Что бы вы думали? Коллективизация и раскулачивание – это что такое было? Оказывается, по этому учебнику, то были мероприятия по повышению производительности сельского хозяйства. Значит, у нас было зерна завалилось, повысили производительность – остались без зерна. Голод, террор ЧК, ГПУ ранних 20-х годов – этого нету вообще. Такого не было. А вот голод 30-х годов нельзя не признать – он признаётся. Но без связи с коллективизацией, не сказано, что это от коллективизации, – этого нет.

И, конечно, можем найти там и невиданный энтузиазм трудящихся, и – как предполагал социализм светлое будущее, но почему-то, вот, кризис за кризисом, не получилось. В общем, вернись мы сейчас к нашему прежнему политическому устройству, этот учебник ещё так подумать, может быть, выбрасывать не надо, может, ещё пригодится и для того времени.

Историю для 11-го класса – тем более сложно написать. Потому что она: Вторая мировая война и после.

Близкое к нам время. Здесь авторы особенно осторожны, здесь надо особенно не поскользнуться. И тут чёрные дыры умолчания и непонимания. И тут, вот, инерция сознания, которая нас задерживает. В общем, боюсь, что с учебниками по истории у нас осталось: начать и кончить.

С учебниками по литературе – более благоприятное положение. Литература – уже когда взяли авторов, которых допустили, – она невольно идёт за авторами. Сам автор влечёт за собой, даёт истинный материал, живой, естественный материал. Я вот смотрел учебник 9-го класса по литературе, огромный период – от античности до Гоголя. Но всё-таки там этой отвратительной жвачки, которой нам забивали головы, там её нет, и мы можем надеяться, что по литературе мы выйдем раньше вперёд, а в конце концов прорвёмся и к учебникам истории настоящим.

ПЕРЕДАЧА 7

10 июля 1995

О русской национальной школе.

В конце июня в Москве состоялся всероссийский земский съезд учителей. Такого в России не было с 1911 года. Собрались из 50 регионов до 800 человек – преподаватели, школьные учителя, городские и сельские, работники системы народного образования, преподаватели пединститутов, активные деятели просвещения. И задача их была и цель – как нашу школу вывести из нынешнего кризиса, как оживить её и поставить на твёрдые ноги.

Одна из форм, которая видится Земскому движению, – это создание земской школы, то есть школы государственно-общественной, где и программы, и весь учебный процесс, всё устройство регулируются не только государством, как сегодня, а совместно – государством и местным народным самоуправлением.

Поразительно, что съезд этот не имел никакой поддержки от правительства. Более того, в ряде звеньев государственного аппарата созыв такого съезда встретил сопротивление, как встречают сопротивление вообще всякие попытки народного самоуправления. Вот эта бесчувственность нашей нынешней государственной системы ко всякому живому движению в стране, ко всякому доброму движению – совершенно удручает. Это какой-то мрачный тупик. И что же будет дальше?

Сегодня, когда нам и уши и глаза залепливают, из телевизора и отовсюду, истерической политикой, этой предвыборной кампанией, которая уже почему-то идёт полгода, и ещё будет идти полгода, а потом ещё следующие полгода, вот так полтора года будет нас трясти... Сегодня бесконечно трудно поверить, что мы сами, только мы сами, усилиями нашими, тихими, повседневными, настойчивыми, плодотворными, медленными, как пчёлы отстраивают улей, сот за сотом, ячея за ячеей, – вот так только мы можем поднять всё в России, и в том числе образование.

Земство... Земство есть народное самоуправление всех живущих в данной местности. По этому самому смыслу и определению оно внепартийно, внеполитично и вненационально. Во всём, кроме одной оговорки. Школа – не может быть не национальной. Школа обязательно опирается на какую-то культуру.

Ну, вот мы видели – у нас был блистательный пример советской школы, 70 лет у нас строили вненациональную школу. И гимны пели не только о дружбе народов, но и о том, что все народы сливаются в один, советский. 70 лет сливались, а потом в один-два дня, когда треснули границы, сразу же во всех республиках стали основывать свои национальные школы. Во всех республиках. И это естественно. И в этом упрекнуть их нельзя, это во всём мире так. В Швейцарии, где я жил, в Германии, во Франции, знаю... Ведь всякая школа строится на национальных принципах, национальных традициях, национальной культуре, национальной истории. Конечно, во взаимодействии, в разумном взаимодействии и отображении культур других, мировых.

В Америке это принимает уже крайние формы. Мои дети учились в американской школе, там больше двух третей гуманитарного образования посвящены только самой Америке, всё внутри Америки. И какой-нибудь ручей или камень, связанный с Гражданской войной, или отличившийся в ней лейтенант, – более известны, чем крупнейший политический деятель Европы. И когда теперь в Америке пе-

чатают мои статьи, то через каждые три-четыре строчки ставят сноску и объясняют читателю: это лицо такое-то, это такая-то личность, такой-то термин, такое-то понятие, такое-то явление. Издатели исходят из того, что читатели не знают.

В каждом американском классе висит национальный флаг. И во многих школах произносят ещё слова верности флагу, каждый день. А патриотизма там не только никто не стыдится, патриотизмом дышит Америка, гордится патриотизмом. Америка воодушевлена своим патриотизмом.

Теперь – национальные школы в наших российских автономиях. Они тоже всюду развиваются, как только автономии определились – они везде развиваются. И тоже их не упрекнёшь. Но здесь следует сделать два предупреждения. Дело в том, что многие национальные школы автономий России хотят отойти от двуязычия, а дать чисто национальное воспитание на своём языке; русский язык, и тем более русская культура и литература, оттесняются ими. Так вот тут надо предупредить: с одной стороны, они сами себе утяжеляют, удлиняют, делают мучительным путь к вершинам мировой культуры. Потому что к вершинам мировой культуры через русскую культуру пройти значительно легче, нежели им самим заново искать эту дорогу. А во-вторых, если мы единое государство, то что же это будет? У нас рассыпется единое языковое пространство, рассыпется образовательное пространство, культурное пространство, рассыпется и сама Россия. Всё это надо иметь в виду.

Правда, в автономиях, конечно, есть везде так называемые "русские школы". Почему "так называемые"? Потому что в большинстве из них русскость состоит только в том, что у них русский язык для преподавания. Но программы в той же Татарии или Башкирии – идут о Татарии или Башкирии. История Татарии, культура Татарии. И русский язык – чем он становится? Становится ли он льготой и простором для русской культуры? Нет. Он становится как бы мостиком для того, чтобы ученик переходил в

культуру данной местной автономии, а от русской бы ушел.

Во всём мире национальные школы – естественная вещь. Одни только мы, русские, боимся произнести сочетание "русская национальная школа". И вот, например, в Москве, столице России, сейчас две дюжины иностранных школ. Любая иностранная колония устраивает свою школу, их уже много. Русская же национальная школа – одна, и то экспериментальная.

Что значит русская национальная школа? Боже упаси думать, что это значит – принимать учеников по этническому принципу, ничего подобного. Принимаются все желающие, но родители, отдавая своих детей, понимают, что программа будет строиться на русской национальной традиции, культуре, языке, истории.

О языке я сегодня не стану говорить, потому что это тема отдельного разговора, это боль наша – сегодняшнее состояние русского языка. Мы должны его спасти, иначе мы вообще скоро будем немые, мы лишимся языка.

Но история наша... У нас будто бы изучали историю в Советском Союзе. Да ничего подобного. Я ещё в своей юности помню – у нас, до моих старших классов, не было даже понятия "история", такого предмета не было, потому что – какая может быть история, если жизнь человечества началась с октябрьского переворота? Отсюда пошла история, а до этого не было истории. Потом – ввели историю. Но как её ввели? Русскую историю вклинили в историю СССР. Отдельными фрагментами, и то, главным образом, – классовая борьба, восстания, что сотрясало и обрекало Россию на революцию. Ощущение тысячелетней глубины, стержня единой истории, культурного, исторического, – всё это убирали. И поэтому сегодняшнее наше взрослое население просто невежественно в русской истории, ничего этого не знает.

Мы должны написать не просто хорошие исторические учебники, мы должны для старшеклассников составить хорошие хрестоматии, где бы мы учили их на отрывках из на-

ших лучших историков – Карамзина, Соловьёва, Ключевского, Платонова и других, на фрагментах из исторических документов России, приобщали бы их к настоящему духу этой истории.

В школе, о которой я сказал, экспериментальной, в Москве, намечаются такие предметы: русская словесность (это шире, чем русская литература). История русской книги. Выдающиеся люди русской истории. У нас их всех пускали под откос, этих выдающихся людей, кто не был нужен по политическим соображениям. А это – огромный предмет, огромная история. Затем – история русской философии. Естественно, всюду в этих школах должно быть краеведение, потому что краеведение, знание своего края, его истории, истоков его культуры, разнообразных от края к краю, оно наиболее сливает нас с Отечеством своим и отечественной историей. Само собой – и воспитание нравственное. Нравственное воспитание даже ещё важнее образования.

Среди этих предметов предлагают, например, и такой предмет: гражданское благочестие и российские законы. Слышите, как это необычно звучит и вместе с тем – глубоко. Мы должны воспитывать и гражданина, и семьянина. И потому: гражданское благочестие и российские законы, соотношение гражданина с российскими законами. Этическое воспитание, нравственное, должно открыть все подавленные свойства склада русского характера, русской души, нашу широту, отзывчивость, открытость, доброту, сострадание, милосердие, вот этому всему открыть дорогу.

Но, конечно, окунаясь в русскую традицию и держа её, не надо закисать в хороводах. Нет, мы должны школу держать на высочайшем современном уровне, и научном, и организационном, и по качеству обучения. Именно теперь, когда наш народ находится в духовном провале, и молодёжь наша особенно, – именно теперь только и важно этим языковым и традиционным воспитанием сохранить, спасти, дать опору для возрождения нашего национального сознания. Но, конечно, черпая из наших истоков – исторических, культурных, ведя умственное, эстетическое и культурное

воспитание, надо всё время соотноситься с другими культурами, надо не дать возможности никаких путей открыть ни для шовинизма, ни для ксенофобии, которые, впрочем, и не присущи русскому народу, никогда не были. А вот если мы будем, наоборот, стараться загонять русское национальное сознание в подвал, то мы вызовем его агрессивность.

Мы при большевиках имели интернационализм, нас воспитывали в интернационализме. Интер-нация. Между нациями. Никакой нации не принадлежать. Садись между двумя-тремя табуретками. И так большевики и сели. Двадцать пять лет пламенел интернационализм. А началась война с Гитлером – что сделали? Весь интернационализм спрятали до последней искорки и – Дмитрий Донской, Александр Невский, Суворов, Кутузов, святые знамёна, – и победили! А спустя время опять: "победил великий социалистический строй". Нет, победили под патриотическими знамёнами. Потому что каждая страна стоять может только на патриотизме, и мы это видим и по Америке.

Естественно, что во всякой национальной школе не может не найти места религиозное воспитание. В пакте ООН о правах человека говорится: "Родители имеют право дать детям религиозное воспитание". Отказать в этом родителям нельзя. В русской школе (естественно, со сбросом на атеизм) те, кто будет выбирать религию, выберут православие. Значит, оно должно стать в расписание. Ничего нет пугающего для атеистов: надо дать и право факультативного отказа – не хочешь, не ходи. А если в этой местности есть какая-то нация, которая может организовать своё религиозное воспитание, – тоже можно, и тоже – в расписание, и атеисты могут отказываться. Но то, что сегодня нам подаётся под видом возврата к религии, – общее религиоведение, общая культурология, – это эрзац, это мимикрия, в которой бывшие марксисты, оставшиеся без хлеба, ищут себе, в какую форму войти. Это – не религиозное воспитание.

Если мы не дадим национального воспитания в школе, если мы не будем воспитывать этих патриотических

чувств, глубины истории нашей тысячелетней в наших детях, то мы и будущую интеллигенцию получим вот такую, как сейчас, – без связей с национальной традицией, с национальным духом и с глубиной истории. И если когда над Россией, как и над другими странами мира, в XXI веке прогремят свои военные грозы, то неужели мы можем надеяться, что наш народ пойдёт воевать за права коммерции, за жиреющие банки, за этих грязнохватов, расхватывающих народное имущество? Нет, не пойдёт.

Да что там. Недавно, вот в последние годы, мы от радикал-демократов слышим слово "патриот" как бранное. Не самое грязное, но предпоследнее по грязности. Самое грязное – "фашист", а предпоследнее – "патриот". И вдруг недавно по телевизору вижу: вождь радикал-демократов, беседуя со своими сотрудниками, соратниками в преддверии предвыборной кампании, стеснительно так склонив голову, говорит, буквально: "Нам трудно вымолвить, но ведь мы же с вами патриоты". Батюшки! Наконец-то! Схватились! Очнулись! Надолго ли? Или только до следующей избирательной кампании?..

ПЕРЕДАЧА 8

24 июля 1995

Профсоюзы. История их в России. – Профсоюзы последних лет. – Телевизионная передача о забастовках.

Среди многих неурядиц и расстройств нашего времени тревожит состояние профсоюзов – мутное и раздёрганное. То ли было при большевиках? "Профсоюзы – школа коммунизма"! "Профсоюзы – приводные ремни диктатуры пролетариата"! И всё было ясно. Как скажет власть, как скажет администрация – так профсоюз и выполняет.

А рабочие далеко не сразу с этим смирились. У нас, как всё в истории, – или замазано чёрной краской, так что не прочтёшь, или белой – так что даже не догадаешься, что там что-то было. Ну кто теперь знает, что в первые же месяцы после октябрьского переворота петроградский пролетариат стал в конфликт с коммунистической властью? Именно: создавались независимые фабзавкомы, фабрично-заводские комитеты. И рабочие действительно поверили, что они сами могут устраивать свою судьбу. Коммунистическая власть уже тогда начала разгонять эти фабзавкомы, и даже на некоторых петроградских заводских дворах стреляла из пулемётов по рабочим, чтобы их подавить.

1918 год... Многие месяцы 18-го года были полны борьбы рабочих за свою независимость. Это тоже неизвестно. Мы напечатали об этом книгу в "Исследованиях новейшей русской истории". Это история движения уполномо-

ченных от фабрик и заводов, и как они собирали конференции или съезды, а большевики успевали вовремя их арестовывать, перехватывать, разорять, не дать им возможности осуществить задуманное. В 1918 в Ижевске перед собором расстреливали из пулемётов рабочую толпу, множество жертв. Но ижевцы – они оружейники, у них свои винтовки, они вступили в бой. Они вообще сбросили большевицкую власть, а потом ижевские и воткинские рабочие отступали с оружием от карательных отрядов и от Красной армии.

В 1921 году петроградские рабочие поддерживали кронштадтское восстание. В 21-м году и в самой партии были серьёзные большие столкновения по поводу "рабочего вопроса". Так называемая "рабочая оппозиция", во главе её был Александр Шляпников – изо всех вождей коммунистической партии единственный настоящий рабочий, токарь высокого класса. Все остальные вожди были образованные и полуобразованные, руками ничего не делали, к рабочему классу никакого отношения не имели. Так вот, Шляпников доказывал, что рабочие должны иметь свою независимость и самостоятельность. Ленин и Троцкий растёрли в порошок эту "рабочую оппозицию". Сталин добил Шляпникова потом в своих тюрьмах. И у нас воцарились Советы как декорация, всё по звонку из партии, и профсоюзы – тоже как декорация. Но так как у нас всегда зарплата сильно недоплачивалась, в десятки раз, то на разницу эту государство давало профсоюзу что-то для соцстраха, что-то для путёвок, и так шло более или менее мирно. Казалось, всё хорошо.

Но вот наступила великая пере... пере... как её назвать? – перетряска. И ВЦСПС, огромный этот слон, повис в воздухе. Что ему теперь делать? Перестать существовать они себе не могли разрешить. Они перестроились в Федерацию независимых профсоюзов России. У нас теперь все ведь независимые. Кого ни возьми – или "независимый", или "свободный". Это очень подчёркивается.

А независимое рабочее движение действительно у нас в 88-м году началось. Началось с рабочих комитетов по

разным, разным местам России. Это было действительно рабочее движение, но они были совершенно неопытны. После семидесятилетней отвычки – как организовать? как связаться? как поступить? Они не имели никакого опыта, действовали совсем растерянно, на ощупь.

А тем временем в Москве у нас появилась новая роль: профессиональный политик. Откуда взялись эти профессиональные политики? Раньше одни были просто в аппарате власти и партии, другие – в аппарате пропаганды, а третьи сидели тихо, как мыши, по московским кухням, не было их слышно. Но когда заварилась перестройка, гласность, – появились у нас профессиональные политики. И начались в Москве политические бои. В одном Верховном совете, в другом Верховном совете, в обоих. И в этот момент этим политикам пришла в голову та самая гениальная мысль: а использовать надо рабочее движение, двинуть рабочее движение! И вы помните, что вокруг Межрегиональной группы депутатов были призывы ко "всеобщей политической забастовке!", "тряхнуть всей страной!" – для того, чтобы выиграть какой-то местный бой в Москве.

Слава Богу, хватило трезвости у нашего населения не отозваться на этот призыв ко всеобщей политической забастовке. Но партийное влияние и всякие корыстные влияния на эти рабочие комитеты в конце концов, в общем, не дали им развиваться, они не развились. Партийные деятели всё время пытаются профсоюзы использовать для своих радикальных игр, дирижировать ими, направлять для своей борьбы за власть.

Сегодня о рабочих комитетах отдельно говорить не приходится. Но профсоюзы? Да, профсоюзам сейчас как будто открыто поле деятельности. Именно: на предприятиях запрещено создание партийных организаций, а профсоюзные организации могут существовать. Тогда у партий появляется идея: нельзя прямо проникнуть на производство, но можно проникнуть через профсоюзы, можно использовать профсоюз как базу, опорную базу для своей политики.

И начали создавать профсоюзы, как грибы стали расти, дробные профсоюзы, не представляющие большинство своих коллективов. Это делается примерно так. Вот, тысяча человек, допустим, на производстве. Вдруг двадцать из них объявляют "профсоюз". И начинают действовать активно, выдвигают требования, связываются с прессой, а то и с какой-нибудь партией. Тогда какие-то другие тридцать-сорок человек объявляют тоже "профсоюз". И между ними начинается борьба за влияние на свой коллектив. Каждый из них не уполномочен общей волей. Конкуренция. Это приводит к расколу между профсоюзами, расколу бессмысленному и ненужному.

Вот несколько примеров. Лётный состав. Между лётчиками никаких противоречий нет, у них интересы единые и осознанные. А профсоюзов лётного состава – два, они конкурируют между собой. Был профсоюз угольщиков. Возник "независимый профсоюз горняков". И они вот так вот сталкиваются. В чём здесь дело? Конечно, как и всегда, мы должны к этому быть готовы: к сожалению, во всяких политических и общественных движениях разрушительную роль играют личные амбиции, личные претензии людей быть лидерами, руководить. Но и кроме того партийное влияние. Всё это сталкивается и приводит к расколу. И в этом губительном соревновании каждый профсоюз старается привлечь к себе внимание телевидения, внимание прессы, провести какую-то акцию. А потом рабочие, как использованный материал, забываются.

Сегодня очень тревожно то, что многие потрясают лозунгом "забастовки во что бы то ни стало". Забастовки. Тут тоже надо вспомнить историю. Как всегда, нам очень бы помогло знание нашей истории, однако мы её не знаем. Мы слышали – вообще, отдалённо – что в начале XX века, с 1901 по 1905, было крупное забастовочное движение в России. А в чём оно состояло? как оно было? А было оно так, что революционные вожди назначали: вот здесь надо провести забастовку. И идёт смена очередная на завод, её встречают несколько молодчиков с палками, и говорят:

"Всё, заворачивай, забастовка!" Они не хотят. Тогда палками по лбу нескольких огреют, – захотят, отступят. А когда нужно выгнать с завода – что делали? Я читал эти мемуары, не раз читал, воспоминания есть. О том, что посылали мальчишек с камнями и гайками. И вот мальчишки врываются в цех и начинают швырять в головы – заслуженным, старым, опытным профессиональным рабочим в головы: "Убирайтесь вон! Забастовка!" И что против этих бесенят сделаешь? Уйдут.

И так раскачивали, раскачивали успешно пять лет забастовки в России, что добились-таки в 1905: всеобщая политическая забастовка! Ещё чуть-чуть-чуть, и Россию бы свалили. Удержалась.

После этого и до 1914 был лучший расцветный период России. И тогда профсоюзы, тоже не все это знают, прекрасно существовали. Они были легализованы. Были законы о профсоюзах в России, одни из лучших в Европе. У нас были и больничные кассы у профсоюзов, была помощь по нетрудоспособности, по болезни, всё это было. Всё это замазано и забыто.

А вот в конце июня мне досталось по телевидению видеть дискуссию. Ведущий с самого начала объявил: "Тема наша – забастовка!" И длилась эта передача 45 минут. Я думаю, её многие видели – это было в конце июня. Я бы хотел немного о ней сказать. Там так устроено: сидит некоторая публика, специально подобранная публика. На возвышении – три профсоюзных лидера. А в промежутке иногда дают фрагменты съёмки рабочих на своих рабочих местах. Так это же – небо и земля. Сравнить нельзя. Насколько у этих рабочих искренняя боль, абсолютно неподготовленные заявления. И насколько у этих профсоюзных лидеров и у этой публики, тут выступающей перед телевизором, насколько всеми ими движет расчёт, не говоря о том, что это просто две разных породы: те действительно рабочие, а эти неизвестно почему обсуждают рабочие интересы.

И вот, что мы слышим в той телевизионной программе? Слышала это вся страна. "Эти реформы ведут в ту-

пик". (Ну, и правда, ведут, а что возразишь? Для рабочих - да.) Дальше такие фразы звучали: "У них нет совести". (А что возразишь? Разве есть?) "Происходит экономический геноцид трудящихся. Рабочие негодуют: 'А зачем нам работать так?' – И действительно, зачем же работать вот так, когда ничто не организовано и даже зарплаты не платят? У нас сейчас принято говорить, что рабочие не хотят работать. Нет, это непроходимая бесчувственность администрации и властей.

Дальше там говорилось, в этой передаче: "Линия нынешних реформ толкает на забастовку". Да, толкает. Но не каждому толчку надо поддаваться. Надо сказать, что дальше эта передача раскручивалась, в общем, в том смысле, чтобы забастовки *непрерывно* проводить, и даже во что бы то ни стало. Лидер независимого профсоюза горняков с помоста заявляет: "Забастовки – основное средство борьбы". Ну знаете, если забастовки – основное средство борьбы, тогда мы погибли. Тогда и профсоюзы уже теряют всякий свой смысл.

Там какая-то странная фигура выступала – дама, сотрудница американских профсоюзов, координатор Русско-Американского (читай: американского) профсоюзного Фонда, американская гражданка. А титры к ней подают "московский правозащитник". Вот как это совместить? как это можно одновременно быть и тем и другим? Так она уговаривает: "Опасность забастовки часто преувеличивают". Буквально повторяю: "Зато забастовки укрепляют в людях веру". Во что веру?..

Идёт раскачка дальше и больше, и мы слышим там голоса в этой передаче такие: "А что, возьмутся за топоры!" Возможно. "Да у нас в Челябинске 73% были готовы на крайние меры! Оружие возьмём!" Выступает бывший диссидент, когда-то гремевший, диссидент-профсоюзник, и говорит: "Самый большой враг у нас..." – кто бы вы думали? – "Государство!" Самый большой враг у нас – наш дом, в котором мы живём! Дальше он говорит: "Профсоюз – оружие в борьбе с государством". Вот ещё лучшая формули-

ровка, почище ещё всех тех большевицких. Оружие в борьбе с государством. Так это – призыв к чему? К революции? К анархии? Хороши профсоюзы! Достойная передача по телевидению! Кто такую передачу оплачивает, интересно?..

Да, действительно, экономическое давление сейчас на трудящихся ужасающее. Да, всем невероятно тяжело, особенно эти ужасные задержки зарплаты. И те, кто наверху, кто ворочает промышленностью и, добавлю, **кто ворует**, должны бы очнуться, потому что когда-нибудь и до них дойдёт. Только нет, признать, что забастовка – основное средство борьбы профсоюзов, что оружие и революция – это средство борьбы за экономические права, – нет, это конец страны.

Профессиональные союзы – это сложные и нужные организации: это по сути – сословия. Сословия, которых у нас нет, объединения людей данной профессии. Они бы встроились и в народное самоуправление. Мы ждём их. Но как нормально должен развиваться профсоюз, как он может нормально развиваться – об этом поговорим в следующий раз.

ПЕРЕДАЧА 9

7 августа 1995

*Нормальное развитие профсоюзного движения сегодня. –
Опасность посторонних влияний.*

Так каково же нормальное создание и развитие профсоюзов? Только снизу, ни в коем случае не учреждением сверху, и ни в коем случае не боковым влиянием. Только снизу, от своего рабочего коллектива, как всё в России должно расти снизу. От завода данного, или от предприятия, или от группы предприятий, или от рассеянной (если она географически рассеяна) профессии. От большинства, от ясного большинства, от подавляющего большинства этой профессии или этих рабочих создаётся профессиональный союз.

И самое главное условие – чтоб не было у него никакой денежной зависимости ни от кого. Он может жить только на собственные средства – будут ли это профсоюзные взносы, или сам профсоюз будет каким-то образом зарабатывать ещё, это его дело. Но ни в коем случае не должно быть ни административной, ни финансовой зависимости ни от государства, ни от директората, ни от коммерческих структур, ни от банков, ни от партий, – ни от кого. Только в этом случае профсоюзные лидеры будут действительно представлять свой коллектив и его интересы.

Другое дело, что профсоюзы, становясь частью структуры общества, будут живой частью народного самоуправ-

ления, когда оно у нас начнёт создаваться, – будут взаимодействовать с ним, представляя в нём все профессиональные интересы. Это другое дело.

Известны главные задачи профсоюза: борьба за зарплату, борьба за технику безопасности, борьба за улучшение условий труда. Но при этом, если даже употребить слово "борьба", надо всё время говорить: борьба в разумных пределах. Профсоюз должен соображать, что предприятие это – *наше*, если мы его развалим, мы же останемся без куска хлеба. Нужно вести эту борьбу, если говорить "борьбу", – в разумных пределах. Сейчас выбрасывают такой лозунг, было в той телевизионной передаче о стачках: "У нас нет общих интересов с директорами!" Ошибка. Есть: сохранение производства.

Да, директора – директора сегодня у нас самые разные. Есть разряд так называемых "красных директоров" – это те самые, что были на тех самых местах, с теми самыми повадками, и ничуть не изменились. Есть директора, которые, остались ли на своих местах или перешли на другие, но занялись стяжанием. Выгодное дело сейчас, в общей неразберихе, использовать производство просто для личного и своих друзей обогащения. И такие – есть. Однако есть директора, которые искренно вкладываются в дело, которые искренно хотят спасти производство, накормить своих рабочих и чтобы производство приносило пользу стране. Это при том, что их гнут бессмысленным финансовым прессом, что накладывают невыносимые административные придирки.

И вот мы, мы-то. Язык мы потеряли. Совсем русского языка мы не знаем. Как что назвать – мы не знаем, нет языка у нас. Лень ума у нас. И мы дали кличку "новые русские" – кому? Грязнохватам, скорохватам, тем, кто наживается жадно, кто торгует народным добром. Юнцам, которым вдруг миллиарды откуда-то посыпались, и они не знают даже, куда их употребить. И мы дали им кличку, какой-то идиот придумал, а мы всё повторяем: "новые русские, новые русские". То есть, простите, мы признаём этим самым, что будущее России – за ними, если мы их называем

"новыми русскими"? Нет, "новые русские" – не они. Новые русские – вот те самые честные предприниматели, пусть ещё немногие, которые пытаются создать производство, кормить нас с вами и страну.

Я перечислил разные виды директоров. Но какие бы директора ни были – нам с ними и жить и работать. Я ещё двадцать лет назад призывал: без раскаяния наша атмосфера не очистится! Если те, кто совершал несправедливости, жестокости, насилия, или хотя бы голосовал за них, – если они не раскаются, у нас будет грязная атмосфера. Прошло двадцать лет, и много раз повторялись призывы, и никто не раскаялся, никто почти, кроме единиц. Так вот мы остались в этой грязной атмосфере, и мы понесём на себе, тем хуже, – мы на 20-30 лет понесём на себе весь этот груз, всю номенклатуру, какая была, есть, и всех этих директоров. Никто ни от чего не очистился. Вот мы пойдём искривлённым, мучительным путём вперёд, и придётся идти с ними. Но даже и при этом надо запомнить: "Забастовка во что бы то ни стало" – такого лозунга не должно быть.

Сейчас ещё и другой лозунг есть: "Профсоюзы должны вести контроль над директорами". Но это опять новейший большевизм. Если у нас, правда, есть государство, если наше государство чего-нибудь стоит, – так вот оно должно и административно, и финансово контролировать директоров. А задача профсоюзов – совсем не контроль над директорами. Задача профсоюзов – контроль над коллективным договором.

Профсоюз заключает коллективный договор. Это не единичный акт, это процесс, умный процесс. Профсоюз, заключив коллективный договор, тут же предлагает предпринимателю заключить, подписать протокол разногласий, то есть о чём не договорились. И вот этот протокол разногласий – это ступенька к следующим переговорам. По ним пойдут следующие переговоры, будет следующий коллективный договор, и опять протокол разногласий, и так далее. Это – процесс, и вот только так надо двигаться, а вовсе не

призывами, призывами, безумными призывами лишь к забастовке.

Будут директора объединяться в союзы – и профсоюзы будут объединяться в ассоциации, в объединения. Это естественно. Ряд проблем и не может быть решён в пределах одного производства, иногда даже в пределах одного города, района, области. Но чем шире будут задачи профсоюзов, чем шире будут создаваться вот эти объединения, ассоциации, тем неизбежнее станет перед профсоюзами (так же как и перед другими объединениями свободного, независимого народного управления) вопрос: контроль – а над чем? а как остановить бесконтрольное перераспределение национальных богатств, вот то, что мы называем воровством? Как остановить его?

Вот сейчас, совсем недавно, слушаю по телевидению о приватизации. Виднейший министр заявляет, признаёт: ну да, вот это предприятие продаётся в десять раз дешевле, чем оно стоит. А какое-то и в двадцать, говорят. – Как же можно такое допускать? – А, мол, потому, что его иначе никто не возьмёт. Так позвольте, ну если никто не возьмёт, так и не продавайте по дешёвке! Кто же может подумать, что это бескорыстно делается? кто же может подумать, что здесь нет задних ходов?! Как же можно народное имущество продавать в 10 и 20 раз дешевле, чем оно того стоит?

Теперь о влиянии сбоку. Вот я прошлый раз упомянул эту телепередачу, в которой фигурировал Русско-Американский (читай, в общем, американский, на американские деньги) Фонд профсоюзных исследований и обучения. Он создаёт программы и курсы профсоюзных организаторов, профсоюзных стажёров, профсоюзных исследователей. Он платит им валютную зарплату от Америки, от американских профсоюзов. Платит зарплату за то время, что они учатся, и, очевидно, не только за это время. Он предоставляет им юридическую службу бесплатно, поездки по России бесплатные. И невольно спросишь: слушайте, и это что,

всё – бескорыстно? И это что, не накладывает никаких обязательств на этих профсоюзных деятелей?

Но зависимость неизбежна, и вот её результат. Передо мной лежит документ. Документ этот такой: некий профсоюзный деятель, наш, областной, вождь одного из областных профсоюзов, пишет отчёт в Москву. Кому бы вы думали? Председателю своего профсоюза? Нет, не так просто. Буквально написано:

"В Русско-Американский центр профсоюзных исследований и обучения". В скобках: "Копия председателю такого-то профсоюза, такому-то". Дальше буквально читаю (значит, в Фонд он докладывает): "В соответствии с пунктами такого-то контракта, направляю отчёт о деятельности вот такого-то нашего регионального союза и о моём участии в этой деятельности за такой-то период". Дальше он описывает, как он устраивал забастовки. Ну, знаете, это совершенно поразительно, что такое сегодня пишется. Вот, буквально, читаю, как он организовал: "Мы с парнями прошли на территорию предприятия. Учитывая фактор рабочего времени, мы быстренько соблюли необходимые формальности, я зачитал подготовленное заранее решение собрания. Проголосовали". Батюшки! Да мы ж с Семнадцатого года это слышали, знаем: да, всякая резолюция всегда готовится **прежде** митинга, **прежде** собрания. А потом: "Кто против?" – Единогласно.

Дальше он докладывает, как он устраивал после забастовки пикетирование, в другом случае. Но какой смысл в пикетировании, если на него не обратят внимания? Так пригласили телевидение, сообщили об этом средствам массовой информации, чтобы отобразить. Ну, и не забывает свои интересы: "Посылаю вам авиационный билет, на который я потратился. Пожалуйста, оплатите".

Вот так. Кто получает такие деньги – он, конечно, выходит из-под контроля своих коллективов. И этот Русско-Американский Фонд – он сегодня нашу дробность профсоюзов множит. Он создаёт ещё свои добавочные импульсы к созданию частных профсоюзов, потом объединений их,

ассоциаций. А раз они дробные – они нигде не выражают волю своих коллективов. И, как мы видели вот в той телевизионной программе, они настраивают на забастовки во что бы то ни стало. Это чудовищно. Зачем это делается?

А как тогда ведут себя, соответственно, профсоюзные деятели? "Ага, тот получил иностранную помощь, так и мне бы получить". Значит, надо как-то себя представить, надо как-то выгодно профигурировать. Ну, как выгодно? Надо обещать забастовку и уметь её устроить. И так, обращаются сами с предложением. И вот мы видим, сегодня так бывает: на одном предприятии разумный профсоюз ведёт переговоры с администрацией; вдруг образовался другой профсоюз и торпедирует его забастовкой. Всё развалилось. Разумный процесс разрушен.

Больше того: забастовки устраивают у нас на предприятиях, идущих к банкротству, уже идущих, – и на них забастовки. Так позвольте, это сегодня, значит, любая просто мафия может, если нужно какое-то предприятие уничтожить, – купить там несколько лидеров, которые устроят одну забастовку, другую, третью и потопят это предприятие. И его не будет. Всё в порядке.

Множество забастовок, страсть к забастовкам и порыв к ним совсем не знак пробуждения сознания общества. Это угроза разрушения нашей страны. В нашем обществе, ещё не организованном, не устоявшемся, не структурированном, – кому выгодны эти сотрясательные забастовки? Кому они нужны?

На Западе... Вы не думайте, что на Западе вот так: свистнул – и забастовка, остановил смену – и забастовка. Нет, на Западе разработаны законы вхождения в забастовку. Там существуют барьеры и тормоза. И нужно пройти эти барьеры и тормоза, прежде чем объявить забастовку.

А у нас? А у нас недавно два члена Государственной Думы внесли в Думу закон о забастовках. Причём, кажется, очень им гордятся – об этом даже один из них сказал. Он одновременно и лидер профсоюза, и он же был недавно (не знаю, как сейчас) лидер "партии диктатуры про-

летариата", вот такая партия. Так их проект, который, может быть, Государственная Дума примет, направлен на то, чтобы облегчить процедуру вхождения в забастовку.

Как нам не понять действительно тяжёлого положения людей, их труднейшего состояния? При невыплате зарплаты, при этом отчаянии. Я получаю множество писем. Эти письма – стоит о них поговорить вообще отдельно. Но сейчас я прочту из них несколько выдержек. Вот так: "У нас никому ничего не нужно". – Ведь это выражает нашу общую атмосферу. – "Не к кому пойти пожаловаться. Терпим-терпим, но лопается. Мы тоже хотим, чтоб на работе было всё спокойно, а готовы бастовать. Мы ограблены, ограблены". – "В ожидании зарплаты берёшь займы, а получишь, отдашь – и ничего нет. Все от нас отступились. Мы – балласт. У нас специально убивают желание трудиться". Ну, специально не специально, но многим убивают.

Народ устал от этих политических искривлений. Я уже говорил о бесчувственности нашей государственной системы. Когда я говорю "государственная система", я не имею в виду только исполнительную власть. И законодательная, и судебная, и промышленная, и аграрная, и финансовая, – все они должны очнуться! Вся олигархия должна очнуться, не ждать, когда это взорвётся.

А профсоюзы должны помнить исторический опыт наш, как Россию разваливали забастовками. И вести переговоры в разумных пределах, самоограничиваться. Именно профсоюз, который выражает свою массу, – он-то и гарант от забастовок. А если уж идти на забастовку, то отсечь все возможные косвенные влияния – кто хочет на ней пожить и собрать политические дивиденды. Действительно защищать интересы – своего коллектива.

ПЕРЕДАЧА 10

21 августа 1995

О Чечне. – И о загадках вокруг неё.

За истекшие месяцы мне довелось обсуждать по телевидению многие острейшие, больные проблемы России. И состояние сегодняшней деревни; и земельный закон, каким ему следует быть, чтобы мы не потеряли вместе с землёй и саму Россию и не превратились бы все в наёмных батраков. И принципиальные пороки нашей федеративной административной системы. И особо тяжёлое положение Дальнего Востока, Сибири, Севера. В ответ телевизионная газета "Семь дней" крикнула на меня: "Да заткнись ты, Солженицын! Ну, кому нужны эти твои разговоры, советы? Мы сами знаем, что передавать, мы сами знаем".

Потом я говорил о судьбе преданных нами соотечественников. 25 миллионов мы швырнули и не думаем о них. Их там стесняют во всех отношениях – в быте и в работе, унижают, издеваются над ними, говорят: "Убирайтесь!" – А нам неважно. Нам дела нет. Из них некоторые в отчаянии бегут к нам, это беженцы. Они бегут к нам, как к братьям, в надежде, что мы их устроим. А мы в лучшем случае немножко помогаем, а то и нет. А главное – мы не только равнодушны, мы неприязненны к ним: "Ну чего явились? ну и сидели бы там, вы нам тут мешаете только, у нас своих забот хватает".

Я говорил о репрессированных, о репрессированных, с которых сегодня издевательски требуют справки о том, что 60 лет назад у него была хата или корова. А не можешь справку представить – всё, помощи не будет. Прямой государственный расчёт: пусть вымрут репрессированные, чтобы только им не платить. Закон есть, а платить не будем.

И наконец – о реальном вымирании, реальном, страшном вымирании именно русского народа, именно русского, – у других это не так. Только за последние два года каждый год мы теряли по миллиону человек: превышение смертности над рождаемостью. Мы можем вымереть вообще с Земли. А мне – звонкие голоса: "Ах, да о чём вы говорите, ну о чём вы говорите, это не интересно. О Чечне говорите! Чечня наша боль, Чечня – горячая точка сегодня!"

Я говорил о ничтожестве наших партий, неукоренённости их, об этой жалкой истерике избирательной, которую начали за год до выборов. Я говорил о фальши нашей сегодняшней избирательной системы, которая не может обеспечить справедливых равных выборов. Не может. Я говорил, что без народного самоуправления Россия не встанет на ноги. Не встанет. Решением сверху – не встанет.

Я говорил о детях, об ужасном положении школы и учителей. "Да о чём вы говорите? кому это нужно? Вы – говорите о Чечне!"

Чечня!.. Чечня закрыла нам все боли России, Чечня! А я о Чечне говорил ещё раньше всех этих говорунов, которые тогда ещё сидели, поджав хвост. Я 30 лет назад написал в "Архипелаге", я 20 лет назад опубликовал. И как жестоко высылали чеченцев с их родины, в ссылку, и как они стойко держались в ссылке. Например, во время кенгирского восстания заключённых они единственные из всего окружного населения проявляли сочувствие к восставшим энкам.

Потом было время возврата сосланных народностей. Тут действовал наш великий безумец Никита Хрущёв. Он в это время разговаривал ногами. Одной ногой он стучал Америке: "А мы вас похороним!", "а мы вас похороним!".

А другой ногой расшвыривал русские земли куда попало. В пьяном ли виде, Крым – Украине. Чеченам компенсировать надо? – пожалуйста, терские казачьи земли – Чечне. Там ещё какие-то кизлярские казачьи земли? – Дагестану подарить. А что ему жалеть? Он – ленинский комсомолец. Что – он Россию собирал? Чужое раздавать – ума не надо.

Но перейдём к 1991 году. В 91-м году прозвучало, что Дудаев объявляет независимость Чечни. Я не буду сейчас анализировать, была ли это авантюра Дудаева или это была воля чеченского народа. Важно, что это прозвучало в конце 1991 года. И государственные деятели должны были принять соответствующее решение с учётом того, что мы живём в XX веке.

В XIX – ну в XIX все государственные деятели были обезумлены жаждой хватать. Самые раздемократические Англия, Франция, Голландия, Бельгия хватали, хватали, хватали – не насытиться. Соединённые Штаты опоздали к разделу, так хватали на пороге XX века – Кубу, Филиппины, Гавайи... Но в XX веке государственные деятели поняли, что – нет, время наступило другое. Англия разумно вовремя освободилась от Индии, к счастью и для Индии, и для Англии. И Франция освободилась от колоний, правда, после жестоких поучающих поражений в Алжире и во Вьетнаме. Только коммунисты ничему не научились. Коммунисты и в XX веке всё хватали.

Так что же нам надо было сделать в тот момент? Я более трёх лет назад предлагал нашему руководству: да возьмите, примите это решение, даже это будет показательный исключительный случай; Чечня объявила независимость? – согласитесь! Ну, конечно, согласиться так: без казачьих терских земель, ясно. Второе: по всей России у нас чечены в бизнесе или же в мафиозной деятельности, не знаю. Так вот в этот момент, как только мы признаём независимость Чечни, они все в этот момент становятся иностранцами. И они должны брать визу у нас и доказать, какой именно они деятельностью будут заниматься, на какой срок и какая польза России от той деятельности. А нече-

ченское население нужно взять из Чечни, всех желающих уйги оттуда. А поскольку Чечня, как только объявила независимость, стала сразу котлом преступности, туда бежали преступники, – то оградить её кордоном. Вот так надо было сделать.

Это сделано не было. А что сделало наше государство? Наше государство повело себя так: сперва – Чрезвычайное положение, – подавить! Через три дня – отбой! Ну разве великое государство может так метаться? А дальше что началось? А дальше началось совершенно удивительное – в мировой истории невиданная картина. Некоторая часть государства объявила себя независимой. Там армия большая, а мы – и не признаём, и ничего не делаем, вот так – как будто ничего не происходит. Государство проявило себя как импотент. И в это самое время началась чистка, этническая чистка нечеченов. Одна честная московская газета летом 1992 года напечатала, что только за первую половину 1992 года в Чечне подвергся насилию каждый третий житель. Это были всё нечечены, это были русские, украинцы, армяне, евреи, грузины, греки и так далее. Какие были виды насилия? В лучшем случае только угрозы, издевательства, оскорбления, а то просто – грабёж, выбрасывание из квартир, выбрасывание из домов, изнасилования и убийства. И хлынули нечечены сами, стали просто бежать оттуда. И что же наше государство? А ничего... Нет, простите, как ничего? Дотации давали, Чечне! за счёт русских областей дотации Дудаеву, помощь! А что наши звонкоголосые правозащитники? что они тогда? Слышали мы о них? Поехали они туда? объявили нам громко, что происходит? А нет. А почему?.. Не знаю. А наша отважная пресса, которой была дана полная свобода, она почему молчала? А вот так, молчала. И так продолжалось, продолжалось...

А там дальше началось... Система чёрных ящиков. Первый чёрный ящик: **кто дал оружие Дудаеву?** – авиацию, танки, тяжёлую артиллерию и химическое оружие? Вот недавно один генерал бумажкой помахал на другого,

этот на того, кто-то сказал: "А нам так из правительства сказали". И всё. И – рука руку моет. Чёрный ящик. Закрыто. Зачем своих открывать?

И ещё чёрный ящик. Не сотни, тысячи людей знают, что тюменская нефть все три года шла на грозненский нефтеперегонный завод, а оттуда за границу, а государство получило лишь малую долю от этого. А остальное? А остальное – вот так, чёрный ящик.

И вдруг, вдруг в декабре прошлого года – изменение. То мы никакого внимания... вообще никакого внимания не обращали на эту Чечню. А тут – начали военные действия! Но, простите, если можно было три года так терпеть, почему не тридцать три? А если нельзя было терпеть вообще, так почему не раньше приняли меры? Это осталось тоже загадкой. Поворот этот нам непонятен, опять чёрный ящик.

Ну, дальше пошли военные действия. О них слишком много уже показано по телевидению, и всюду все знают. Но я добавлю голосок, который не знают. Вот у меня в руках обращение последней сегодня, ужатой, несчастной, подавленной русской общины города Грозного. Они пишут: "Русское население города, не имевшее, в отличие от чеченского, крупных наличных денежных средств, в том числе валюты, и личных транспортных средств, не имея возможности заблаговременно покинуть город и зону военных действий, оказалось заложником войны. С одной стороны в русских стреляли и убивали дудаевские боевики, а с другой – стреляла и бомбила русская армия. И вот город Грозный превратился в огромное русское кладбище. В городе нет ни одной улицы, переулка, парка, сквера и квартала, где бы не было русских могил. К сожалению, средства массовой информации сознательно замалчивают этот факт. Пишут только о потерях чеченцев".

А что потом? А потом опять чёрный ящик. Произошел в Будённовске террористический акт. Ужасный акт. Содрогновенный акт. Невероятный. Но он исчерпан был, исчерпан нашей капитуляцией. Мы сдались, – ладно. И что

же? Сразу после того вдруг мы заявляем: идём на переговоры! – С кем? – С Дудаевым. Позвольте, но если с Дудаевым, как мы говорили, переговоры невозможны были раньше, так они невозможны и теперь? А если они возможны, то почему мы не пошли на них раньше? Мы позорились, позорились, на смех всему миру, всем курам на смех, мы показывали по телевизору ордер на арест Дудаева. Зачем? Кому? А тут пошли на переговоры. Ну, конечно, с грозным ультиматумом: в трое суток выдать нам Басаева и ещё там двадцать человек, у нас есть список. Чечены, разумеется, не выдали. Ну и что? Мы утёрлись, и приступили к переговорам.

Каждую ночь стреляют, каждую ночь убивают наших, а мы – утёрлись и продолжаем переговоры. Над нашими растерянными солдатами смеются чеченские женщины. Чеченские вооружённые боевики стали возвращаться. И все населённые пункты, которые мы заняли этой несчастной войной, всё это они назад берут мирным путём. А мы? А мы ведём переговоры.

В чём дело? А в том, что у нас нет ясности, чего мы хотим. Мы сейчас загораживаемся такой декорацией: вот произойдут свободные чеченские выборы, и потом народ решит свою судьбу. Так слушайте, ну неужели непонятно, что если более 400 тысяч, едва ли не полмиллиона нечеченских жителей из Чечни уехало, то как проголосует на референдуме чеченский народ? Он конечно проголосует за независимость и будет прав. Так зачем загораживаться? Зачем строить эти перегородочки? Надо смотреть проблеме прямо в глаза. Мы – ослеплены. Во-первых, какими-то идиотскими геополитическими соображениями, что, потеряв Чечню, мы что-то такое очень важное теряем, а самое главное – если мы теряем Чечню, то у нас Россия развалится. Как раз наоборот!

Как раз наоборот. Если мы сейчас освободимся от Чечни, мы укрепим Россию. А вот если мы для неё будем предлагать особые, особые, ну совершенно сверхособые условия, отдельные договоры, будем за счёт русских областей

питать и подкармливать, – вот тогда Россия и развалится. Эта практика договоров отдельных с республиками – вот она порочна. И тем, что мы так привязали себя к Чечне, к тому, чтоб Чечню удержать, – мы связали руки России вообще.

То есть что происходит? Мы не можем пикнуть слова относительно Крыма. В Крыму 80% хотело отделиться от Украины. А Украина когда отделялась – проголосовало за то всего 60%. Так Украина – это уважаемое самоопределение, а крымчане – это сепаратисты. И что мы можем сказать, когда мы Чечню держим?

Приднестровье. Молдавия объявила себя независимой – пожалуйста, пожалуйста, это самоопределение. Приднестровье, которое ни сном ни духом к этой Молдавии не относится, Сталин его прирезал для показухи перед Румынией, – Приднестровье – это сепаратизм, этого не может быть. Мы забыли всех наших угнетаемых и притесняемых соотечественников и в Казахстане, и на Украине, – нам только бы удержать Чечню!

Но должен вам сказать, что чечены – давайте же признаем, надо это признать! – и мужеством своим, и военным искусством, и упорством, упорством к независимости, и верой в то, что, отделясь, они будут расцветать, они вполне заслужили независимость. И пусть они её получают, и чем быстрее, тем лучше! А мы с этого момента, с этого момента, во-первых, отделяем терские казачьи земли, во-вторых, все чечены едут в Чечню получать чеченские паспорта, а потом становятся в очередь в российское посольство получать визы и объяснять, зачем они к нам едут.

Сегодня мы опять ничему не научены. И вот опять даём ультиматум. Слушайте, да возобновлением военных действий мы только усилием Дудаева. Если мы сейчас признаем независимость Чечни, Дудаев, который вчера ополоумело истерически вопил на весь мир, слетит, как пёрышко, его сами чечены уберут, он никому не будет нужен. А если мы будем его душить ультиматумами, мы сами Дудаеву силу даём. Надо иметь мужество принять решение на уровне

века. Надо перестать думать только захватно. Да отделившись от Чечни, мы и ей даём ту свободу, которую она хочет, – пусть проверяет. И мы себе оздоравливаем свой собственный организм государственный.

ПЕРЕДАЧА 11

4 сентября 1995

О казачестве.

У исторической России была такая характерность, или явление такое, которого не было ни в одной стране мира, – это казачество. У государственных деятелей других стран, у военачальников, это явление вызывало зависть, а в случаях конфликтов – страх.

Казачество было удивительным сочетанием, необыкновенным сочетанием – буйного своеволия, свободной выборности и потом строжайшей иерархии, строжайшего неукоснительного выполнения государственных задач.

Мы все жестоко виноваты перед казачеством. Коммунистический геноцид, который над казачеством был учинён, – первый геноцид в России и один из первых геноцидов на Земле. А сегодня к возрождению казачества мы слышим довольно-таки неприязненное – а иногда и брань! – неприязненное отношение со стороны общественного мнения, партий, особенно радикал-демократов.

Удивительное это создание – казачество. Оно не вписывается ни в коммунизм, ни в капитализм. Не вписывается ни в какую схему. Так это признак как раз органичности, самобытности, это не порок его и не изъян, это признак совершенного своеобразия.

Ну, большевики, надо сказать, потом спохватились, перед Второй мировой войной: эх, нам бы казачество! И,

помню хорошо: в 1936 году был такой спектакль всенародный устроен в Ростове-на-Дону, где я жил, – "Возрождение казачества". Нашили лампасы, надели фуражки, раньше запрещённые, за которые расстреливали, и вывели на главную улицу Ростова, Садовую, такой парад, – тех самых, которые помнили ещё геноцид. Если не их самих, то их детей. А принимать этот парад приехал кто же? Будённый, который этих казаков рубил.

Сегодня к возрождению казачества раздаётся много и справедливой критики, упрёков, иногда насмешек: что, мол, такое? Какие-то "асфальтные" казаки. Живут просто в городе. Надели фуражки и говорят: я казак. Навешивают георгиевские кресты, которых никак они не могли заработать. Навешивают себе генеральские и офицерские звания, которых нигде не получали. Потом – раздор между казачеством, который всех смущает. Очень много направлений, все они несогласны между собой. Да, уродливое восстановление казачества, уродливое. С этим не спорю.

Но что у нас сегодня – назовите мне сегодня в России одно явление, которое было бы не уродливым? Наше промышленное производство? – в искажении и уродстве. О сельском хозяйстве и говорить не будем. Финансы или приватизация – то же самое. Наука. Медицина. Образование. Культура. Литература. Всё – в искажённом виде.

И парламентаризм наш – уродливый. И избирательная система, которая не обеспечивает свободы выражения, народного выражения, и не даёт возможности равного выбора. Или наше телевидение... Долго-долго надо выбирать из него какие-нибудь полчаса или час, чтобы найти передачу, которая действительно питает душу. Что у нас сегодня – не уродливо?..

Упрекают казаков и так: "Да, но к вам вливается криминальный элемент". Может быть, и вливается. А куда он не влился? Где нет впитывания криминального элемента, если он, криминал, пронизывает весь наш государственный аппарат даже?

Упрекают их в самовольстве, в самочинстве. Что вот, мол, там произвели самочинный арест, в другом месте захватили здание какое-то. Осудительно, конечно, осудительно. Но тут же надо и представить себе, до какой степени может дойти народное негодование, когда власть равнодушно смотрит на все преступления и беззакония и ничего не делает. В одном случае – по подкупности. В другом случае просто дремлет. В третьем случае просто боится. Это – **импотенция власти**, она может вызвать взрыв. Это нужно понять.

Мы все вот так выходим из кризиса криво. Но надо удивляться другому, что вообще традиция казачья не убита, что она возобновляется. Вот этому надо удивляться.

Напомню несколько черт прежнего казачества.

У казачества было своеобразное общинное землевладение. Земля разделялась по едокам. Это значит, что никакая сирота, никакой старик никогда не оставался обездоленным. За него кто-то обрабатывал землю и его кормил, и все были сыты. Служилый уходил в армию, а тут всё было устроено, все едоки были обеспечены.

Потом – самоуправление. Нас, русских, часто упрекают в отсутствии демократии. Я уж не буду напоминать демократию поморскую, демократию того Севера, где не было крепостного права. Но у казаков – какая была демократия? Выборность, истинная, настоящая выборность снизу вверх. А потом – строжайшее подчинение иерархии.

Добавим роль стариков. У казачества, как и у некоторых других народов, вот, у кавказских народов, старики – это рассудители конфликтов и хранители традиций.

А боевой дух? Откуда у казаков был такой боевой дух? А вот откуда. Сейчас в армию приходят из разных областей люди незнакомые, полтора года прослужили и разошлись. И что они тут делали в армии, остаётся иногда просто тёмным местом. А там – из одной станицы сотня пришла, и она так и служит – все вместе, друг у друга на виду. И что ты сделал: проявил ли трусость, обман, нече-

стность, – это всё будет известно на всю жизнь в твоей станции. Вот почему они были такого боевого духа.

У казачьей администрации не было никакой коррупции, никаких взяток. В казачьих областях не было ни полиции, ни жандармов. Обходились они собственной управой. И все хаты были отперты, и не было воровства.

Соотношение с государством было такое. Они не платили налогов, имея землю. Но они платили своей военной силой, своей кровью, и притом с полной амуницией, снаряжением.

Конечно, сегодня это должно приобрести какие-то другие черты. Тем более, что конница уже не имеет такого значения.

И ещё, очень характерно. Всё казачество, от устья Дуная и до Дальнего Востока, всё было единого мировосприятия, единочувствия, православия. Православие было основным чувством казачества, как они понимали мир, поведение своё в жизни.

Вообще казаки составляли особый, яркий тип русского человека. Ещё особый яркий тип назовём – старообрядцев. К сожалению, наша литература как-то почти не осветила их. Наша литература всё изображала то каких-то "лишних людей", то расколотых в сомнениях, то бессильных, бездейственных, беспомощных. А вот этих людей, которые мирно освоили всю Сибирь, переплыли Берингов пролив, Аляску, до Калифорнии дошли? Вот этих людей мы почти и не видим в литературе. О старообрядцах писал Мельников-Печерский, так, стиснув зубы, и, в общем, как бы специальная агитация против них.

Как казаки могли бы быть использованы в наше время? Ну, много, много применений, это просто бросается в глаза. Прежде и раньше всего – охрана границ. Если бы на границе Ставрополя и Чечни стояла казачья охрана, будьте уверены, банда Басаева не сделала бы ни шагу, ничего бы не было. Или возьмите, например, Дальний Восток. Теперь уже затревожились у нас и наверху, вот уже военный министр заявил недавно: что ж там делается? там

же китайское проникновение идёт мирное, и китайцы даже организуют военные отряды у нас, военизированные отряды на нашей территории. Да об этом все сороки уже три-четыре года галдят со всех деревьев. Когда я был там около полутора лет назад, сразу мне это рассказали и показали. Так вот там – как бы пригодилась казачья охрана! Они там, казаки, могли бы вести и таможенную службу.

Они же могли бы нести и прекрасную службу против браконьерства, которое у нас нагло развелось сейчас и не останавливается. Егерскую службу. Сопровождение грузов, которые у нас разворовываются по дороге. Охрану важных объектов. Патрульную службу. Я вот знаю по Ростову: аксайские казаки, например, ввели патрульную службу в вечерних и ночных электричках под Ростовом, Новочеркасском. И – никакого бесчинства. Новочеркасские казаки ввели патрульную службу на базарах. И – никакого рэкета. Вот так!

Другое дело. Не скажу ошибка, не скажу грех – а преступление царского правительства было, что использовали казаков для подавления народных волнений и возмущений. Вот этого делать было нельзя. Чего нельзя было делать – нельзя было втягивать казаков в политику.

Как сейчас пытаются возродить казачество? Опять, как всё у нас, – не дать расти снизу, а учреждать сверху. Правящая верхушка будет учреждать указ-закон, указ-закон. И вот так создать казачество.

Указы уже были. Я перечислю несколько. В июне 1992 года – о государственной поддержке казачества. В общем, он остался на бумаге. Прошлый Верховный совет обсуждал закон о реабилитации казачества. Увы, зависло, не принято. А вот совсем недавний указ "О регистрации казачьих общин". И что же? кому поручено это? Поручено министерству национальностей. Вот опять бестактность. При чём министерство национальностей? Казачество – что, нация? Нисколько не нация. Это совершенно своеобразное органическое создание, явление во всём российском государ-

стве, но не нация. Не министерству национальностей этим заниматься.

А как регистрируются общины? по новому, по последнему положению, указу? А – кто заявит, что он чувствует себя казаком и готов нести службу. Ещё там некоторые финансовые льготы, которые будут людей привлекать. Так, позвольте, что же это получается? Значит, опять "асфальтные казаки", опять образуются какими-то группами, и государство хочет только одного: государство хочет их по возможности использовать в своих целях.

Но мы уже видим: на одном, на другом, на третьем предвыборном собрании, видим там и сям казачьи фуражки. Это плохо. Это уже каждая партия теперь думает: а будучи бряцать казаками, чтобы они поддерживали нашу партию. Если казаков втянут в политику, это будет ужасно.

Нет. Надо, чтобы казачество как целое служило государству как целому. Только так. Не нужно идти по этой ложной линии: специальные законы о казаках. Нет, поскольку казачество – это органическая часть России и российского устройства, то оно и должно войти органически в законы, из которых главные я назову сейчас. Закон о землепользовании, закон о самоуправлении местном, народном, и закон о государственной службе. Может быть, ещё какие-то. Но это три основных.

Закон о землепользовании. Казачество потому и было органично, что оно росло из земли, что оно основано было на общинном землевладении и земледелии. Как это сейчас может восстановиться? Конечно, сегодня нет сплошных больших казачьих областей, как раньше было Войско Донское или Кубанское. Но и сейчас во многих областях есть плотные места жизни казачества, а в Ростовской области 28% казаков, а на Кубани – миллион. Они формально имеют пай и могут, пользуясь нынешним правом, эти пай складывать и так образовывать свои общины. Вот тогда из этих общин будет расти казачье землепользование. И ещё, может быть, нам дадут урок, как надо пользоваться землёй.

Но Дума наша два года проболтала. Где закон о землепользовании? Кроме гениальной идеи продавать землю с аукциона, мы не слышали ни одной творческой идеи. Землепользования – нет, и эта Дума уйдёт, завещав следующей. Нет закона о землепользовании.

Второй закон – о самоуправлении. Ну, здесь мне уже приходилось говорить не раз. Наши партии, наши политические деятели боятся народного самоуправления, как черти ладана. Только бы не допустить народного самоуправления. Ибо тогда сами они повисают в воздухе. Тогда их значение ослабляется, значение и вес их кресел.

Вот конституция наша, которая действует два года. Читаю из неё статью 12: "В Российской Федерации признаётся и гарантируется местное самоуправление". Два года прошло. Где оно гарантируется, кто это видел? "Местное самоуправление в пределах своих полномочий самостоятельно. Органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти". И для народного самоуправления это и должно быть так, и для казачьего особенно. А что могут казаки сделать? А казаки именно и нуждаются в независимом местном самоуправлении. У них это естественно, и, между прочим, такой недавний опыт есть. Сейчас в Ставропольском крае, около Курсавки, создали казачью станицу. Значит, закон о самоуправлении, как и закон о землепользовании, должен иметь параграфы, параллельные параграфы, которые допускают, как это будет всё устроено у казаков.

И наконец закон о государственной службе. В свете того, что я сказал, применение его к казачеству больше, чем можно вообразить. И ещё дал бы Бог, чтоб нам хватило на все эти горячие необходимые применения найти бы казачью силу.

Такую государственную историческую драгоценность России, как казачество, мы не только не должны упускать. Мы сейчас должны сопровождать его не насмешками, не бранью, а мыслями: думать, как правильно помочь ему развиваться и вырасти.

ПЕРЕДАЧА 12

18 сентября 1995

*Судьба наших брошенных соотечественников. –
Их положение в Казахстане.*

Недавно у нас праздновалось четырёхлетие августовских событий 1991 года. Но немаловажная их сторона осталась без внимания и без памяти. Это – как тогда в 24 часа заядлейшие, выдающиеся коммунисты, главы республик, совершили такой курбет, оборот, – и объявились ярыми националистами. Оказывается, всю жизнь они были преданы только своей нации, а вот почему-то были коммунистами.

И – как при этом раскололись наши границы, административные границы, нарезанные Лениным, Сталиным, Хрущёвым – без толку, по своим соображениям, не считаясь с этническим расселением, – как эти границы вдруг стали государственными.

В те дни тогдашний пресс-секретарь российского президента Павел Воцанов сделал осторожное заявление. В тех днях он сказал: а что касается границ, то Россия оставляет за собой право ещё обсудить их. Боже мой, какая буря негодования поднялась! Ну на Западе – это понятно. Государственным деятелям Запада, дипломатам – им нужно, чтобы Россия была раздроблена, ослаблена, не была сильным конкурентом. Но наши радикал-демократы подняли визг до небес! Можно по именам перечислить, кто визжал: "Империализм! Империализм!" Какое бесстыдство!–

или уже полное затмение разума? В чём империализм? 25 миллионов наших соотечественников, целыми русскими областями, оказались за границей, и мы не можем даже поставить вопрос об обсуждении границ? Это империализм?

Люди жили там иногда в трёх-четырёх поколениях, привыкли, что они живут у себя на родине. И вдруг в одно утро просыпаются – они нежелательные иностранцы. Как это пережить, как это перечувствовать? Как сразу перевернулось отношение к ним? Я получаю много писем, ко мне идут из СНГ письма. Я прочту немножко оттуда. Вот лозунги, или восклицания, или прямые обращения: "Русский, езжай своя Россия!" "Русские, убирайтесь домой!" "Уезжайте, пока всех не перережем!" "Пошли вон с нашей земли, проклятые!" "Убьём, уничтожим, убирайтесь в Россию!" В трамваях в лицо плюют, оскорбляют на улицах. В Средней Азии придумали и иначе, лозунг: "Нет, оставайтесь, нам нужны рабы". И правда же, русских теснят со всех постов, а вот чёрные работы – это будет выполнять не титульная нация, а русские. А самое обидное, что слышат там наши соотечественники, это: вы никому не нужны, вас бросили! вас бросили беззащитными.

И правда же – что на это скажешь? Они плачут: что они могут на это сказать? Да, их бросили беззащитными. Весь мир презирает нас, ибо никто в мире так не делает. Это государство-импотент, которое боится протестовать, боится слово вымолвить...

В отдельных письмах подробности рассказывают. В Ташкенте один человек никак не соглашался уступить свою должность. Узбеки убили его, а потом ещё были звонки и записки семье: дайте миллион, иначе убьём и сына... Обращается русский за справкой – с него берут в двух-трёхкратном размере по сравнению с местным жителем... Хотят бежать – так им запретили продавать квартиры... Тогда меняет большую квартиру на меньшую, чтобы меньше потерять, – запретили менять квартиры... Запретили вывоз мебели...

Медицинское обслуживание разное – для титульной нации и для русских... На улицах к русским женщинам пристают... Это всё относится и к Таджикистану, за который мы сегодня кровь проливаем. Там 400 тысяч уже уехало, осталось 80 тысяч. Вместо того, чтобы их оттуда взять, мы ввязались в таджикскую междоусобицу.

Ещё – бездействие наших консульств и посольств. Они же есть там, по всем странам СНГ, но они не содействуют. Жалоб много, я имею конкретные фамилии, имею адреса. Жалуются, что наши консульства не помогают нашим соотечественникам.

У нас сейчас создана Комиссия по делам соотечественников. Увы, со слабой программой, без финансовой опоры, без организации. Наш российский Президент не так давно сказал, да и не в первый раз: "Мы наших соотечественников не покинем в беде". Увы... В худшей беде, в большем унижении и оскорблениях мы их покинуть бы не могли.

Ужасает бесчувственность наших сердец. Я на эту тему уже несколько раз по телевидению говорил. Во всех областях, где я был, почти везде о ней говорил, потому что болит сердце. Но поразительно, насколько другие темы нашей жизни вызывали сочувствие аудитории, отзыв мгновенный, а вот эта тема оставляла равнодушными слушателей. Это ужасно. То есть мы потеряли ощущение нации, потеряли ощущение наших соотечественников, нам это неважно. Ну, там кого-то притесняют, не нас же, шкура наша не страдает – ну и ничего... А те, брошенные, у них особенно остро чувство родины, подавленное, оскорблённое. У них особенно остра русская боль.

А что это вообще за народ? Они ведь там жили – не баклуши били. Они были посланы туда специалистами или стали специалистами там. Это они поставили все эти республики – сейчас независимые государства, это их руками всё построено. Это профессионалы, трудолюбивые люди, совершенно без алкогольного пристрастия, трезвые люди... И вот мы их так бросили.

Но – разные тут решения. Отделение Средней Азии и Закавказья, с которыми нам, конечно, нужно расставаться и, конечно, надо оттуда соотечественников вывозить. И отделение Украины и Казахстана. Это отделение совершенно точно подобно разделению Германии после войны. Как Германию разорвали на две части, миллионы живых связей разорвали, так и тут, когда отделялись Украина и Казахстан. Правда, там страны-победительницы разделяли покорённую, побеждённую страну. А у нас? А нас ничто не побуждало, мы только испугались визга об этом самом империализме. Мы просто сами, добровольно всё это отдали. Русские сейчас стали расчленённым народом. Народом, которому запрещено самоопределение. Всем народам на земле – почти, почти всем – разрешено. Не разрешено русским, и вот на память приходит – курдам. Упорно отказывают курдам почему-то в самоопределении. Так и русским.

Теперь о Казахстане более подробно. Когда Казахстан отделился, в нём было казахов 37%. Сейчас стало 40%, привезли из других стран. Русских – 38%. Почти поровну. А ещё есть и других много наций: до 700 тысяч немцев, которые не хотят оттуда уезжать, до 900 тысяч украинцев. А между тем местное всё телевидение большей частью идёт по-казахски. "Останкино" – ну вот ещё "Останкино" Казахстан не отрезал, как отрезала Украина, разрывая культурные связи с Россией. На русские издания – подписки часто не бывает. Люди просят: вот я хочу подписаться на такое-то. Нету в списке, нету, не подпишетесь. Я в Омске сам был свидетель: люди приехали в Омск с севера Казахстана покупать газеты русские, чтоб что-то прочесть и узнать.

В Кокчетавской области казахов одна третья часть. Третья. А в вузы принято казахов 70%, там играет роль и казахский язык тоже, это экзаменационный барьер. Русских школ по всему Казахстану до всех событий, в 1989 году, было 4 тысячи. Уже в 1993 – 3 тысячи, сейчас ещё меньше, точную цифру опасаясь сказать. И – как учить

теперь детей? Русским людям как учить своих детей? И немцам, и украинцам, которые там есть?

А эти переименования? Бешенство переименований напоминает то, как большевики всё переименовывали в России, чтобы ничего прежнего не осталось. Петропавловск. Петро-Павловск, 90% казахов. Теперь он – Кызылжар. Уральск, Гурьев, Семипалатинск, исторические города русского основания – все переименованы. Вытесняют со служебных мест – если только нет высокой специальности, которую не заменишь... И уж, конечно, правоохранительные органы и внутренние войска – эти все из казахов. Создаются помехи для выдвижения русских кандидатов при выборах. Сейчас была там громко названная "Ассамблея народов Казахстана". Казаков туда не пустили, Славянское общество "Лад" почти не могло проникнуть, и вообще русских было непропорционально мало. Получить земельный участок – невозможно казаху.

Ну и потом, конечно, – это не в одном Казахстане, это во всех отколовшихся республиках – разыгрываются националистические страсти. У них везде появляются сильные экстремистские движения националистов. Такое есть и в Казахстане – "Азат". Когда в сентябре 91-го года – сразу в те первые дни откола – праздновалось 400-летие Уральского казачьего войска, то эти националисты кричали: "Смерть казакам!". Приехал епископ в автомобиле на церковную службу, – бросали камни в автомобиль. Сожгли один православный храм, поджигали другой. Гости из России ехали на праздник – их не пустили.

Что вообще сказать об этих национальных движениях, таких бурных в республиках? Ну-у, попробовали бы что-нибудь подобное – русские, в России! В России подобного нет, а уже какой шум идёт. А там – буйный разгул, и – одобряется, во всяком случае никто в мире не возражает. Это буйство – одновременно и проявление силы, но и детская болезнь, проявление слабости, непонимания, что создать государство – это долгая, длительная культурная работа. Такая культурная работа невозможна без высоких специалис-

тов, и националистам этих республик, в том же Казахстане, нужно было бы держаться за этих русских, любить их и уважать, всячески им помогая строить дальше свою страну и поднимать её культуру. Нет, детская болезнь.

Должен сказать, однако, что у Назарбаева безусловно есть государственная рассудительность, государственное благоразумие. К сожалению, он допустил несколько неосторожных, тревожных высказываний. Были такие. Например: "в Казахстане нет русского вопроса". Да как может не быть в Казахстане русского вопроса, если русских 38% там? Или: "В нынешних условиях казачество не существует". Но четыре казачьих войска там – Уральское, Сибирское, Оренбургское, Семиреченское! Всех их захватили – и казачество не существует? Или ещё так сказал: "Это напоминает защиту Гитлером судетских немцев". То есть, значит, где националисты свои нации защищают – это можно, а у нас – это напоминает гитлеризм. Обеспокоен он, дескать, русским империализмом, национализмом? Надо бы обеспокоиться о *своём* воинствующем национализме.

Но тем не менее, следует отметить, что Назарбаев безусловно понимает необходимость союза с Россией. Вот сейчас он сделал два очень благоразумных шага. Во-первых, русский язык сделан если не государственным, то во всяком случае официальным, им можно пользоваться. Во-вторых, он убрал из конституции совершенно шовинистическую тогдашнюю фразу, что "Казахстан есть государство самоопределяющейся казахской нации". То есть значит, этот весь Казахстан, где меньшинство казахов, – он для казахов, а остальные – убирайтесь вон! Это – убрал, и, безусловно, он понимает, что нужно в тесном союзе быть с Россией, и предлагал не раз.

К счастью, сделаны в этом отношении шаги. Заключение мы в прошлом году соглашение с Казахстаном о единой таможенной службе, о совместной охране границ. Это замечательно. Только я боюсь, что это не слишком выполняется.

Как образовывался Казахстан? Как только Ленин разделался с Колчаком, он сейчас же учредил огромнейшую Киргизскую автономную область. И в неё включил эти все четыре казачьих войска непокорных, особенно Уральское, которое воевало с большевиками наиболее упорно с 17-го года. И непокорную Южную Сибирь.

Потом, с 36-го года, эта автономия стала называться Казахской Союзной Социалистической Республикой. И вот строили мы её, – посылали туда специалистов, из бюджета страны посылали финансовые вливания, то есть за счёт России, Украины, Белоруссии. Создали там промышленность, всю эту организацию, структуру, всё это создали.

И дальше: шли туда раскулаченные. Раскулаченные здесь лишились родины, поехали туда, там устроились – теперь лишились родины там. Потом мы слали туда ссыльные народы, потом целинников-энтузиастов... И все теперь они – "иностранцы"...

Да, к счастью, руководство, во всяком случае Назарбаев, понимает необходимость союза с Россией. И надо бы, чтобы мы не упускали этой возможности и этот тесный союз держали. И совместную охрану границ установили бы наконец.

Я думаю, что Казахстан, если смотреть далеко в будущее, очень должен понять, что его юго-восточные границы испытают сильное давление с китайской стороны. А юго-западные границы – это тоже не перспектива. Казахстану не влиться так просто в исламский мир, нет.

Я сам в Казахстане жил несколько лет, преподавал. И должен сказать, общение с казахами было самое нормальное. Это прямодушные люди. С ними можно быть в хороших отношениях. У меня был класс из одних казахов. 35-40 учеников-казахов. А я был не только преподаватель, но и классный руководитель. То есть входил в их жизнь, в их быт. Мы дружно жили, души друг в друге не чаяли, можно так жить. Но нельзя оставлять наших в пренебрежении, в презрении, в унижении, надо поддерживать достоинство наших людей там.

ПЕРЕДАЧА 13

(была намечена на 2.10.95, но снята с эфира)

*Разочарование народа в политической жизни. –
Горькие суждения в народе о властях. –
Никакая правда правящим не нужна.*

За последние три недели мне удалось посетить три области – Пензенскую, Самарскую и Саратовскую. Кроме многих частных встреч сюда вместилось и полтора десятка публичных – с аудиториями, беспрепятственно сошедшимися, – в областных центрах, в малых городах, в районных центрах, в посёлках, в совхозах, в крупных сёлах. Встречи такие я всегда провожу не только со свободным входом любому желающему, но и без специальной повестки дня, и без моей предварительной речи, – а просто я приглашаю всех желающих выступить по 3-4 минуты и высказываться на любую волнующую их тему, всё, что лежит у них на душе: заботы, тревоги, огорчения, надежды, предложения, соображения... – а я всё тут же записываю – и лишь в конце откликаюсь на всё важное.

Нельзя не отметить такой явной и характерной черты: чем дальше в глубинку, тем меньше в этих людских выступлениях звучит политического раздражения, и даже личных жалоб, а тем больше – размышлений, поисков: как осмыслить сегодняшнюю нашу жизнь – по её внутренней сути и с нравственной стороны.

Общий же воздух эпохи я бы выразил так: массовое нежелание даже касаться политической жизни, горькое разочарование в ней, или глухое к ней равнодушие. Люди отсечены от всякой реальной деятельности в самоуправлении, в устройстве местной общественной жизни, отсечены и от средств производства. В них неумолимо внедрено ощущение их ненужности в государственной жизни – и от того всё своё внимание и усердие они переносят на своё выживание, свой быт, малое ограниченное хозяйство и свою семью.

Вот, из моих записей при встречах – буквально, как люди говорили:

- не живём, а стараемся выжить;
- все стоим перед этим: выжить или не выжить?
- (ещё в других местах:) сейчас время не жизни – а выживания;
- не живём, а существуем;
- жизнь у нас – плохая;
- а предстоит как бы ещё не трудней;
- богатая страна! – и голодные дети; приду домой – дети кидаются посмотреть: а что в моей сумке?
- наша молодёжь – за чертой бедности;
- о рабочем вопросе власти не слышат, пока нет забастовки;
- как может директор получать несколько миллионов, если завод разваливается?
- капитализм начали строить не с той стороны;
- я не бывал на Западе, но представить не могу, чтобы в черте Нью-Йорка американец построил балаган из горбыля, разводил бы кроликов и поросят, а рядом – сено и навоз; а у нас – вот такая городская жизнь;
- до сих пор не могу понять: что же такое эта реформа?
- честный человек у нас ничем не защищён;
- (ветеран труда:) когда прекратится эта вакханалия? когда придёт улучшение нашей жизни?
- (фермер:) в стране никому ничего не надо, и всё хорошее пресекается на корню;

- умирают не от голода – умирают от того, что нет просвета!
- сделать сейчас нам, внизу, – ничего нельзя!
- и у правительства не видим никакой ясной программы;
- жить так больше – невозможно!
- пройдёт ещё небольшое время – и ничего нельзя будет спасти!
- сознательно разрушаем народную жизнь!
- Чечня! – выкупают оружие? – когда нет денег на образование, на медицину, на детские сады, пенсионерам, беженцам?
- больной человек сегодня – вся Россия;
- смотрим наверх: где порядочные, совестливые люди? Не видим!
- нынешние "демократы" – и есть самые большие взяточники;
- кто же будет возрождать Россию?

И пойдёшь им ответь...

- кому же нам верить?
- никому не верим, газет не читаем, СМИ называют Средства Массовой Идиотизации;
- почему столько партий развелось – а никакой борьбы с мафией??
- до каких пор недостойные люди будут нами управлять??
- этой власти я не верю ни в чём.

Тоска по достойным управителям!

- не нужно нам такой демократии, как у нас сейчас.

А – какая? У нас и нет демократии, чтобы народ управлял своей судьбой. Демократия у нас и не начиналась.

Характерно, что у нас не говорят даже "государственный строй", а – "нынешний **режим**", – и с презрением!

Дожили мы! Именно так клеймили революционеры царский строй: "режим". Именно так, с десятилетиями, утвердилось и: "коммунистический режим".

И ещё так меня спрашивали часто: "вот, мы слушаем вас по телевизору – а слышат ли вас власти?" Я отвечал: не знаю. Однако моё дело – предостеречь.

И ещё спрашивали: "А удалось ли вам высказать **всё**, что думает народ о нынешнем режиме?"

Я ответил: "Многое. Но – ещё не всё".

На встречах звучали и самые обозлённые выступления, и до самых крайних выводов. И до самых крайних призывов, уж не повторяю их здесь. И у всех раздражение, отвращение от предвыборной истерики.

И правда, можно понять: вот уже 4 года – или считайте 2 года – государственная система действует, обращается в её новейшем образе – и *что* получили люди? И в какое позорное состояние погрузило – и всё больше погружается – наше Отечество?

До выборов осталось два месяца? Так каковы должны быть заботы партий, особенно состоящих в Государственной Думе – да и заботы исполнительной власти? Не "выберут – не выберут" ("любит – не любит"), а: за эти оставшиеся два месяца какие реальные дела ещё можно успеть сделать для народа? Не надо ваших золотых обещаний на будущие сроки, а – дайте сегодня! Что пропущено, проиграно за прошлые годы – начните делать *сейчас*, до выборов, вместо этого хлопания крыльями и кукареканья. Помните: **людям надоело!**

Не может страна жить в сегодняшнем беззаконии! Не может страна сохраниться в таком хаосе! Бороться с преступностью? – надо сию минуту, и *открыто*, а не – всё обещать, обещать. Остановите разграб страны! Защитите производство от вымогателей! И – кончайте же чеченскую неразбериху, вылезайте из неё. И ещё: научитесь выплачивать людям зарплаты в срок!

Вот, после двухлетних умолений, – вырвали, наконец, у Государственной Думы закон о самоуправлении. И какой

же? А – холостой: самое главное – финансовая самостоятельность местных самоуправлений – ничем не обеспечена. И реальная власть передаётся не народному самоуправлению, не воле населения – а опять и опять чиновному аппарату, местному, – который ещё тут же и разрастётся. И нам ещё втолковывают: какой закон принят – такой и будем исполнять. Как же его исполнять, не имея материальных средств? И – насколько лет вперёд на нас навесили теперь ещё и эту путаницу?

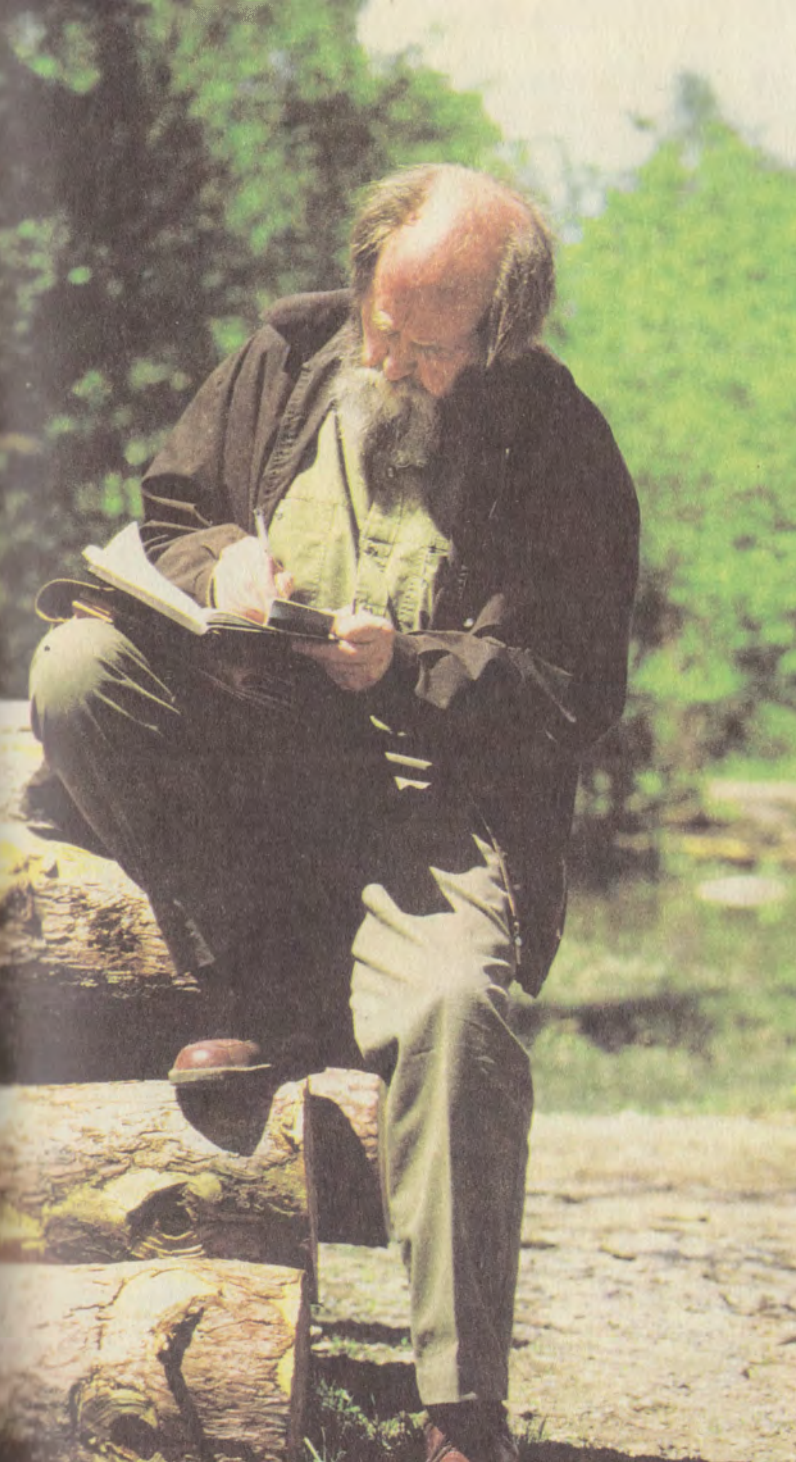
Когда-то видный классик социалистического реализма требовал от ЦК КПСС: да запретите же Солженицыну *писать!* в буквальных словах: "не допускайте Солженицына к перу!" Но, вот, времена обернулись, и на днях видная радикал-демократка, верней революционная демократка, потребовала в комсомольской газете: да запретите же Солженицыну *говорить!* буквально: "не допускайте Солженицына к микрофону!"

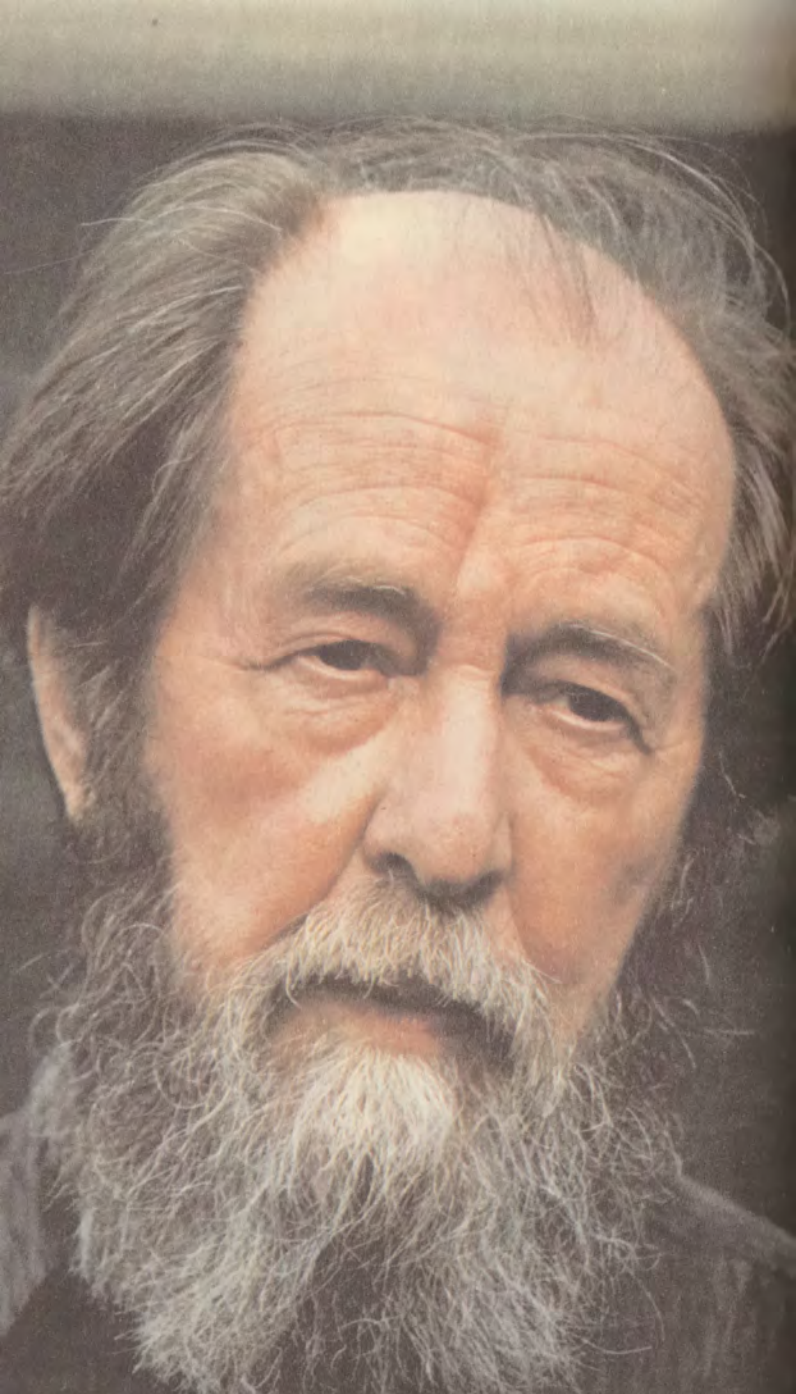
Не удивлюсь, если это произойдёт. Правда вслух не нужна – ни исполнительной власти, ни законодательной, ни новым денежным мешкам, которые уже и управляют из темноты. Не нужна и той части нашей образованщины, которая приняла новые, навязанные, как теперь выражаются, "правила игры" ..

"Свободу слова" у нас понимают: для **своих**, – и уж тогда в любой развязности, распушенности и пошлости.

ИЗ

**ТЕЛЕВИЗИОННЫХ
ИНТЕРВЬЮ**

КАКОВ БЫ НУЖЕН ЗАКОН О ЗЕМЛЕ

Из интервью 29 июля 1994

...Сейчас обсуждается: на каких условиях и кому продавать землю? Я хотел бы прежде поставить вопрос так: земля, сельскохозяйственная земля, пригодная для обработки, ныне считающаяся государственной, на самом деле – краденая. На самом деле, 76 процентов сельскохозяйственных угодий до революции принадлежало крестьянам. И по ленинским декретам, а потом по сталинской коллективизации эту землю у крестьян отняли. Поэтому так легко рассуждать – кому продать краденое – нельзя.

Первое условие – до всякого закона: надо провести процесс **реабилитации крестьянства**. Реабилитация крестьянства – это значит: признать вину государства перед крестьянами. И, первое, – тем нынешним людям, ещё сохранившим крестьянское чувство и связь с земледелием, которые могут доказать легко, что такая-то земля (а подобные случаи я знаю, встречал), такой-то участок принадлежал его деду или прадеду, в раскулачивание или коллективизацию отобран, – просто вернуть им, а не продавать. Вернуть бесплатно. Это – первое условие.

Второе. Вообще нужно понять, что земля – это не просто какой-то товар, один из товаров. Закон о земле имеет грозное значение, грозную важность для нас. Если мы ошибёмся в законе о земле, мы потеряем саму Россию.

Прежде всякого закона о земле нужно подготовить определённые мероприятия. И вот какие, во всяком случае, я бы назвал.

Создать **земельные банки** (муниципальные), имеющие возможность давать долгосрочные льготные кредиты. Долгосрочные – это значит на много лет, и льготные проценты – обязательно.

Затем. Создать *ипотечные* банки, то есть те, которые принимают землю в залог, – их можно создавать, как вариант земельного банка, то есть как его отделение.

Потом, по-настоящему, нужно было бы сделать земельный кадастр, то есть описание земель по их качеству. Конечно, на это мы сейчас не способны, на это нам нужно десять лет, двадцать! Но пока нужно воспользоваться местной, приблизительной оценкой.

...Ещё одно предварительное условие: ведь сегодня производитель не связан с оптовым рынком. Сегодня производитель в руках перекупщика-посредника. Прежде всего нужно создать мелкие, может быть кооперативные, перерабатывающие предприятия. Только тогда производитель может действительно с выгодой производить. Такие мелкие кооперативные предприятия дали бы возможность и в малых городах, в районных посёлках создать рабочие места. Без этого, как сейчас, нет смысла производить что-либо вообще на земле. Потому что земледелец продаёт за бесценок, а всё берёт посредник.

Это – предварительные условия. Организационные. Теперь о самом законе. Закон не должен противоречить нашей национальной традиции. Закон должен учитывать её и не может игнорировать народное представление о земле. Но ничего этого не делается! А что делается? Какая-то группа специалистов или неспециалистов в Москве сидит и разрабатывает закон. И вот это возбуждает у меня большое беспокойство. Я сейчас читаю в центральной прессе совершенно безумные проекты. Например такой, я читаю в июле:

"...Надо производить реформу в соответствии с потребностями рыночного спроса, а именно – аукционная продажа, кто больше даст, и без контроля за её использова-

нием, а как ему рынок подскажет, как ему хозяйство подскажет, пусть и использует..."

Так можно договориться до того, что если выгодно сдать в аренду мать или дочь – сдавай! Выгодно!..

...Сейчас, если пустить на аукцион, как предлагают теоретики из Центра, то кто землю купит? У кого есть деньги. В деревне ни у кого нет денег. Да и в городе – только у жуликов: вот сейчас разжились на нечестных операциях, – они и купят, и создадут латифундии. А народ превратится в наёмных рабочих. И всё!

Сейчас в деревнях есть и такое явление: поскольку мы забросили деревни, многие городские покупают деревенские дома, особенно как дачи, там сажают огороды. Это хорошо. Но это не решение проблемы. Это – само собой, пусть себе идёт: но это не относится к земельной реформе.

Да сейчас у нас и не всякий может справиться по-настоящему с землёй. Это ведь высокое ремесло, высокое знание, – человек должен быть умелый, или чуткий к этому, способный.

Сейчас, к счастью, у нас уже существуют, пока ещё почти бездействующие, комитеты по земельной реформе. Вот это хорошо – эти комитеты по земельной реформе могут получить нагрузку. Какую? А вот какую: они должны следить за использованием земли: какой владелец обеспечит рост сельскохозяйственного производства и притом экологически чистое использование участка. И они дают рекомендацию земельному банку: кому есть смысл увеличить надел, а у кого необходимо отобрать для спасения почвы.

Земельный же банк – вот кто единственный распоряжается продажей и обратным выкупом земли. Как я уже сказал: одни – заслужили получить участок – бесплатно, по праву отобранного наследства. Другим желающим – земля продаётся, но по доступной цене, с большой льготой и с рассрочкой уплаты на много лет.

А комитет по земельной реформе должен затем контролировать использование земли. И если, скажем, в течение трёх лет – максимально трёх лет – видно, что участок

просто губится, или в сельскохозяйственном отношении неэффективен, или экологически вреден, комитет по земельной реформе даёт рекомендацию банку принудительно изъять участок. Банк возвращает владельцу деньги, возвращает человеку то, что он вложил (может быть, удобрения и т.п.), и всё, – и предлагает новому покупателю. И наоборот, если видится, что кто-то эффективно использует участок и экологически чисто, тот имеет право претендовать на расширение участка.

И что же это будет: частная собственность или нет? Если это наследственное пользование, пожизненное пользование с наследственным правом, то это и есть частная собственность. Если какая-то вещь мне принадлежит, и я знаю, что могу её передать сыну, – это частная собственность.

А не надо говорить, что земля "просто товар", быстро продаётся и покупается. Никуда не может быть возвращена земля, иначе как в Земельный банк. Только в Земельный банк. Деньги за землю должны поступать не в государственное пользование, а в Земельный банк.

Земельный же налог должен поступать в районное и областное ведение для землеулучшения.

Размеры участков регулируются местными условиями: нельзя определить – где больше, где меньше. И, может быть, закон не должен быть всеобщим по России, абсолютно единым, – может быть, по областям и по краям можно варьировать, какие-то изменения вносить.

Мы при этом даём возможность свободно течь процессу. Мы признаём частную собственность, но мы не должны насильственно разваливать сегодня колхозы и заталкивать их в частное землевладение. Мы должны дать свободно течь процессу. Как только будет реальный выбор, немало крестьян начнёт принимать собственные решения. Вот сейчас в некоторых местах я встречал: колхоз еле-еле дышит... Сейчас, вообще-то, колхозники, работая, дремлют. Дремлют, потому что в фермеры переходить опасно: когда их не обманывали? Когда за 70 лет не обма-

ывали? "Опять обманут"... Но образуются такие – "арендные звенья", создаются из непьющих, из работающих. У них – я смотрю – и полеводство в порядке, и животноводство в порядке, и ремесло у них есть, и столярное дело, и продают изделия, – всё действует. Значит, если издать разумный закон о земле, мы дадим свободно течь процессу: хотят крестьяне – берут землю в личное владение, хотят – в кооперативное, кто как хочет...

Конечно, нет нормальности в сегодняшнем положении, что колхозы дремлют. И то, что люди получают ничтожную зарплату, но и вместе с тем не решаются ни на что активное. А сейчас – в колхозе им что-то дают: когда трактор, когда покос разрешат, когда комбикорма подбросят, когда они сами что подворуют... И так живут: "Ладно...", "И пусть пока так..." А платят им тоже с опозданием в год. Хорошего нет. И что колхозно-совхозное начальство держит их, в общем, по-прежнему, – в своей крепкой власти, только переименовав колхозы в "акционерные общества", – хорошего нет.

Но было бы безумием просто гнать всех сейчас, насильно расталкивать в фермеры. Я встречался с фермерами, я могу много рассказать. Встречался с фермерами-энтузиастами. Но и с такими встречался, которые поняли, что у нас жить фермером нельзя, – и они превратились в посредников, просто в посредников. Уже у нас фермерство искалечено.

Значит, надо дать такой выгодный, разумный закон о земле, чтобы сохранялось сельское хозяйство и росло, и чтобы каждый крестьянин наконец поверил, что он – может делать, как он считает правильно. Потекут и в фермеры. Потекут и в арендные звенья. Может, в кооперативные организации. Лишь бы поверили!

Но мы же крестьян обманываем всегда! Сколько раз мы обманывали! Создали условия, чтобы крестьянин дремал и не ждал ничего, а думал: "Как-нибудь... Как-нибудь... только бы меня не трогали, я на картошке проживу". Он на картошке проживёт, но страна не проживёт...

Ну, как мы хозяйничаем!? Вот, едем по Сибири – пустые земли: пустые, пустые, пустые, необработанные. Что мы делаем?! В такое тяжёлое время, когда земля могла бы выручить, что мы делаем?!

И вся эта брежневская политика – провести закрытие многих, многих деревень – было ещё одно безумие! Равное сталинскому. Равное! Ещё раз "проехали" по мужику.

Декретов не должно быть – должны создаться выгодные условия для выгодного развития крестьянского хозяйства. И всё! И сами крестьяне сообразят, что и где нужно. Только это должно быть, – декретов не надо.

В том законе, который предложил Чубайс Государственной Думе, – уже стояла приватизация земли, на нынешний безоглядный манер. Но Президент этого пункта не подписал, слава Богу! Слава Богу, без этого пункта. Еле-еле просто – вот еле-еле сейчас это задержалось Почему и срочнее этого разговора вообще ничего нет.

ФЕДЕРАЦИЯ ЛИ РОССИЯ?

Из интервью 10 августа 1994

...Говорят: "Российская Федерация". Это так все легко приняли. Но Россия никогда федерацией не была. Что такое федерация? Федерация есть такое государственное создание, когда отдельные государственные образования или общины стремятся сплотиться, соединиться для общего существования, для общей защиты. Такой классический случай – это соединение швейцарских кантонов... Такие же классические случаи – объединение штатов в Соединённые Штаты Америки и земель Германии в Федеративную Республику Германии. Вот это – федеративные государства, как они и называются: Федеративная Германия...

Федеративный процесс, таким образом, – по сути своей, по замыслу, – центростремительный, а не центробежный. То есть это стремление к объединению, а не право на отделение – и убежать.

А у нас получилось так, что, наоборот, Ленин, потом и Сталин дробили Россию искусственно, ослабляя русский народ. Русский народ сейчас, в пределах сегодняшней России, составляет больше 80% населения, но не имеет и сравнимых с тем сил и прав – по тому, как государство устроено.

Я должен сразу же оговориться: ещё 22 года назад в Нобелевской лекции, и потом много раз, я повторял, что радуюсь существованию наций, я считаю, что нации – это богатство человечества, это грани Божьего замысла, это краски человечества. И нации надо охранять. На Западе Просвещение ещё с XVIII века пустило ложную идею, что

нации будут нивелироваться и всё человечество будет единым и объединённым. XX век особенно наглядно нам показал, что ничего подобного: нации все стремятся укрепиться и свою самобытность утвердить. И это хорошо, и это надо приветствовать. И культуру каждой нации – самой маленькой нации, как в Сибири бывает – 500 человек всего нация, – её надо хранить. Культуру!

Однако не надо путать национальность и государственность.

Да, национальность во всём мире сейчас идёт к укреплению и к развитию. И слава Богу!

А государственность, напротив, – государственность всюду идёт к слиянию в крупные единицы. Мы это видим – были великие державы Европы, 4-5 великих держав. А что они сейчас? Они все сплачиваются в единый союз.

У нас – огромная Россия. Это тоже единый организм, который никогда федерацией не был отроду – у нас не было федеративного устройства. Ленин, потом Сталин – нагородили фальшивых границ, по которым отрезали Южную Сибирь – Казахстану; Украину вознаградили за то, что её покорили, русскими областями со всех сторон – Южная Новороссия, Донецкий бассейн, потом уже Крым Хрущёв подарил... Всё подарили, чтобы Украине как бы взятку дать.

А потом нагородили автономных республик. Что это за автономные республики? Ну, вот есть такие данные по переписи 1989 года, – каков процент в самой республике так называемой "титульной нации", то есть по которой названа республика. В Башкирии – 22 процента всего, в Бурятии – 24, в Карелии – 10, в Якутии – 33 процента. И даже в Татарии, которая более всего настаивает на своей уже почти независимости, – половины нет: 49 процентов.

В наши головы втемяшили идиотский этот принцип так называемой "ленинской национальной политики", когда создаётся республика по меньшинству и меньшинство управляет большинством... Это надо кончать, это **антидемократия**.

Если мы себя объявляем демократией, то у нас большинство должно управлять меньшинством, – если мы демократы... Иначе так надо и сказать, что у нас антидемократия, что у нас дикий строй, которого нет нигде на земной планете, что мы всё шиворот-навыворот делаем и стоим вверх ногами, – ну давайте так признаем, а не притворяться, что у нас демократическое государство. Его у нас нет.

И в этой связи ещё вопрос – о так называемых "национальных округах". "Национальные округа" – это ещё дальнейший шаг в этом сумасшедшем доме. Вот я приведу несколько примеров, где я проехал.

Тюменская область – она как будто бы огромная. На самом деле вся Тюменская область – её население, её промышленность, и всё, что её кормит, – расположена на юге. А на севере мы имеем два национальных округа – Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий. Они малы по численности своих наций, но у них огромная территория. И по какому же уставу живёт Тюменская область? А вот по какому. В законодательном собрании Тюменской области 25 депутатов. Из них только часть – от собственно Тюменской области, а остальные – от этих округов. И после принятия какого-то решения в законодательном собрании Тюменской области – окружные депутаты уезжают к себе в округ (они там тоже участвуют в законодательстве) и могут принять другое решение. И то местное их решение – отменяет областное. Причём, хотя эти округа состоят в Тюменской области как её части, они же отдельно – "субъекты федерации". И поэтому они могут вообще наплевать на Тюменскую область и обращаться прямо в Центр. Ну как так можно жить?

Сходная картина и в Красноярском крае – Эвенкийский округ и Таймырский. Вот в Таймырском округе, в котором 40 тысяч населения, есть 300-тысячный Норильск. Причём точные границы – где кончается Норильск, а где начинается Таймырский округ – не определены. 300-тысячный Норильск подчиняется Красноярску, а Таймырский округ его обнимает, и он, как и каждый другой округ – "субъект федерации".

В Иркутской области есть такой округ – Усть-Ордынский, в Читинской – Агинский, а на Алтае – Горно-Алтайская область. Причём, так как округа имеют малое население, но они – "субъекты федерации", то они обращаются прямо в Москву и говорят: "Слушайте, нам нужно субсидий всего-то вот столько..." – и Москва им отписывает – ну, что за цифра!? И так все округа получают субсидии из Москвы, потому что они маленькие. А за счёт чего? А за счёт остальных русских областей.

Но эта несправедливость, это неравноправие раскалывает страну ещё много глубже. У нас сейчас фантастические вещи существуют. Есть конституция. Но к конституции ещё есть Федеративный договор. А к Федеративному договору есть дополнения. А в дополнении сказано, что республика имеет право проголосовать, какой процент налога отдаётся Центру. Так это же, простите, полный развал. Это уже хаос! Совершенно так жить нельзя.

У нас сейчас из 89 так называемых "субъектов федерации" только 15 живут без дотаций, а остальные – за счёт дотаций. От кого? Так вот от тех пятнадцати. И больше того – мы даём дотации и тем республикам, у кого в конституции стоит право на отделение. Они могут в любой момент отделиться, а мы им даём дотации. Чечня просто объявила, что она отделилась, а мы ей уже и после этого давали дотации... Это же совершенное безумие!

Надо уравнивать в правах все регионы России, сколько бы их ни было: республики или края и области – они должны иметь абсолютно равные права, как прежние губернии. Другое дело, что должны быть разработаны твёрдые финансовые соотношения между Центром и регионами. Этого до сих пор нет, и я, вот, во многих областях беседовал с администрацией областей – они мучаются, что этого нет. Должно быть твёрдое условие: сколько, какой процент дохода или налогов, или иначе расчисленное должно поступать в Центр, а какой остаётся области. И всё! И больше никаких добавочных поборов, и никто не просит дотаций, – всё, кончено.

А у нас – и ещё более дикая вещь. Правительство центральное заключает договоры – вот, с Татарией, потом с Башкирией, отдельные договоры, – как с иностранными державами! Что это такое? Как может такое государство существовать? Ни в одной раздемократической стране мира ничего подобного нет. Это сумасшедший дом! Если часть страны имеет дипломатический договор с Центром – это сумасшедший дом, это не страна. Жить так нельзя, нигде этого нет. Да попробовал бы один штат Соединённых Штатов, какой-нибудь юго-западный, испаноязычный, отделиться, – да что бы это поднялось! Не договор бы с ним заключали, а в 24 часа военная сила Америки его бы тут же и накрыла, – они бы и разговаривать не стали. А у нас ведут переговоры. Я не призываю к военной силе, но я призываю к разуму.

Есть пятнадцать краёв и областей, которые всех кормят. Понимаете? Они всех кормят – и они имеют не меньшее право голоса. И надо в конце концов понять разумом: ну не могут одни жить за счёт других!

Я должен сказать, что самое грозное, что было осенью прошлого, 1993, года, как-то не упоминается. Много говорится о событиях той осени, а самое грозное не упоминается, вот что: Россия разваливалась уже в недели. Оставались, может быть, недели до обвального развала России. Ибо обе борющиеся группировки – парламентская и правительственно-президентская – они в борьбе заискивали перед республиками, давали им политические взятки, всячески, только бы собрать их голоса на свою сторону. А регионы уже тогда в отчаянии (кто же они остаются?) – они стали объявлять себя один за другим республиками. Этот процесс так стремительно шёл – ну просто буквально в неделях Россия бы развалилась...

А прежняя Россия – сколько наций приняла, столько и сохранила, ни одну не потеряла – ни одну не стёрла с лица земли. Разрушение же их началось в большевицкое время, но всё время прикрывалось "ленинской национальной политикой".

Да, мы уважаем национальности и особенно приветствуем культурное развитие их. Пусть республики имеют, если хотят, знамя, герб, президента, ритуал – на здоровье! Конституцию – если хотят. Только эта конституция не должна противоречить общероссийской ни в чём. Ни в чём! Ни в одном пункте. А если вступит в противоречие, то она должна подчиниться общероссийской.

Я понимаю, что будет сопротивление – сопротивление тому, что втемяшили нам ленинские понятия. Но с ними надо расставаться. Это антидемократические понятия, противоречащие всему земному разуму, и нигде на земле этого нет, кроме как у нас.

Пусть и республики, и национальные округа развиваются в культурном отношении, культурную работу ведут, – дай им Бог сохранить их нации: мы всем им сочувствуем! Но только не как привилегированные "субъекты федерации", за счёт других, – нельзя такого беспорядка вносить.

Вот то, что я хотел сказать о федеративном устройстве России.

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ РОССИИ

Из интервью 27 марта 1995

...На положение России в современном мире ещё накладывается очень тяжёлый фон. Демографический фон России. Я слежу за этим всё время, вот мне прислали демографические сведения включая 1994 год. За 93-й год мы потеряли почти миллион человек – русских, этнически русских. Девятьсот пятьдесят тысяч. За 94-й не подсчитано до конца, но порядка того же самого, миллион, если не будет чуть больше миллиона. У горожан продолжает падать рождаемость, а в сельской местности особенно продолжает расти смертность. У нас, сообщают, чудовищное количество убийств. Убийств у нас было больше 30 тысяч в прошлом году. Да, это так. Но в 1992 году у нас было 45 тысяч **самоубийств**, больше гораздо. А в 1993 году у нас было 56 тысяч самоубийств. Причём бывают у нас самоубийцами муж и жена, старики кончают с собой. От наших реформ дальше жить невозможно им. Всё. Они кончают с собой. Из родильных домов сейчас выходит менее 30% совершенно безупречных, здоровых детей. Множество уже с пороками физическими или психическими. Когда они достигнут детородного возраста, в 2015-2020 годах, – кого они будут рожать дальше?

...У нас миллион русских, этнически русских, убыли за год, но нерусских добавилось 200 тысяч. Рассчитывают наши статистики, что примерно к 2020 году у нас в России сравняется количество русских и нерусских. Тогда это бу-

дет в каком-то смысле уже совсем новая страна. Мы к этому не готовы, мы об этом не думаем, и у нас об этом все молчат.

Я хочу показать присланный мне статистиками вот этот график. График ведётся с 1986 года по 1994. Вот красной линией отмечено падение рождаемости, всё время падение, кроме двух отрезков. А чёрной линией показан рост смертности – непрерывный. И до 1991 года, когда они пересеклись, эти две кривые, ещё у нас был прирост: хотя рождаемость падала, но оставалась выше смертности. А с момента, когда кривые пересеклись, смертность пошла выше рождаемости, и значит с тех пор – только убыль населения. Вот куда мы сейчас попали. С таким графиком, при таком вымирании нашем – в какое же будущее идёт Россия?..

ИЗ ОБЩЕСТВЕННЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ

Выступления писателя на встречах с общественностью при его поездках по России не были заранее подготовленными речами, но – заключительными откликами на сказанное выступавшими до него. Встречи всегда проходили с открытым доступом, в переполненных залах. Всем желающим предлагалось высказываться – вне какой-либо "повестки дня", на любую тему: о своих болях, тревогах, надеждах, соображениях, предложениях. Говорили по 3-4 минуты, в каждой аудитории – человек 25-30. Поднимали темы политические, национальные, бытовые, образовательные, нравственные, религиозные, ставили вопросы о смысле жизни, раскаяния – и личные, о самом писателе.

Из полусотни таких встреч по стране – мы приводим три.

ВЫСТУПЛЕНИЕ В НОВОСИБИРСКЕ, В ДОМЕ УЧЁНЫХ АКАДЕМГОРОДКА

28 июня 1994

25 лет тому назад, в 1969 году, отвечая Сахарову на его брошюру "Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе", я писал, что ужасно народу потерять свободу слова, так, как мы потеряли в 1917, но ещё болезненнее будет возврат свободы слова. Потому что за годы и годы мы так разбредёмся на 77 дорог, что перестанем быть соотечественниками, мы вообще перестанем понимать друг друга. Мы будем как люди разных племён, разных планет.

И вот этот процесс начался с 1985-86-87-го годов, и он проходит так болезненно, что здесь сегодня выступали люди словно из разных стран, живущие в разной обстановке и абсолютно не понимающие друг друга. Этого следовало ожидать.

Спрашивают: "Что происходит?" Это вопрос очень естественный. Он висит над нами с 1917 года. Я прошу тех, кто родился в войну или после неё, не забывать, что все эти поколения взошли на плечах убитых поколений. Вы не видели шестидесяти миллионов замученных в лагерях, застреленных и замороженных в тайге. Вы не разделили судьбу тридцати миллионов, убитых на войне, когда мы платили по десять за одного; бросали разминировать минные поля ногами пехоты: пройдёт одна рота, поляжет, – ладно, вторая. Вот так воевали... Вы не видели всего этого, и вас,

естественно, упрекнуть нельзя. Но для того чтобы ответить на вопрос "что происходит?" – нужно разглядывать историю назад, и ещё прежде 17-го года. Мы надломили народный хребет ещё в XVII веке, когда с безумием стали громить старообрядчество – самую грамотную, самую инициативную, самую яркую часть собственного народа. 12 миллионов человек объявили вне закона, хотя тогда и всего-то населения не намного больше было. И с тех пор много было сделано ошибок в нашей истории.

И вот наступил 70-летний период коммунизма... В зале, я вижу, моих ровесников почти нет, и мало кто из вас помнит 30-й и 31-й годы. Тогда был такой сокрушительный удар по народному сознанию, по обычаям, по возможности жить на земле, по возможности общаться друг с другом, что, поверьте, – он превосходил по силе тот, что мы сейчас переживаем, в девяностых годах. Это была смена воздуха, конец человеческих отношений, ничего понять нельзя и непонятно, как дальше жить.

Коммунистический режим простоял 70 лет... Он был обречён – в частности, он был обречён экономически. Но когда Горбачёв задумал (а может и не задумывал?) выходить из него в 1985 году, сразу он пошёл по лицемерному, неверному пути. На самом деле он не стал избавляться от номенклатуры, а искал только, шахматными ходами, как переставить более гибкую часть номенклатуры на выгодные места, поближе к коммерции.

Итак, мы пошли по ложному пути. Правда, объявили гласность. Но Горбачёв объявил гласность всего лишь, чтобы использовать столичную интеллигенцию против своих номенклатурных врагов. Он был очень недалёковидный человек, не понимал что за внезапной гласностью дальше последуют взрывы национальные, а затем – свобода оружия, а затем свобода преступлений. Столичная же интеллигенция, получив гласность, кинулась сразу друг друга грызть. Вместо того чтобы активнее использовать гласность для расчистки от коммунизма, столичная интеллигенция друг

друга проклинала, а номенклатура только руки потирала и занимала нужные места.

Наступил 1991 год. Это был редкий в истории момент, когда народу посыпался счастливый жребий. В этот момент достаточно было одного спокойного указа о роспуске Верховного Совета – и не только не пролилось бы ни капли крови, но не раздалось бы стоны или звука, так были все перепуганы. До такой степени перепуганы, – тихо, тихо бы разошлись. И коммунистическую партию можно было бы тогда же безвозвратно распустить, и номенклатуру, – но реально это не было сделано... В 91-м году мы ещё раз потянули несчастный жребий. Мы получили мучительный, тяжёлый и, может быть, долготой во много десятилетий выход из коммунизма – на свою голову.

Сейчас вот спорят здесь, имеем ли мы свободу, что понимать под свободой? Говорят – права человека. Вот свобода печати. Может быть, у нас есть свобода печати, а скорее – нет. Ведь газеты и на Западе тоже до известной степени зависят от того, кто даёт деньги, что там говорить. И здесь, в зале, вышел человек и сказал: когда печатают газету и всё время думают, дадут ли деньги на завтрашний номер или нет, – я это свободой слова не назову.

Свобода печати, свобода собраний, свобода партий... Андрей Дмитриевич Сахаров настойчиво из года в год говорил: первая свобода человека – это свобода эмиграции, это свобода уехать из своей страны. Я много с ним спорил, и мне было больно, что он так писал. Сегодня эти слова звучат иронически, если не зловеще.

А вот сейчас, в Томске, слышал замечательное определение. Там в "Мемориале" было очень хорошее собрание, и тамошний правозащитник Кандыба выступил и сказал: "Свобода сейчас сводится вся к тому, свободен ли маленький, незаметный человек от давления властей. Если он свободен – это главная свобода и есть". И Кандыба уже провёл 16 дел в суде по защите маленьких людей. На этом не возьмёшь ни денег, ни славы, ни благодарности... И 15

дел из 16 выиграл. Вот если бы такие люди были повсюду, то, может быть, мы бы свою свободу и завоевали.

Демократия в России? – ещё не наступила. Демократия – это такой строй, когда народ определяет свою судьбу. Демократия требует очень многих условий. Это не самый лёгкий способ управления, а самый трудный. Он требует доброй воли к законопослушанию, когда человека не угроза суда заставляет выполнять закон, а он сам добровольно выполняет его. Демократия требует уважения к имуществу – ну, своё-то имущество каждый уважает, – к имуществу чужому. Демократия требует хозяйственной самостоятельности каждого человека – прежде всего, ещё до свободы. У нас разве это есть? А вернулась ли возможность людям объясняться друг с другом? Вот я выступаю по дороге, вероятно, уже 15-й раз. Я еду пятую неделю, выступаю в залах разных. Местная пресса так или иначе передаёт мои слова, они становятся известны в данной местности, а Москва упорно замалчивает всё, что я говорю, или искажает презрительно. Так и сейчас мне не объясниться...

Вот тут сказал последний выступавший, коммунист: "Архипелаг ГУЛаг" меня не убедил". Что делать... Весь мир он убедил. До меня было на Западе 25-30 книг о советских лагерях – никто их там читать не хотел, Запад смеялся над ними: "врут", – потому что восхищался большевистским режимом, "это передовой строй, это счастье человечества". Но их – я убедил теперь, а этого человека не убедил. Понятно – он не был ни в лагерях, ни в ссылке, ему не стреляли в затылок, его не избивали, не пытали на следствии, – и я его не убедил. Что ж, это судьба поколений. Очень трудно понимать другие поколения. Чужую боль понимать трудно...

Сейчас меня спрашивают: определитесь по отношению к нынешним событиям. Да я давно определился. Я вижу, что происходит в России, – в России происходит очередная большая беда. Я приехал сюда и убедился – всё

точно-точно, один к одному, всё, что я видел из Америки, настойчиво три года следя и собирая все материалы.

Везде звучало – и в этом зале тоже – "нет, у нас была свобода, мы её потеряли 3-4 октября". Простите, пожалуйста, – раньше. Мы свободу могли потерять или приобрести в августе 91-го. И тогда-то мы её и упустили.

Хуже того, мы в те дни ещё и вышвырнули 25 миллионов своих соотечественников, как собак: сказали, что мы "признаём границы". Какие границы?! Фальшивые ленинские границы, которые проведены были со злорадной целью урезать русский народ и наказать всех, кто боролся с большевизмом? Наказать донских казаков, уральских казаков, семиреченских, сибирских, ишимское народное восстание, – отрезать от РСФСР, отдать под другую нацию! Украину большевики захватили, – правда, по-настоящему подавили Украину, – взамен надо дать ей какую-нибудь цацку. 5-6 русских областей добавил Украине Владимир Ильич. Прирезал и сказал: "Это Украина". А Хрущёв жестом пьяного сатрапа подарил ещё и Крым. Где это видано, в какой стране бывает, чтобы такой полуостров "подарить"?

Из-за этих фальшивых границ наше правительство должно, что ж, – не войну начинать, как в Югославии. Не дай Бог, я не одобряю югославский вариант. Но югославы все несчастны по той же причине: титовская банда устроила фальшивые границы, переселяла сербов со знаменитого Косовского Поля, исторического места обитания сербов, – а туда вселяла албанцев, и т.д. А как только Югославия распалась, так руководители западных держав с корыстным расчётом, в 24 часа признали новые государства, несмотря на то, что речь шла о фальшивых этнических границах. Я им сказал сейчас, уезжая из Америки: не сербы, не боснийцы, не хорваты виноваты; виновата титовская банда – раз, и руководители западных держав, разделившие с Тито ответственность, – два. Это чушь, что Хельсинкские соглашения о нерушимости границ относятся и к внутренним, административным границам, – ничего подобного! Они были

приняты по отношению только к внешним границам государств.

И здесь опять меня не удивило, что выступающий из Казахстана говорил: "Подумаешь – какие-то там проценты считать". Вот Ленин так и придумал: если наберётся десять, двенадцать процентов маленькой национальности – объявить её господствующей, она за то будет предана режиму, а 90 процентов русских – шут с ними! Ленин говорил – "великорусская шваль". Правильно – зачем считаться с большинством? – меньшинство пусть управляет. В Казахстане сегодня – 60 процентов не казахов. Это – русские, украинцы, немцы, которых во множестве туда сослали. Да и 40 процентов казахов набрал Назарбаев потому, что искусственно, на пайках, из Монголии переселил казахов. Ну, прошли сейчас в Казахстане выборы. Весь мир признал, что выборы жульнические. Если бы такое было у нас – стоял бы крик на столетия. А в Казахстане – так, ничего, издержки. Назарбаев фактически назначил треть парламента. Выборы потрясающие по подтасовке! И местное телевидение в Казахстане переходит только на казахский язык, а остальные – хоть задохнитесь!

В статье "Как нам обустроить Россию" я писал: надо знать меру своего расширения. Я считаю ошибкой наших царей, что изматывали силы русского народа, вмешиваясь в споры Грузии, Армении с их соседями. Не надо было этого делать. Закавказье мы потеряли теперь навсегда. И людей наших надо оттуда забирать. А разве мы забираем? Разве выделяют на это деньги, разве мы этих людей встречаем? Так же и Средняя Азия. Она идёт к своему, неизвестному нам будущему. Эти нации растут, они создают единый мусульманский мир, они создают государство Великий Туран, начиная от Турции и кончая Казахстаном. Нам и из Средней Азии надо соотечественников забирать. Но эта проблема сегодня здесь не прозвучала. Почему не звучит? Это понятно: у каждого своя боль. Нет здесь людей оттуда – и вопрос не звучит. А для меня он надрывен. Я

эти письма отчаянные получал, я из Вермонта ещё видел всю эту картину.

Повсюду в мире происходит путаница двух понятий – национальности и государственности. Европейская философия Просвещения XVIII столетия предсказала, что наций не будет, они отомрут. И вот все надеялись, что наций не будет, а будет единое человечество. XX век показал: как раз всё наоборот. Как раз все нации укрепляются – и слава Богу! Национальные культуры – это богатство. Вообразите на минутку такую ужасную картину, что все мы здесь сегодня абсолютно на одно лицо, одного характера и одного возраста. Жить в таком человечестве невозможно было бы. Хорошо, что нации есть. И дай Бог каждой жить – и самой маленькой в Сибири, где их всего сто человек, – и ей дай Бог жить. И старая Россия сколько наций приобрела, столько и сохранила. Ни одной нации в России не было уничтожено, а в Советском Союзе многие народы тяжело пострадали.

Тут такое прозвучало: из Сибири всё качают, Сибирь – колония. Дорогие мои, и Украина была уверена, что она отделится – и станет сразу богатейшей страной. А теперь оказалась нищей. А считалось: из Украины всё качает Московия. И Грузия кричала про империализм, а оказалось – за наш счёт они жили. Вот эта искусственная национальная политика, это напложение национальных маленьких областей – или больших, как Якутия, где маленькая нация – титульная, и она руководит, и требует дотаций, и ей нужно особое внимание, – это и привело к тому, что, действительно, из нескольких областей, но совсем не только сибирских, а и среднерусских – и ещё как! – выкачивали и выкачивают, для того чтобы поддерживать национальные республики.

Вот Чечня имеет все основания отделиться, там действительно 80 процентов чеченов. Так принять оттуда русских! А понаехавшие чечены, пожалуйста, собирайтесь, из Москвы, из Сибири, из Средней России. Ваши границы мы

уважаем. Давайте – 50 посольств принимайте в Грозном, 50 посольств рассылайте по всей Земле, создавайте свою авиацию, армию, промышленность, – покажите себя! А наши сегодня ведут низжайшие переговоры и шлюют Чечне дотации. А она плюёт нам в лицо...

Тут меня спрашивали о православии. Отвечу. Пётр после разгрома старообрядчества скрутил православию шею. Униженное положение православия в XVIII, XIX и начале XX века во многом и привело к трагедии 1917 года. Православие во всей нашей истории имеет огромное значение – моральное, религиозное. Православие во многом создало традиции, обычаи, сам образ русского человека. Но я согласен с тем, что православие наше нынче приведено в ужасное состояние. Это не сегодня началось, а тогда, когда тысячи священников отправляли – только за то, что они священники, – на расстрел.

Православие – изо всех религий вырезано было в первую очередь. Другие религии начали громить с 30-х годов, а православие – прямо сразу, как только большевики пришли к власти. Немудрено, что православие сейчас в такой жалкости. А услужливые наши анонсёры – те, которые крутят телекамеры, – ещё опошлили передачами по телевидению. Принизили, духовное явление свели к внешнему обряду. Дай Бог, чтобы православие сумело стать на ноги. Так или иначе, русскому народу естественнее всего вернуть себе нравственную силу в православии. Конечно, сейчас процесс зашёл так далеко, что большинство нашего народа – атеисты, и они могут приходить к нравственности другими путями. Но что мы все сейчас находимся в нравственном провале – с этим спорить не приходится.

Здесь ещё спрашивали: для чего-то ведь посланы нам страдания? Без этого вопроса обойтись нельзя. Да, в каждом событии нашей личной жизни, семейной жизни, национальной жизни, государственной жизни – существует высший смысл. И надо пытаться его разгадать. В личной жиз-

ни – человеку вдумчивому это бывает доступно осмыслить. В жизни государственной – это охватить трудней.

В нашем сегодняшнем положении не размахивать воинственно кулаками. Признать: да, мы потерпели, как страна, историческое поражение. Запросто потеряли миллионы соотечественников, сами впали в ужасное состояние 92-93-го годов. Какая это реформа, если результат её – презрение к труду и отвращение к нему, если труд стал позорным, а жульничество стало доблестным? "Аргументы и факты" сообщают, что у нас бедных и нищих – 63-65 процентов населения. Реформа дала свободу жуликам, дала свободу монополистам. Как можно было освобождать цены без конкурентной среды? Я хочу повысить цены – конкурент мне не даёт. А у нас монопольное производство, каждый – монополист и взвинчивает цены, как хочет. Обещали через месяц, два, через полгода всё исправить. Какое там! Монополисты сообразили в целях самозащиты, что проще свернуть производство, создавая дефицит, и тем цены задирать. Так получилось наше обнищание – резкое, страшное. Да что об этом говорить...

Я вполне разделяю страх за наших детей, за наше отрочество... Вполне разделяю слова тех, кто говорит, что у нас новый тип лжи. Семьдесят лет нам барабанили – кувалдой по мозгам. Газета "Правда" – каждая строчка её была кому-то приговор сегодня ночью. Газета "Правда" за 70 лет ни разу не сказала о народном страдании – ни разу! – и вдруг она теперь за страдальцев, за нищих людей, – оказывается, она только всегда и думала о них. Я бы посоветовал им выпустить один номер, где аршинными буквами объявить: "Я была негодяйкой, я лгала, я затемняла вам мозги, я вела вас в пропасть – но теперь я каюсь, я поняла, что я наделала. Вот теперь я буду чувствовать ваше горе, теперь я буду вас защищать". Вот если бы "Правда" такой номер опубликовала, то можно было бы ей верить и с ней разговаривать.

А отдельные люди? Почему у нас такая душная атмосфера? Потому что не было никакого нравственного очищения. Гитлеризм был 12 лет – всего 12 лет – и после этого началась серия процессов, идущая до сих пор. Сразу началось массовое разоблачение, денацификация. Они сами просили прощения, каялись в грехах. Они очистились, и, смотрите, – процветающая страна. А кто очистился у нас? Молотова и Кагановича докохали до почётной старости – палачей, они всё мемуары свои писали.

Сколько бывших палачей ещё и сегодня! Начальник режима моего лагеря, личный виновник нескольких смертей, в Белоруссии выступает как коммунист с протестами против "Архипелага ГУЛага". Кто раскаялся из палачей? Или кто раскаялся из сегодняшних жуликов? Из тех, кто сегодня даёт взятки чиновникам и обманом вывозит наши народные недра? По данным газет, от 12 до 20 миллиардов долларов в год уходит за границу. А тут Международный Валютный Фонд со скрипом даёт нам полтора миллиарда. В долг, всё в долг.

Мы не очистились, и наши дети видят дурной пример. Они видят: кто был негодяем, кто был враг окружающих, кто подавлял всех – тот не наказан, а то и процветает, – и значит, так можно жить? И кто сегодня ворует, из ничего создаёт деньги – так надо жить? Что у нас останется от семьи и нации?

...У входа тут видел плакат: "Господин Солженицын, как вы чувствуете себя в роли разрушителя отечества?" Отвечаю: разрушителями Отечества были Ленин и его компания, которые в 17-м году сказали – "штык в землю, офицеров бей и грабь награбленное". Вот коммунистическая идеология – она пала, она обречена была пасть, а может быть, и не обречена, – но я с ней боролся. А об Отечестве? – я всё время говорю о целостности его. Я с этого начал. Я не говорил – давайте разваливаться, я говорил – нас неизбежно ждёт развал, опомнитесь, давайте соединим три славянских республики и Казахстан, пока не поздно! – За-

чем же здесь бросать такие безответственные, демагогические обвинения?

В советские годы гнёта, под спудом, не могло не возникнуть множества самых разных идейных течений. Они ударяются в сумасшедшие крайности: то Россия должна быть в половину мира, предлагают идти к Индийскому океану, захватывать Польшу, Прибалтику, Балканы. Это карикатура на русский патриотизм, чтобы весь мир возненавидел его. То: в 17-м году нас по заговору загнали в эту яму. А нас в 17-й год загнали высшие генералы, великие князья, да цвет нашей интеллигенции радикальной. Ну и государь Николай II многое сделал тоже.

Это одна крайность. А другие талдычат: патриотизм – это позорное пятно, мы ни на что своё не способны, мы должны без оглядки – всё, всё, всё перенимать с Запада.

Вот ещё о том, что надо начинать сословное движение, а не партийное. Я сам многократно высказывался против деятельности партий, не только потому, что партия – это **часть**, и живёт за счёт других частей народа. Да у нас после коммунистического режима настоящие партии так и не создались – а просто кучка московских деятелей собирается и говорят: давайте у нас будет партия. И вот, скажем, Новосибирск должен выбирать их кандидата – а жить он будет в Москве, но защищать якобы только ваши интересы и думать только о Новосибирске. Я против этих партий – но что взамен? Говорят, сословное движение. Но если бы у нас были сословия! Их повыбили тоже.

Я предлагаю начать с самоорганизации, с простейших объединений – территориальных или для какого-то дела. Это будет демократия снизу – что-то делать у себя в посёлке, в районе, в области. И надо уметь выборы проводить. Вот я в Усть-Илимске с рабочими разговаривал они говорят: не боимся мы начальства! И действительно, резали при начальстве правду-матку вот так! Но потом сами же и говорят: ну, вот мы такие дураки, что как только доходит дело до голосования, так мы и голосуем за чёрт знает что.

Я и говорю: вот-вот, вы сами и сказали. У вас же были референдумы, можно было возразить, что вы недовольны реформой, вовремя. Местные выборы были – можно было выбрать местных людей, которым вы доверяете. А кто прошёл? А 50 процентов вообще не пришло голосовать. Сами себя наказываем. Если нам дали выборы, от которых власть отказаться не в силах, даже если бы захотела, – так голосуйте за достойных, не пропускайте голосование.

Тут вот говорили, что учёные чуть ли не поголовно все уезжают. А я сегодня беседовал в Институте ядерной физики с группой учёных и специально спрашивал об этом, – называли 10, 15 процентов уехавших, но не больше. Молодёжь уезжает, чтобы хоть как-то устроиться. Это больно. Наука наша пошатнулась, и это страшно, это в очень короткое время скажется в отставании нашей страны. Что-то, а науку, связанную с войной, – это большевики развивали великолепно. В этом, и ещё в жёсткой дипломатии по отношению к Западу – они были непревзойдённы. Насколько царская дипломатия была беспомощна, трухлява, любую войну проигрывала за дипломатическим столом, настолько большевики, не выиграв, – выигрывали. Дипломатия и война, а для войны – наука. А сейчас создаётся страшная ситуация. Наука в тяжёлом состоянии – а юношество, а школа, а крестьянство? Много у нас в прорыве. Вопрос – как устоять? В жизни каждого человека и каждой семьи это вопрос.

Не знаю, насколько нас хватит, сколько мы будем в этом кризисном состоянии, но призываю вас не ждать милости сверху, а делать всё, что в ваших силах на месте, внизу.

Я понимаю, что у нас бюрократия, что у нас эта самая номенклатура никуда не ушла. Кто всю жизнь проклинал капитализм – тот нырнул в банки, в акционерные общества. Потом – чиновники, которые берут взятки в огромном количестве. Жульё, которое торгует нашими недрами. И, конечно, прямо преступный мир, – всё это вместе составляет большую силу. Как у нас пойдёт историй, я сказать не бе-

русь, но я отдаю себе отчёт во всех этих огромных опасностях.

Говорят, Земский собор пора собирать. Милые мои, голубая мечта! Да ведь пока и местное самоуправление не можем устроить. Когда у нас честные люди будут в местном самоуправлении – в посёлках, в районах – тогда пойдёт дело. А Земский собор – где его соберём, на какие средства? Да вам на простые билеты, на железную дорогу денег не хватит.

Это пока мечта. Земский собор был в XVII веке. И Михаил его слушал: как собор говорил – царь поступал именно так. И так было до тех пор, пока тишайший Алексей Михайлович не завёл несчастную борьбу против старообрядчества. А с тех пор мы потеряли Земские соборы, и этого так просто не вернуть.

Да, конечно, приватизацию надо было начинать не так. А то наплодились советники, которые объясняют правительству, кому что отдать. Можно быть уверенным, что они это делают бескорыстно? Но кроме того, обвальная приватизация совершила много других бед. Есть заводы-гиганты, которые в нормальной экономике никуда не годятся, но есть и другие, успешно работающие на мировом рынке, – Усть-Илимский лесоперерабатывающий комплекс, Норильский комбинат. Их никак нельзя было приватизировать, да ещё растаскивать на куски.

А что достанется крестьянам? До революции 76 процентов пахотной земли было крестьянской. Большевики отняли всё. Так отдайте хоть часть назад! Я знаю, собираются сообщества детей, внуков раскулаченных, которые знают в лицо свои участки земли, – так отдайте наворованное! – с этого надо начинать.

Почему я встречаюсь с представителями власти? Я встречался здесь с депутатом Государственной Думы Владимиром Петровичем Лукиным, потом с представителем президента Анатолием Николаевичем Манохиным. В дру-

гих областях и с главами администраций. И я не вижу здесь ничего зазорного – я со всеми встречаюсь, хочу во всём разобратся сам. Нам не предстоит делать новую чистку, новую резню. И кто об этом мечтает – пусть лучше замолчит. Народ наш слишком обескровлен. Не пошли мы по лёгкому пути – пойдём по трудному, пойдём к медленному изживанию сегодняшней тяжёлой обстановки. И придётся иметь дело со всей правящей элитой, придётся с ней дело иметь, спорить, возражать. И не выбирать, кого вы не хотите. Это долгий процесс. Он и называется – демократический. История заставляет учиться демократии – мы ей не обучены, что делать.

Спрашивают: "Почему вас так боятся и фашисты и демократы?" Дело в том, что и "фашисты" (в кавычках), и "демократы" (в кавычках) заняли непримиримые, крайние, безумные позиции. Я не собираюсь ни к кому примыкать, ни к какой партии или группе. Я собираюсь говорить полную правду о России, как я её вижу, – до тех пор, пока мне глотку не заткнут, как уже затыкали раньше.

Меня уже КГБ убивало в 1971 – незаметным уколом рицинина. Волдыри по всему телу – я ничего не мог понять, два месяца не знал, жив буду или не жив. Но что-то не сработало, выжил, а потом болгарина Георгия Маркова таким ядовитым "зонтиком" убили в Лондоне. Теперь это всё уже опубликовано, все эти истории. А "мягкий" Косыгин, которого здесь вспоминали, – он, по стенограмме, на Политбюро советовал отправить меня в Верхоянск, чтоб я там уж и кончился.

Страна сейчас разорвана на части – экономически, культурно, информационно, а для отдельных семей – и физически. Да, я вижу этот разрыв частей страны. Не знаю вот: когда доеду до Москвы, сумею ли так, как здесь, объясниться или нет. Но пока удавалось.

ВЫСТУПЛЕНИЕ В РОСТОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

20 сентября 1994

Дорогие друзья! Вы, конечно, понимаете, что я сегодня особенно волнуюсь. На своём долгом пути через Сибирь и Среднюю Россию я перевидал много аудиторий, многочисленных и разного состава, но всё это было несравнимо с тем, что я переживаю сегодня, ибо в этом здании – к сожалению, обрубленном бомбой, мы потеряли зал несравненной красоты, – в этом здании я проучился пять лет, получил высшее образование: у меня очень много связано с каждым ростовским камнем, тем более с каждой аудиторией этого здания. Я так полагаю, что сегодня и в этой аудитории и там, где стоят в вестибюле, – меня слушают в основном студенты Ростовского университета, с которым я чувствую родственную связь, несмотря на разрыв в пятьдесят с лишним лет. Я кончил в год войны, за несколько дней до начала войны.

У каждого поколения своя духовная атмосфера. У каждого поколения своя судьба. Наше поколение росло в спартанской обстановке. Мы были лишены всего, начиная с одежды. Со мной был случай, простите за такую деталь, – однажды я сел на стул, на который пролили чернила, и так ещё два года в этих брюках проходил, потому что сменить было невозможно. Мы жили в спартанской обстановке, во всём. С другой стороны, это нас, может быть, удерживало от фальшивых порывов, от шатающихся мыслей и

направлений. Одновременно мы жили под страшным, хотя и не всем видимым Колесом. Колесо это – как раз я учился с 36-го по 41-й год, то есть и 37-й, 38-й год, – прошло тогда неумолимо через Ростов. А ещё раньше и хуже того оно прошло в 31-м: в 31-м году на улицах Ростова лежали мёртвые крестьяне. Умершие от голода крестьяне. Кубанский край был весь оцеплен, оцеплена была Украина, со всех сторон. Крестьян не выпускали из своих сёл. Они прорывались в надежде получить кусок хлеба и умирали на улицах города. Было и так: идёт – и вдруг падает. Потом 37-й год... Через нас катило это невидимое Колесо. Молодёжи становилось видимо тогда, когда начинали разоблачать, собирали комсомольское собрание, говорили: вот такой-то, вчерашний секретарь комсомольской организации физмата, – он оказался враг народа! И – такой-сякой, будь он проклят. Или вдруг преподаватели исчезали: один профессор, второй профессор, третий профессор. Но гораздо более было неслышного – я сам поражён. Я учился в университете с одной девочкой, Таней. Пять лет в одной группе, у нас были отдалённые родственные связи, мы были с ней в самых милых дружеских отношениях. Пять лет я с ней проучился. Прошло пятьдесят с чем-то лет, и я спрашиваю её теперь: а вот такую фотографию помнишь? Она сейчас, через пятьдесят лет, отвечает: как не помнить, через 20 дней после этого арестовали моего отца, ещё через два дня арестовали моего дядю, брата отца. И я, чтобы меня не выслали, семью бы не выслали, вышла замуж под защиту, и скрывала ото всех вас. С тех пор она три года училась с нами – мы сидели почти за соседними столами, мило разговаривали, улыбались, а её горе – природное, ужасное, семейное – она скрывала ото всех! Курс ничего не знал. Ни об аресте, ни о тайной женитьбе – ни о чём, вот так приходилось скрывать. Тогда было в обычае – отречение детей от родителей, отречение братьев от сестёр, доносы на соседей, – да что говорить, это была такая эпоха.

Но сказать, что бывают эпохи совсем благополучные, я бы остерёгся. Эпох совершенно благополучных не бы-

вает, а Тютчев даже уверял, что тот блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые. У вас эпоха – своя. И свои опасности, и свои соблазны. Для каждого юного организма, для каждого человека вашего возраста – эта эпоха неповторима. Она определяет вашу судьбу, вашу и многих, с кем вы связаны, и окружающих. И вот вам придётся в этой новой обстановке, в обстановке новых неожиданных трудностей, крутого поворота мировосприятия, мирознания, всех нравственных ценностей и потока – я прямо скажу – нравственного разврата и фальшивых соблазнов, которые на вас хлынут со всех сторон, – вам достанется в этой обстановке душевно, может быть, ещё труднее, чем было нам, в нашей спартанской. Но я хочу напомнить вам справедливую мысль, давно установленную: что судьба человека – это его характер, что не внешние обстоятельства – как говорили, "среда заела", – не внешние обстоятельства направляют человеческую жизнь, а направляет её характер человека. Ибо человек сам – иногда замечая, иногда не замечая – делает выбор и выборы, то мелкие, то крупные; мелкие выборы – несколько раз в день, вы даже не замечаете, что вы что-то выбрали, а на самом деле выбрали. Крупные выборы – вы над ними голову ломаете, советуется с кем-нибудь, мечетесь, как решить. И от выборов тех и других – решается ваша судьба. Я уверенно подтверждаю это, ибо мой опыт фронта и опыт лагерей показал, что хотя обстановка, царящая в лагерях, была жестокая, уничтожающая, но люди с твёрдым внутренним стержнем переставали и в ней и оказывались духовно сохранёнными.

Вам предстоит проявить свой характер и кроме того, вам, дорогие мои, предстоит проявить общественную активность, ибо, как никогда, как никогда за все минувшие десятилетия, сегодня судьба России в руках её граждан, зависит от активности её граждан. Вы ещё самые молодые из этого поколения, но за вами будущее. Только от активности вашей, не от апатичного ожидания, что что-то сверху спустится само, что-то произойдёт само, а от вашей повседневной активности будет зависеть ваша жизнь.

Это вступление не поймите как начало моей речи, нет. Я во всех моих общественных встречах, которые до сих пор проводил, их уже больше двух десятков, устанавливал порядок другой, который очень себя оправдал и который, собственно, наиболее интересен. У меня нет готовой речи, у меня нет готовой лекции, не ждите её от меня. Я пришёл больше слушать вас, чем говорить сам. Я прошу сейчас тех из вас, кто желал бы, выступить при помощи одного из микрофонов, выйти не стесняясь, и сказать, 4-5 минут, о чём вы хотите, что вас волнует. А мне исключительно интересно фиксировать ваши выступления, всех имён и фамилий я не успею записать, и не надо, но очень прошу, чтобы студент или студентка называли факультет, курс, – этого достаточно. Это уже немного объяснит, что-то скажет о человеке. Я просил бы вас высказаться о ваших сегодняшних настроениях; по каким соображениям вы избрали вашу нынешнюю специальность; о вашей вере или вашем неверии в нынешнее направление, по которому движется Россия; о том, как вы себе представляете приложение ваших усилий в будущем; и вообще любое конструктивное предложение, касающееся не только высших учебных заведений, не только вашего университета, но и вообще России, ибо никому не запрещено об этом думать. Всё, что вы хотите сказать, – пожалуйста, говорите, выступайте.

<Затем выступило 28 человек, преподаватели и студенты>

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО:

Огорчение первое, что мы собрались в такой тесноте, в такой духоте, и многие не могли к нам сюда попасть. Второе. Я сожалею, что у нас среди выступавших процент студентов был не так велик, хотя к концу поправилось. Я сожалею, потому что мне исключительно интересно вот в это племя "младое, незнакомое" заглянуть.

Поскольку выступали вразнобой, на совершенно разные темы, – я записывал, конечно, хаотично, на отдельном листике, на что отозваться. Поэтому, если мой ответ будет не систематичен, вы простите. Здесь много важнейших вопросов задела, и самого разного масштаба, и разного направления. Так и должно быть. В общем, так бывает на всякой встрече. У меня от выступлений нашей молодёжи впечатление в основном радостное.

Правильно говорили: главный наш кризис – не экономический. Хотя экономический кризис душит каждодневно каждую семью; ну не каждую, но не редкую. Главный наш кризис – духовный. Духовный кризис мы преодолеваем своим душевным развитием, развитием своей личности, влиянием на окружающих, восприятием от окружающих лучшего, а не худшего, что они могут нам дать.

Спрашивают робко некоторые в отчаянии: есть ли надежда на возрождение русской культуры? Да друзья мои, да русская культура никуда не ушла. Пережили, говорят, мы такую страшную войну. Ну, для вашего поколения естественно, что у вас такая мерка – пережили войну, да, пережили мы страшную войну, мы положили 31 миллион по теперешним официальным данным. Когда-то Сталин сказал: ну, у нас 7 миллионов потерь; Хрущёв отпустил – 20; я всегда говорил: до 30; и вот напечатали – 31. Ну, приняли эти цифры. Страшно, страшно. Но ведь кроме этого, по подсчётам наших статистиков, мы потеряли не меньше 50 миллионов от внутреннего уничтожения, причём уничтожения избирательного, селективного, это геноцид по выбору, это противоотбор. То есть в течение десятилетий вырывались и уничтожались самые умные, самые талантливые, самые инициативные, кто только проявлял какой-нибудь протест, или поиски справедливости, или свой ум, – его убирали. Не так, как косарь косит подряд – одна трава, другая трава, – нет, не подряд! – наш народ обезглавливали систематически, целенаправленно. А он – существует.

Много ли неожиданного для себя встретил я сейчас, в моих поездках по России? Мрачные обстоятельства сегодняшней российской жизни я вполне мог оценить и из Вермонта, через океан. Я последние годы напряжённо следил за всеми подробностями нашей жизни, какие выплывали как-нибудь в публичность. И в этом отношении моя поездка, длительная поездка по России не изменила моего понимания обстановки. Но масса встреч с живыми, деятельными, талантливыми людьми, очень часто в смятении, очень часто не находящими себе правильного общественного применения или личного, вот эти встречи были открытием, именно они убедили меня, что Россия всё ещё бесконечно богата людским потенциалом. И не надо этого отчаяния и уныния, которые вообще являются величайшими грехами, – "бесперспективность, всё погибло, всё погибло, мы не состоялись как нация", – ах, милые, ещё как состоялись! Мы показали это ещё в XVII веке, в нашу Смуту – поразительно. Цари наши и самозванцы рухнули, бояре разбежались, руководства не осталось, – а народ, народ одной своей инициативой, вопреки тому, что нас клеймят "нацией рабов", сам народ инициативой, городскими сходками, гонцами из места в место, начал собираться в силу. Наше великолепное Поморье, наш Север, Верхняя Волга – народ собрался сам в себе, прогнал оккупантов и воссоздал государство. И когда здесь говорят о непрояснённости нашей культуры, люди не знают того же Серебряного века, не знают одного, не знают другого – и, главное, не видят со стороны с каким значением и высотой массив русской культуры вдвинулся в культуру мировую, и останется в ней навеки, даже если русская нация вовсе исчезнет с Земли.

Но, действительно, наша инициатива подавлялась основательно в течение трёх столетий, а дальше начался кошмар: семьдесят лет нас не то что подавляли, – нас уничтожали. Это ленинская национальная политика – подавить русский, самый крупный, народ. Любимые выражения Ленина: "великорусская шваль", и – "я [он про себя] антипат-

риот". И сегодня спрашивают о патриотизме – правильно, о патриотизме надо спрашивать. Патриотизм, как я бы выразил, – это цельное и настойчивое чувство любви к своей родине и к своей нации, со служением ей не угодливым, не поддержкою несправедливых её притязаний, но откровенным в оценке её пороков и грехов. Вот это – патриотизм. И патриотизма нечего стыдиться. И патриотизма истинного у нас мало сейчас, он задавлен и осмеян. Ищут какую-нибудь кличку, что-нибудь позорное, чтоб никто слово "патриот" не смел вымолвить. А я вот говорю: я – патриот, и всю жизнь был, и патриотом умру.

Наше духовное состояние, конечно, связано и с нашей культурой, и с религией. Требуют от меня ответа: умерла ли русская литература? Скажу вам: я, студентом этого университета, самое моё в общем-то духовно холостое время, признаюсь, потому что я имел глупость, начиная с первого курса, увлечься диалектическим и историческим материализмом... Так вот, выхолостилась моя душа, и стала пустая, и в то время я упустил, упустил поток русской культуры, мне стыдно читать некоторые свои записки того времени, какой я был дурак. Но в двух вещах я и тогда не ошибся: к Сталину был непримирим всегда, от начала и до конца, лично к нему. И, во-вторых, я был непримирим ко всем казённым литераторам, ко всем тем, кто служит режиму. И я думал – Боже мой, а где же русская литература? Классики умерли, а где же она? где нынешние? А они жили всё время, и теперь мы смотрим – блистательные имена: Булгаков, Замятин, Ахматова, Цветаева, Пастернак, и ещё. Они жили, непрерывный шёл поток. Вы бы тогда спросили: а скажите, кто у нас сейчас литература? Не знаю, не слышал, вот Демьян Бедный, вот ещё кто-то, там кто-то услужает. Литература шла – и сейчас идёт. И сейчас она поднимется, дайте время.

Тут коснулись и издательского дела. В издательском деле ужасная обстановка сложилась. Воистину самоотверженные издатели – сегодня издают Пушкина. Пушкина дос-

тать нельзя! А кто деньги считает, тот Пушкина не издаёт, будьте уверены. Он смотрит, какой детектив, какую мерзость, какую порнографию. И только одна надежда, что захлебнётся такой рынок, да уже захлебнулся. Уже эта дрянь, как рвотное, идёт назад. Тогда и эти деятели наживы подумают – а может, надо чем-то другим заняться? а может, что-то более высокое издавать? Начнётся издательское дело наше, поднимется, и мы узнаем имена тех писателей, кого сегодня мы ещё не разглядели, не прочли.

Тут было в одном выступлении сказано: то ли развяжем узел, то ли разрубим. Упаси нас Бог разрубать. Хватит с нас разрубальщиков. Нет, надо развязать! На это нужен ум, талант, терпение. Да, да, мы вышли из коммунизма, или выходим, потому что он ещё во многих, – выходим, прямо скажу, самым нелепым, самым искривлённым, самым тяжёлым и неумным способом. Но – как пошли... Приходится мириться с тем, что сегодня есть. Одним не нравится состав культуры, другим не нравится состав власти, третьим не нравится состояние публичности, – всё верно, всё правда, и когда меня спрашивают, – сегодня меня не спросили, но почти на каждом собрании меня спрашивают, и в Америке меня спрашивали, – сегодня есть демократия в России или нет? – Я всем отвечал: **нет!** Демократия – это когда народ владеет своей судьбой, сам народ владеет своей судьбой. Как говорил наш великий либерал, – и не верьте другим определениям его, – Пётр Столыпин: для демократии нужен прежде всего гражданин, собственник. Возник у него как бы исторический спор с Михаилом Сперанским, почти в вековом отдалении. Сперанский говорил: сперва конституция, а потом освобождение крестьян; Столыпин говорил: нет, сперва создадим из крестьянина гражданина, с экономической независимостью, а потом будет и конституция, и свободы, всё будет. У нас – этого нет. Для того, чтоб была демократия, нужно в массах высокое правосознание, у нас его нет. А что ж у нас есть? А, скажем: **олигархия**, так.

Да, у нас, говорят, нет плюрализма, и критики особенно не раздаётся – правильно, правильно. Критики особенно не раздаётся, газеты не самостоятельны. Газеты многое пишут, и спасибо, что пишут много и правды. Если их читать, многое наберёшь. А где-то есть и граница. И сам я эту границу испытываю – не в том смысле, что я сам ограничиваюсь, не думайте, я нигде никогда, и в самые тяжкие времена, не ограничивался в свободе высказывания, но ощущаю, что меня могут ограничить в любой момент. И я к этому готов. Это может случиться. Так вот я говорю: мы **сами** создаём свой мир. Я всюду двигался и говорил: друзья, у вас областные выборы были? Уже были. Ну и что, сколько вас явилось? Где 20 процентов, где 30 процентов. Так вы сами себя наказали. Надо было на местные выборы идти, 90 процентов, 100, идти и голосовать за тех, кого вы видите, знаете, что он – честный, не себе в карман, не себе строить что-то, и мужественный перед начальством, не дрогнет. И умный – выбирайте их. Прохлопали местные выборы почти везде, ну что ж, надо следующих ждать. Будут местные выборы не только областных и городских властей, будут местные выборы и во многих учреждениях, и во многих организациях. Мы сами должны строить своё будущее, и не ждите указов! И вот этот студент-американец, здесь выступавший, – молодец, правильно сказал; может, он не знает наших русских обстоятельств, но он верно сказал: сами вставайте! У нас говорят: "издан новый пакет указов". Пакет указов! Вы подумайте: в одном указе разобраться – время надо, а их пакетами, пакетами, пакетами. Что можно из этого разобрать? Вот так идёт.

Здесь один студент очень правильно выразил: а как мы относимся к крестьянству? Он сам таджик, но он говорил и о таджикском крестьянстве, и о русском, о всяком крестьянстве. Спасибо, я благодарю его. Да, как мы относимся к крестьянству? Сегодня крестьянство грабят безжалостно. Мы отбиваем у них всякую охоту работать. Они молоко

продают за бесценок, а те, кто наживаются, берут за молоко это – в 3, в 4 раза дороже, за мясо – в 5, в 6 раз дороже. Фермеров душат, условия душат фермеров. Еле-еле создаются арендные звенья. Я рад, что здесь, в студенческой городской аудитории прозвучал такой голос. То есть нам осталось ещё немножко додушить наше крестьянство, ещё немножко додушить наше производство, мы это уже успешно делаем, снижаем по 20, по 30 процентов в год, – и тогда на иностранные товары цены пойдут в 10 раз выше. И мы скажем: позвольте, что такое, что случилось, куда делась реформа? А никуда, мы её всю прохлопали. Потому что реформу надо делать так, чтобы развивалось наше производство, наше крестьянство, чтоб мы сами себя кормили.

Спросили меня, как я оцениваю перспективу во времени. Это, друзья мои, самый тяжёлый вопрос. Я на это скажу вам не в числах, а только в условных фразах. Перспективы во времени зависят от множества обстоятельств. От поведения нашего народа; от поведения наших районных властей; от поведения наших областных властей; от поведения центральных властей, Государственной Думы, президентского аппарата, правительства; от нашей психологии, от нашего мировосприятия. От этого всего – зависит. И как мы выпутаемся из нынешнего – по-всякому может быть. Может быть чудесное продвижение. Может быть мучительный зигзагообразный длительный путь. Помните, что судьба наша, каждого человека, – в его руках, и судьба народа в его руках. Я боюсь судить о сроках, тем более, что – тут ещё никто сейчас из вас не назвал страшную нашу демографическую проблему. Сейчас у нас меньше пишут об этом, чем пишут о нас в Соединённых Штатах. В Соединённых Штатах приводят ужасающие цифры того, как у нас растёт смертность, как у нас падает рождаемость, как у нас растут больные дети от наследственного алкоголизма, недостаточно развитые. И сколько бывает проблем в деревенской школе. Ещё вот этот узел надо развязывать.

Надо забыть революции, забыть их, этих безумцев, которые говорят: а иначе мы ничего не добьёмся. Спасибо! Когда начались реформы александровские, революционеры говорили: нет, мы скорей, скорей хотим! стреляй, стреляй, скорей, нам некогда ждать реформ! Дострелялись. Позже, в начале XX века, начались столыпинские реформы. Столыпинские реформы враждебно сдавливали со всех сторон. Меня сегодня спросили, довольно наивный вопрос, чьи бы портреты я предложил бы здесь повесить. Ну, конечно, многих, многих наших учёных, конечно, не пропустить ни великого Ломоносова, дар нашего Поморья, ни Менделеева, ни, тут спросили, Лосева, других наших философов XX века, ни многих писателей, – конечно, вам стен не хватит разместить русских людей, которыми мы гордимся. Но если бы вы захотели где-то повесить портрет и государственного деятеля, я бы просил вас не пропустить Петра Аркадьевича Столыпина.

Я рад, что у многих выступавших здесь именно студентов – проявляется надежда на возможность преобразований. Я рад. Это и свойство молодого оптимизма, и вместе с тем живое чутьё, что мы можем и должны преодолеть наши нынешние соблазны и выйти в лучшую жизнь. Тут был и такой звук: о падении точных наук, и несколько студентов говорили, что непрестижно, неприбыльно, бросают. Да, всё это есть. И осуждать трудно. Кто скажет – малодушие, кто скажет – неизбежность. То же самое и о тех людях, которые покидают вот сейчас родину и уезжают в поисках лучших заработков. Не будем бросать в них камней, но и восхищения они не вызывают. Наука, особенно точная, испытала в эти кризисные годы самый большой удар. А сколько у нас было передовых изобретений! – множество! Вот, я побывал в новосибирском центре ядерной энергетики. И в томском кардиологическом институте, первого класса. Тяжело. Пережить это падение будет тяжело, и слава тем, кто сейчас идёт в науку не из расчёта, каков будет у него престиж, а из страсти к науке.

Кто хочет быть писателем?.. – Боже тебя упаси получать литературное образование и брать писательство специальностью. Погиб! Продашься и пойдёшь по продажной дороге. И действительно, многие так продались. Да может быть, литературное образование и полезно писателю, только не с него начинать. Потому что задавляет поток чужих примеров, поток правил, поток системы. Я это в юности сообразил и стал математиком. И не жалею: и математика дала мне возможность несколько раз остаться в живых. Благодаря математике меня взяли из лагеря, с общих работ лагеря, попал в так называемую шарашку, научно-исследовательский институт, и середину тюремных лет прожил, занимаясь наукой. Благодаря только математике я мог выжить в ссылке, потому что если бы я был учителем литературы, истории, никто бы меня до преподавания не допустил. А так как математиков нет, меня взяли, и я жил в районном центре и преподавал математику, физику, астрономию. Математика меня спасла много раз. Знаете, есть такая старая сказка. Что олень однажды подошёл к водопю, посмотрел на себя в спокойную воду и подумал: какие у меня красивые, изумительные рога – это моя гордость; и какие у меня слабые, жидкие ноги – это мой позор. И вдруг появились волки. И он бросился бежать, и эти ноги его спасали, спасали, но рогами он зацепился за ветки, и съели его волки. Так что не знаешь вперёд, что у тебя хорошо, а что плохо, на что можно положиться.

Ещё тут спросили о соотношении религий в нынешней России. Юридически все религии, по нынешним понятиям, равноправны. Но в русском народе и в русской истории православие занимает совершенно особое место, двойное. Историческое, ибо без православия не было бы нашего великого государства и нашего великого народа. И гносеологическое, ибо через православное мировосприятие пролегла вся наша культура и прошли наши мыслители. Вот эти два преимущества православия, надеюсь, переве-

сят то ужасающее состояние, до которого довёл большевизм наше православие.

Но я во всём выражаю веру – и в то, что возродится русский дух, и в то, что не умирала русская культура, и в то, что православие наше восстанет, хотя это очень трудно будет. И спрашивают меня, а как относится к вере передовая-передовая-передовая интеллигенция, из которых многих я называю образованщиной. Иные относятся с иронией, а иные серьёзно приобщаются, кто как. Это процесс долгий, как всякий духовный процесс, он не поверхностный, не наружный, он медленно проходит, дай Бог ему идти. Меня спросили, самого себя считаю ли я христианином. Да, конечно. Я воспитан был в православном духе, и держался в нём всю школу насквозь, и во время школы было так, что нашли крестик, заметили, что у меня крестик на шее, вырвали и хохотали, из пионерской организации исключили. Всё это было, а потом пришёл период затмения, я пять лет, повторяю, твердил диалектический и исторический материализм. А в тюрьме – вернулся к вере.

Спрашивают, покончил ли я со своим писательством. Я покончить с ним не могу, потому что оно у меня в крови. В каждом месте требуют от меня, чтобы я продолжал писать. Я и продолжаю. Главную литературную задачу свою – я выполнил, огромную. Над "Красным Колесом" я не разгибался 20 лет. "Архипелагом" я действительно убедил, осветил многим. До меня было тридцать книг о лагерях, и ничего, – Запад ухом не пошевелил, а "Архипелаг" повернул многих, и все поняли. Эту задачу я выполнил. Конечно, я продолжаю литературную работу. Я пишу маленькие рассказы. Но сейчас не могу, не мог спокойно сидеть там, в Вермонте, когда вижу, что столько бед у нас здесь. Я приехал в надежде как-нибудь в чём-то помочь. Может быть и сегодня вам принёс какую-то пользу. Я благодарю вас ещё и ещё раз.

ВЫСТУПЛЕНИЕ В САРАТОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

13 сентября 1995

За 20 лет, что я жил за границей, я напечатал 20 томов собрания сочинений, и они до России почти не дошли. У меня 3 тома публицистики, где затронуто множество вопросов исторических, публицистических, политических, нравственных, – всевозможных, языковых, вопросов искусства и культуры. Они здесь ещё не изданы, и их ещё почти никто не читал. Невольно я сейчас попадаю в такое положение, что должен снова и снова отвечать на вопросы, о которых я писал 20, 15 и 10 лет назад. Или вот совсем недавно, только что, выступал по телевидению, подробно говорил, – но одни слышали выступления, а другие не слышали. У нас сейчас разорвано культурное пространство. Мы сейчас ещё держимся как общая одна страна, но культурное пространство у нас уже разорвано. И поэтому книги не идут, журналы не идут, сведения не доходят, – это всё очень усложняет дело.

Один из важнейших, по-моему, вопросов, который здесь поднимали, – о том, что нам надо знать историю, по-настоящему знать, и особенно – историю своей родины. Должен сказать, что я с величайшим огорчением обнаружил: наш народ сейчас, и вплоть до высшей московской интеллигенции, почти сплошь, – истории своей не знает. Были избранные темы, которые последние 70 лет можно было сколько угодно изучать, знать, например эпоху Пушкина и декабристов. Ну сколько угодно! Здесь вы увидите книг –

тома, тома, десятки, целые полки, – это было разрешено. А переход из XIX века в XX и начало XX века – как съела жаба какая-то, не знают! Я занимался как раз Двадцатым веком, двадцать лет занимался исключительно истоками и историей российской революции и роковыми месяцами 1917 года, и смею заявить: у нас никто, почти никто, редкие единицы знают историю 17-го года – месяц за месяцем, неделя за неделей. А между тем, эти месяцы решили судьбу России и мира. Не знают. Я уж не говорю о древней нашей истории. Вот эту протяжённость нужно всё время иметь в виду, все 1100 лет, независимо от того, историки или не историки, кто бы вы ни были. Правильно, тут верно говорили: если мы не будем знать нашей истории, ничего мы не поймём в нашем настоящем и будущем. И я сейчас, историк я или не историк, но каждое явление, которое вижу в современности, я понимаю только в контексте всего исторического процесса. Иначе оно для меня не имеет самостоятельного смысла.

Ещё, в последнее время, я написал статью "Русский вопрос к концу XX века" – она уже больше года как опубликована в России, но благодаря нынешней культурной разобщённости страны мало достигла читателя. Там сделан и краткий обзор русской истории за четыре столетия – но только в узком аспекте, лишь в двух отношениях: каковы были внутренние силы нашего народа и как романовская династия использовала народные усилия, как безумно тратили народные усилия на ненужные России цели. Столетие за столетием. Мы устали уже к концу XVII столетия – дайте отдышаться народу! Нет, Пётр, Анна, Елизавета, Екатерина, – мы участвуем в европейский играх! Мы ещё больше устали к концу XVIII столетия – нет, мы продолжаем участвовать в европейских играх. И весь XIX век всё то же, и японская война, и всё нам нужно было везде. И вы не думайте, что Россия всё время завоёвывала, – нет, ещё глупей. То есть, конечно, и завоёвывать глупо то, что не надо, но ещё глупей просто так участвовать в иностранных играх. Английский король очень хочет сохранить своё

княжество Ганновер в центре Европы. Какое наше дело? А 30 тысяч несчастных наших пехотинцев топают через всю Европу выручать английского короля, чтобы у него на континенте было своё княжество. И таких примеров много. Там вы прочтёте, это всё ужасно.

Вот и Столыпина здесь сегодня коснулись. Столыпин имел отношение к Саратову, и Саратов к Столыпину. Я им очень много занимался. Почему я стал писать о Столыпине? Потому что это один из самых оболганных и в то же время – один из величайших государственных деятелей России, и несомненно самый великий наш государственный деятель в XX веке. Это был истинный либерал, он хотел всего достигать эволюционно. Его проклинали и справа и слева, и уничтожили встречным непризнанием справа и слева. Он произвёл величайшую реформу для крестьян. А просвещённая Государственная Дума три года – три года! – держала его реформу, душила, не пропускала. Столыпин при жизни подвергался ненависти и травле с обеих сторон. Дворцовые круги и консервативные его ненавидели, и демократические, радикальные ещё больше ненавидели. Правые придворные круги наущничали царю: снимай Столыпина; и наконец террорист, воспитанный в революционном духе, взялся и убил его. И после этого на похороны Столыпина приехать – считалось постыдным, или по крайней мере неприличным. А когда произошла великая, превеликая Февральская революция, которая определила всё наше падение дальнейшее, от чего всё покатилося, – то первое действие, совершённое в Киеве, было – свалить памятник Столыпину. А когда я лет пятнадцать назад начал активно печатать материалы о Столыпине, восстанавливать его имя, то на Западе переполох поднялся: "реакционная сила, душитель, столыпинский галстук", русский народ, мол, говорил: "столыпинский галстук". Да русский народ и слова "галстук" не знал, врать не надо. Это изобрёл кадет Родичев, депутат Государственной Думы, он был залиvistый элоквент, он выскочил на трибуну и произнёс "столыпинский галстук", показывая рукой петлю на шее. А Столыпин тут же, в пе-

рерыве заседаний, прислал ему своих секундантов и предложил дуэль. Родичев струсил и принёс извинения. Вот и весь эпизод. И народ никогда не говорил "столыпинский галстук", это пропагандисты революционные так втолакивали 50 лет потом. А Столыпин сумел за 6 месяцев Россию из полного хаоса вывести прямо к развитию, к лучшему развитию, ибо с 1906-07 по 1914 – это вершинное развитие России, вообще когда-либо. Как мы преуспевали в сельском хозяйстве, в промышленности, в общественном отношении, в чём угодно. Только сегодня Столыпин вдруг стал расхожим объектом признания: да, Столыпин величайший русский деятель XX века. Так оно и есть. И если у вас поставят памятник Столыпину или улицу назовут его именем – я буду чрезвычайно и много рад.

Тут говорили – мы не готовы к свободе. Вот потому-то, друзья мои, и не готовы, что мы истории своей не знаем. Характер всякого народа меняется от эпохи, от обстоятельств социальных, географических и других. Так и характер русского народа – он менялся. И в Смуту мы были другим народом, в Смуту XVII века. Мы были чрезвычайно самостоятельным, инициативным народом. И когда у нас пережегались самозванцы, бояре сбежали – кто к самозванцам, кто к полякам, царей не осталось, поляки пришли, заняли Москву, Россия была абсолютно обезглавлена, и по ней шёл хаос и разбой, – в России нашлись оздоравливающие, самоспасительные силы. В это время отдельные посёлки, отдельные маленькие городишки стали слать гонцов друг к другу, сносились, объединялись, начали создавать движение спасения России, создали ополчение, нашли для него деньги, нашли полководца, тут было наше Поморье – самая свободная часть России, гордость наша, не случайно Ломоносов оттуда. И освободили Россию, и установили настоящее крепкое государство. Мы сделали это сами. В это время и первые цари наши – Михаил Фёдорович, Алексей Михайлович – о-о-о, как они считались с Земскими соборами. Земские соборы влияли, влияли решительно на всю государственную политику. И когда Земский собор предлагал реше-

ние – часто единогласное – царь не имел права его не принять. Просто принимал и всё. А если было два-три мнения – два-три, а не 250, как у нас сейчас партий, – то царь выбирал из них и аргументировал, почему он выбрал это, а не другое решение. Вот такова была наша Россия. А дальше начался петербургский период, в который, с горечью надо признать, подавлялась инициатива народа и безумно истрачивалась его сила – на безнадобные цели. Вы думаете – на завоевания? Нет, на завоевания меньше всего. Да Сибирь мы взяли одним богатырским движением, там война была только с татарским царством на Иртыше, а потом и войны не было. Шло могучее – не так, как громили и сжигали индейцев в Америке, – могучее освоение Сибири, и Аляски, и северной Калифорнии, и всё это за одно столетие. И почитайте историю Сибири, даже советскую, 5-томную, почитайте, какие, уже к концу XVIII века, были в Сибири учебные заведения, какие направления развивались, как учили людей. Гигантские, гигантские подвиги.

Да, конечно, мы вели и излишние завоевания, ясно. Мы же считали, что не можем покинуть без помощи христианские народы, где-либо на земле. Если Грузия, Армения просят помощи – идём! Грузинский царь у Бориса Годунова просил помощи. Боже мой, Борису Годунову в тот момент только этим заниматься. Послал отряд, под Дербентом его разбили. Но всегда мы знали: Грузию мы должны спасать, Армению мы должны спасать. И действительно, пошли на помощь, подвели войска, спасли их от мусульманского нашествия. Это поставило нас в необходимость потом вести 50-летнюю Кавказскую войну, которую мы могли бы не вести, и обойтись без Кавказского Хребта, а казачьи линии шутя держали бы горские набег, – но нет, мы взялись, мы взялись всё тянуть на себе.

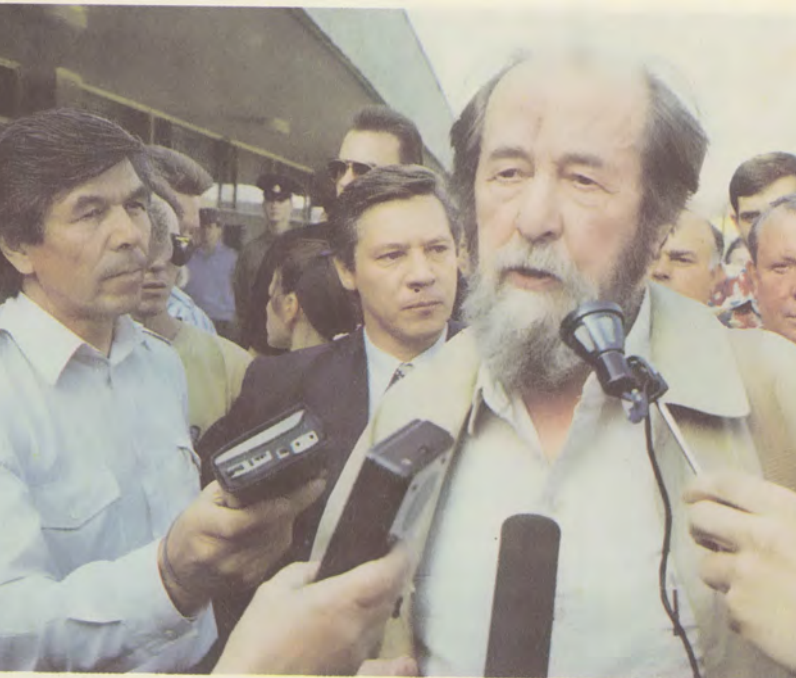
А после трёх столетий петербургского периода у нас был кошмарный 70-летний период, советский. Большевики уничтожали народ не просто, как косят траву, подряд, кого попало, – нет, выбирали самых умных, самых инициативных, кто язык развяжет, кто протестует, кто ищет справедли-

вости, кто умён, – вот этих выбирали. Сознательно уничтожали лучших. И нужно сказать – величайшее чудо сегодняшнего дня, обнаруженное мною реально, когда я после 20 лет изгнания встал на Владивостокскую землю и потом ехал до Москвы, а потом опять, до Кавказского Хребта и по областям Средней России, – величайшее чудо, что несмотря на всеуничтожения русского этнического материала, он остался. Сколько людей, молодых или среднего возраста, – умных, инициативных, талантливых, ищущих применения. Часто им руки отбивают – администрация, или обстоятельства, или нужда. Но этот материал человеческий – есть, и он-то один и внушает нам надежду, что мы – не погибший народ, что мы встанем и выпрямимся, если найдём правильные пути для этого.

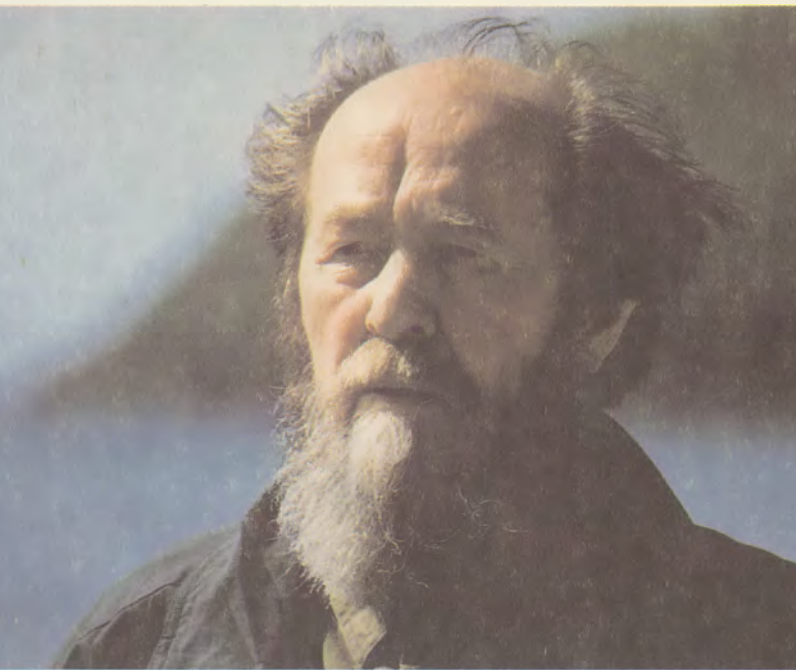
Да, мы к свободе, конечно, не привыкли, и за 300 лет петербургского периода, и за 70 лет советского. К свободе трудно привыкать. И трудно понимать друг друга: после десятилетий принудительного единомыслия оказалось, что мысли наши разбрелись на 77 дорог, мы как будто уже не соотечественники, не люди одной страны, мы все говорим разное. И нам нужно искать общения, все виды общений, чтобы друг друга убеждать, а не механическим голосованием давить.

Это механическое голосование, которое мы заимствовали у Запада, – оно у нас сколько-то просуществует, однако это не общерусская, не древнерусская манера, вот земство как раз не им руководилось. Механическое голосование – это количественное голосование. Не вам, студентам университета, говорить, как различаются в ранге количество и качество. Количественное голосование: каждому один голос. Умудрённый жизненным опытом старик – и абсолютный сопляк; человек высокой квалификации – и юнец, который ещё ни к чему не приложил руки; человек честный, добросовестный – и последний жулик, – каждый имеет один голос. И так мы это приняли, и в нашем уродливом парламентаризме это есть, и будет пока существовать, и неизбежно сегодня с этим считаться.

Тут меня упрекали, что я разрушал двуполосный мир. Я согласен этот упрёк принять: в том смысле разрушал, что, находясь в СССР, не боялся, когда головы секли, говорить о коммунизме всё, что я думал. А когда меня выслали на Запад, то, не боясь того, что нахожусь на американской земле, на их земле, я говорил всё, что думал – о западной жизни, об Америке. И там находились такие, что писали жирными заголовками: пошёл вон, если тебе не нравится наша страна! убирайся в СССР! Да, я разрушал двуполосный мир. Но он и не должен быть двуполосным. Он должен быть многополосным. Он имеет право на высокое и объёмное многообразие. Вот эти разговоры: "правое", "левое", – я их не принимаю, я просто вообще не понимаю, "правое-левое", в нашей стране даже запутались теперь, кто правый, кто левый; вот за это время переменялось: кто были "правые" – они уже "левые", и наоборот. Это всё – в плоскости, а надо мыслить в трёхмерном, четырёхмерном измерении.

О реабилитированных. Здесь выступало сегодня несколько человек, в прошлом репрессированных, говорили они на разном уровне, некоторые только о себе, другие об общей проблеме. Ну, что сказать... У нас закон о реабилитации, как большинство законов, – на бумаге. В иных случаях, чтобы получить компенсацию, нужно иметь семь пядей во лбу или невероятное, сказочное везение. Например, если ты был раскулачен, докажи, что у тебя была действительно отобрана хата 65 лет назад и две коровы, вот справку принеси, найди такую справку сейчас. А если сослали крестьянина, и с ним сына семилетнего и девочку пятилетнюю, вся жизнь их искорёжена, отец умер давно, а им теперь говорят: да, вы пострадавшие, но косвенно, не того порядка, не вас же сослали. – Да как не сослали, нас с родителями и сослали, мы ещё дольшую, ещё худшую жизнь провели! – Справку, справку, справку... Ждут, чтобы все репрессированные вымерли, и никому бы ничего не платить. Не лучше дело обстоит и с бывшими зэками. Что у

тебя инвалидность получена на лагерном производстве – принеси справку из лагерной больницы, которая не существует уже 30 лет.

Всё это, да, перекликается с вопросом о покаянии или раскаянии. Да, ещё в 74-м году, 21 год назад, в самиздатском сборнике "Из-под глыб", в статье "Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни" я призывал, писал, что по-настоящему нация может очиститься, очистить душу свою через раскаяние. А – есть национальная душа. И мы несём груз предков, и свой груз передаём потомкам, это не просто личная ответственность.

А дальше наступил у нас светлый век гласности, и я продолжал призывать к покаянию, к раскаянию,— и было кого. Были, и сейчас всё ещё есть – прямые палачи, кто расстреливал, – и ничего, живут на персональных пенсиях; и те, кто были просто тюремщиками; и те, кто доносили; и те, кто просто голосовали на парткомах за несправедливые решения, – множество таких. Кто из них покался? Приехал ко мне Говорухин в Вермонт, брать интервью. Я говорю: пока не будет покаяния – не очистится атмосфера в нашей стране. Он рассмеялся мне в лицо: да не будет никогда! И оказался прав. Нет, не будет. Ну что ж. Могу только сказать – в 1991 году был момент, в конце августа, когда могло начаться наше оздоровительное движение. Но тут же выкрикнули лозунг: "не надо охоты на ведьм!" Первые наши радикал-демократы кричали: "только не охота на ведьм!" Ну, не надо. Так ведьмы укрепились – и пошли снова на нас. И мы живём в атмосфере смрадной, мы взяли с собой всех нераскаявшихся и понесём их до смерти в нашей среде, и многих на высоких постах, и так будет удлинён наш путь, в нравственном отношении на 20-30-40 лет, и никуда не денешься. Да, покаяние нужно, и именно личное. Хотя в аппарате насилия участвовало, скажем, 10 процентов, но из остальных 90 процентов – сколько проходили мимо, видя несправедливость, видя, как топчут людей, и молчали, чтоб только сохранить себя и свою семью. Их не

обвинишь, но сказать, что у них чиста душа, тоже не скажешь. А у кого-то – и чиста.

Сейчас на встречах, я слышу, говорят: какой был рай, вот раньше все 70 лет был рай. Я спрашиваю, сколько вам лет? Выясняется: 50, 45 или 40. А я – со середины 20-х годов помню всё. Я помню неповторимую – уже жестокую – атмосферу середины 20-х годов. Я помню кошмарное начало 30-х годов, которое казалось смертью мироздания, обвалом нормального мировосприятия. Рушились все представления о человеческих отношениях. Вот тогда – 15 миллионов выселяли лучших крестьян, кормильцев, хлеборобов, бросали на телеги в мороз двухлетних, трёхлетних младенцев с семьями и высылали. И мне кричат из аудитории: то было время войны! Когда, говорю, войны? в 30-м году? Ошатели. Вот так мне ответили: "то было время войны"! На войну списали. А – после войны? А в 48-м году? Кто из вас слышал – я спрашивал во всех аудиториях – кто из вас слышал о секретном указе Сталина в 1948 году: женщин, ибо мужчин не осталось в колхозах, женщин, не выполняющих норму трудодней, ссылать в Сибирь! Никто не слышал. Правильно, мы его опубликовали только два года назад в нашей серии "Исследования новейшей русской истории" (в сборнике документов "Крестьянство и государство"). Никто не слышал и никто не знает. Была замечательная райская жизнь.

Спрашивают, как я отношусь к сегодняшним властям. Кто слышал мои выступления систематические по телевидению – знают: похвальных слов от меня ни сегодняшние властители, ни обстановка не получили, как не получали и прошлые. Три дня назад в Самаре на телевидении была передача: я отвечал на телефонные вопросы зрителей. Меня спрашивают: ну вот придут коммунисты к власти, как вы будете себя вести? А я говорю: а так же. Вот как я вёл себя до изгнания, при коммунистах, как я вёл себя сейчас, после возвращения, так пойду и дальше. Буду говорить то, что думаю, что мне кажется полезным для страны, – пока

мне рот не заткнут, пока передачи мои не удушили. Я в них говорю большей частью и в основном – о наших пороках, о беззаконии, о промахах, о несправедливостях. И предлагаю ряд конструктивных путей. Что делать с землёй, с образованием, с профсоюзами, как исправлять избирательную систему, как развивать земство, народное самоуправление, – вот это всё нам нужное.

Тут записка, спрашивают: по "Архипелагу ГУЛагу", если бы вас в архивы допустили? Ах, да, если бы допустили. Архивы чуть-чуть приоткрыли в 1991 году, испугались, – и тут же прикрыли. Всё, конец! нету! И дальше, что ни спросишь – "сожжено за отсутствием исторического интереса", – понимаете, сожжено. Архивов так быстро не откроют. Для этого нужны очень большие, глубокие общественные изменения. Я просил показать мне 50 томов моего дела, – как за мной следили в течение многих лет, – "сожжено за отсутствием исторического интереса", вот так.

Когда спрашивают, что же молодёжь наша может делать, скажу: молодёжь должна быть в первых рядах установления народного самоуправления. По 12-й статье нашей конституции – статья существует уже 2 года и не действует – народное самоуправление **гарантировано**, и оно не входит в систему государственного управления, так написано. Я сейчас езжу, главным образом, по тем областям, где есть опыт земства, или начала земского движения. Нынешняя наша система выборов – это всё та же количественная система, и она не помогает выстроить народное самоуправление. Народное самоуправление в России строилось по *качественному* признаку и называлось земством, это слово существует уже шесть веков. Земство действовало ещё до Иоанна Грозного. Потом оно работало, и совсем неплохо, в александровское время. Кто-то из историков здесь упомянул, что земство имело недостатки, – правильно, и бывало на него административное давление, правильно. А надо стремиться, чтобы земство было абсолютно внеполитично, внепартийно и вненационально. Это – самоуправление всего

населения данной местности. То есть каждый, к какой бы нации ни принадлежал и каких бы убеждений ни придерживался, входит в земство ради блага своей местности, ради повышения качества жизни, и работает в нём, но ни в коем случае не как представитель своей партии; он может быть и оставаться – это его частное дело – членом своей партии, но партийных целей в земство не вносить. И в наше александровское земство не вносились партийные дрызги до самой роковой войны 1914 года. Так вот, земство строится по качественному признаку, это значит так: на низшем уровне, вот например в Самарской области, выбрано больше тысячи сельских старост. Сельские старосты выбираются количественным голосованием, потому что в сёлах единообразное население. Волостные правления (волости – это сельсоветские округа) тоже могут выбираться так, на волостных собраниях. Но уже в районе так выбирать нельзя. В районах, и в малых городах, и в частях больших городов нам надо научиться, продолжая русскую традицию и воспитывая себя, – как создавать представительства по *качественному* признаку, то есть чтобы представлены были все социальные группы и все профессиональные интересы, существующие в данном районе, в данной местности, – учителя, инженеры, железнодорожники, чиновники, рабочие, врачи, пенсионеры, – и представлены были бы не формальной пропорциональностью своей численности, не прямым количеством голосов, нет, не так, – а сложным учётом интересов каждой группы и вклада её в строительство местной жизни, так чтобы никто не был обижен несправедливо. Так и в самом земстве выборные должны приходиться к решениям не арифметическим подавлением друг друга, а взаимным убеждением. Земство будет строиться долго, долго, и упаси нас Бог возлагать на него политические задачи – тогда оно просто станет ещё одной партией, а у нас сегодня, по последним данным, – уже 250 партий. Это партиболтуны, это партии, не имеющие никаких корней в нашей истории, никаких корней в провинции, созданные на московских кухнях и уже выторговавшие себе 50% мест в Госу-

дарственной Думе. Это обман народа, это несправедливость, потому что если кто-то вскочил в партию – он сразу имеет преимущество на выборах перед простым кандидатом, преимущество ничем не оправданное и никаких благ избирателям не несущее.

Спрашивают – кому будет принадлежать XXI век? XXI век не надо рисовать благополучным. Когда кончался XIX, начинался XX – все думали: XX век будет век великого расцвета. Вы видите, какой он был, XX, – волчий век. XXI – может оказаться не слаще. На Западе изобилие, да, всё великолепно, всё достигнуто. Запад процветает – да, материально. Но души, души людей опустошаются и изнеживаются. А XXI век – будет век страшного конфликта между так называемым Третьим Миром, большинством человечества, и так называемой белой расой. Будут тяжёлые события. Это всех коснётся, и если мы не достигнем роста души, без крепости и чистоты души – мы все, человечество, погибнем.

И здесь, у нас, я возвращаюсь к тому, с чего началась сегодня беседа: что без духовного целения ран – невозможно и экономическое выздоровление, ибо без духовного очищения мы будем просто волки, волки, перегрызающие друг другу горло.

О Церкви здесь много говорили критического. Повторю: а назовите хоть одно явление в нашей стране, которое было бы сегодня не изуродовано. Как Церкви не быть изуродованной после 70 лет? Напротив, надо удивляться, что в ней сохранились здоровые силы, и среди мирян, и на разных ступенях иерархии. И в Церкви нашей есть подвижники, есть люди, из последних сил восстанавливающие храмы, и вновь заселяются монастыри, – это ли не движение? Конечно, всюду есть недостойные, а где их нет? Всюду есть. Да, видеть их в Церкви – больнее всего. Но мы избрали себе самый тяжкий, самый кривой, самый мучительный путь – не очистившись духовно, продвигаться в будущее. Мы его избрали, по нему и пойдём.

О моём отношении к религии вообще? – Будучи православным и, шире говоря, христианином, я считаю религию высшим духовным даром, который может быть дан человеку. И только по несчастным обстоятельствам, искажённой эпохе, искажённой жизни – люди иногда лишаются религии, теряют эту высшую связь. А религия – само слово – **связь**, связь с Высшим, с Вышним. Я глубоко сочувствую тем, кто эту связь потерял. Конечно, это совсем не значит, что атеист обязательно безнравственен. Есть атеисты высоконравственные – по душевным свойствам своим, по своему душевному строю. Атеист может быть и просто праведником. И всё-таки высший свет – отсутствует для него. Но нам сегодня больше-то всего нужно подняться сперва на нравственный уровень, а потом на религиозный.

Спрашивают: "Откуда вы черпали жизненные силы, какая вера вела вас по жизни?" Я верил в то, что я служу России. И: что я делаю – поможет русской истории. И это давало мне постоянный заряд. Ещё и – любовь к литературе. Это давало мне пружину, постоянную пружину, которая меня двигала. Мне не нужно было никогда, я не помню случая за все годы моей жизни, за все 76 лет, чтобы я себя принуждал к работе, которую делаю. Мне принуждения не надо, и я не нуждаюсь в отдыхе. Просто всегда работаю, постоянно. Я думаю, что в этом и сила.

**РЕЧЬ
В
ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ДУМЕ**

28 октября 1994

Уважаемые депутаты Государственной Думы!

По роду моей работы за много лет я прочёл почти сплошь все стенограммы четырёх дореволюционных Государственных Дум. Мне пришлось узнать: и безудержную конфликтность с властями 1-й и 2-й Дум, неработоспособных; и хорошо работоспособную 3-ю Думу, которая, однако, три года тормозила целительные земельные столыпинские реформы; и двойственную роль 4-й Думы: с одной стороны – работоспособной, а с другой стороны – задавшейся вздорной мыслью свергнуть верховную власть в стране во время войны, из расчёта, что после войны это не удастся. И эта победа ей удалась. Но, по историческому возмездию или исторической иронии, сама 4-я Дума в тот самый день, вместе с падением верховной власти, кончила своё существование и больше никому не была нужна ни одного дня.

Весь этот парламентский опыт российский не слишком вдохновляет нас и являет нам суровое предупреждение на будущее. Я рассматриваю вас сегодня как 5-ю Государственную Думу, на продлении той же линии развития. Я сознаю свою ответственность выступать сегодня перед вами здесь. Но ещё большая ответственность лежит на вас – перед народом страдающим и ожидающим.

НАРОД

Проехав много российских областей, через сотни встреч и потом через тысячи писем внагонку, я вынес ощущение, что наша народная масса обескуражена, что она

ошеломлена, в шоке от унижения и от стыда за своё бессилие; в ней нет убеждения, что происходящие реформы и политика правительства действительно ведутся в её интересах. Людей низов практически выключили из жизни. Всё, что делается в стране, происходит помимо них. У них остался небогатый выбор: или влачить нищенское и покорное существование, или искать пути незаконных ремёсел, как обманывать государство или друг друга.

Статистика сегодня приносит нам известия, что у нас увеличилось число самоубийств и именно среднего мужского возраста, то есть кормильцев. А что говорить тогда о шаткости подрастающего поколения?

Статистика говорит, что у нас сегодня – и все это знают уже в мире – смертность превзошла рождаемость. То есть мы начали **вымирать**. Сегодня рождение ребёнка в России уже рассматривается почти как подвиг.

А кто не в отчаянии – конечно, есть и такие – те в апатии, в безразличии ко всей этой "московской политике", ко всем "московским партиям".

КАК МЫ ВЫХОДИМ ИЗ КОММУНИЗМА

Может быть, нам неизбежно было выйти такими после 70-летнего духовного вымаривания нас. В тюремных камерах 1945-46 года мы, ровесники революции, и люди старше нас ломали головы. Нам было уже тогда понятно, что коммунизм обречён. Но и тогда было понятно, что выход из него будет болезненный. Мы ломали головы, как выходить из коммунистического строя наименее болезненным путём.

Увы, сегодня надо признать: мы выходим из коммунизма самым искривлённым, самым болезненным, самым нелепым путём.

Изо всех моих встреч я вынес впечатление, что центральные органы власти, исполнительной и законодательной, имеют слабую связь с болями страны, что они вот это состояние народа не впускают в свой замкнутый эллипсоид

власти. Поразишься этому. Очевидно, здесь слишком толстые стены?

Мне по всему моему пути говорили, требовали, убеждали, умоляли: выскажите! выскажите в Государственной Думе, скажите Президенту, что накопилось, что накипело в душе простого человека!

Да мы все хорошо знаем наши беды и наши язвы:

– и сокрушительное падение производства, промышленного и сельскохозяйственного;

– и разгул чужой валюты по нашей стране – какая дикость! Совсем недавно объявили, справедливо, национальной катастрофой недавнее крутое падение рубля. Но, простите, национальная катастрофа с рублём произошла гораздо раньше, давно произошла, – тогда, когда рубль стал равен центу. Вот тогда надо было говорить, что "национальная катастрофа", – и спохватываться;

– мы все знаем, что план происходящих экономических реформ никогда не был объявлен. Почему? Или его нет, тогда это авантюра. Или он есть, тогда почему его скрывают?

– мы все знаем, что цены освобождены в угоду монополистам;

– мы знаем, что ни по какому ваучеру ни один гражданин не получил и отдалённо своей доли в национальном достоянии. Нам известны из прессы – то там, то здесь – скандальные случаи приватизации за бесценок: кто-то взял почти бесплатно, а государство не получило ничего;

– ещё более мы знаем, потому что это охватило половину страны, что государство ограбило 70 миллионов вкладчиков – самых добросовестных, самых лояльных, самых доверчивых своих граждан, дало жестокий урок: никогда не верь государству и никогда не работай честно!

– и мы знаем, как катастрофически падает наша передовая и блистательная наука, как падает наше образование, как падает медицина;

– как миллиарды долларов в год разграбляются из страны и куда-то увозятся;

– и как по стране свободно шествует Преступность с большой буквы. Третий год мы слышим и от правительства, и от президентской команды, и от так называемой "непримиримой оппозиции" одно и то же: "Борьба с преступностью!", "Борьба с преступностью!", конференции по борьбе с преступностью, указы по борьбе с преступностью, законы по борьбе с преступностью!..

Скажите, где открытые суды? Где грозные приговоры? Можете вы назвать? Слышали вы их? И нет уголовных законов, соответствующих этой невиданной криминальной ситуации, которая сегодня пугает уже и Америку и Германию, – она уже и туда хлестнула. Нет нового Уголовного кодекса, нет Уголовно-процессуального кодекса – может быть, потому что у Государственной Думы нет времени? А Столыпин в 1906 году вот такой же начинавшийся хаос, вот такой же вихрь безумной преступности остановил в пять месяцев...

ГОСУДАРСТВО И ПРОСТЫЕ ГРАЖДАНЕ

Наши законы, увы, не определяют обязанностей государства. Государство – это первый невыполнитель всех обязательств. И это вызывает хаос. Государственные структуры и чиновники не отвечают перед простым гражданином – это беспределность начальствования. Мы сейчас – на переходе, кажется, к демократии – увеличили нашу бюрократию вдвое и втрое. А она сама сверху вниз наращивает себе кадры.

Скажите, кто сегодня занимается контролем расширения штатов? Скажите, где сегодня соблюдаются конкурсные условия для занятия должностей? Ничего подобного! Как скажет очередной начальник...

А немало чиновников и немало администраторов позволяют себе также коммерческую деятельность, что вообще немислимо нигде на Западе, а только у нас. Я напому: 4 апреля 1992 года был указ Президента о борьбе с корруп-

цией в государственной службе. Прошло два с половиной года. Скажите, какой абзац из этого указа – единственный абзац из этого указа – приведен в действие? За два с половиной года?

Судебная власть, прокуратура, следственные органы, правоохранительные – меньше всего затронуты реформами. То и дело мы слышим, из каких-то мест до нас доносится:

– там суды по-прежнему, по-советски зависят от администрации;

– в другом месте ведут незаконное следствие – едва ли не с пытками, чтобы вынудить ложные показания;

– о состоянии мест заключения. Вы читали об этом в газетах достаточно.

Я получаю писем несчётное число. Письма и письма. Но из чего состоят эти письма? Это поразительно: большая часть бесчисленных писем, которые приходят ко мне, – это просьбы о заступничестве в инстанциях. Бедняки не имеют никакого пути приступить ни к какой инстанции – с ними никто не разговаривает. И они в отчаянии собирают пачки своих дел и посылают... кому же? Писателю. "Разберись, писатель!"

Мы давно слышим только об экономике, экономике, экономике, кажется больше ни о чём. Но государственное устройство – оно ещё первой и важной, потому что это условие, чтобы вообще можно было жить.

КАКОЙ У НАС ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ

Часто звучала и звучит фраза: "Да что вы беспокоитесь? Рынок всё расставит на свои места..."

Рынок – государственного устройства не "расставит", и нравственных основ общества рынок не "расставит". Это опасная пассивность государственной мысли. Как, кстати, нет этой мысли и в нашей экономике.

Если это правда, что мы хотим идти к демократии, то есть к полной власти народа над собственной судьбой, так дайте нам идти к ней! Давайте начнём! Этот исторический шанс ещё не упущен.

А какой у нас строй сегодня? Никак не демократия. Сегодня у нас – признаем честно – о л и г а р х и я, то есть власть ограниченного, замкнутого числа персон.

На таких огромных пространствах, как Россия, с нашими нынешними язвами нам никогда не справиться при пассивности народа. Дайте народу реальную власть над своей судьбой, низам народа, – дайте им власть. Допустите, к тому же, – каждому! каждому гражданину быть экономической личностью.

НАША СИСТЕМА ВЫБОРОВ

Мы себя успокаиваем, что у нас сегодня потому демократия, что демократическая система выборов. Но нынешняя система выборов не даёт выхода активным народным силам и по всем просторам страны. В чем её пороки?

Партии, московские партии рассматривают народ как материал для избирательной системы. Не случайно у нас загуляло снобистское словечко: "Э-лек-то-рат". А народ, со своей стороны, рассматривает партии: "А-а-а... Кто бы из них ни победил, всё равно это будет одно и то же: партия начальства".

А ещё добавьте к этому инерцию голосования, которую мы вынесли из большевицких десятилетий. Мне пришлось говорить с рабочими – они сами удивляются. Говорят: вот, мы сейчас при вас кроём своё начальство. Свобода слова есть, правильно. Но доходит дело до голосования – что с нами происходит? Нам предлагают резолюцию – и мы поднимаем руку...

И всюду меня спрашивали, всюду и везде: так что же нам делать? Я отвечал везде: только не насильственным путём! только не революционным путём! только никаких

новых чисток! А тогда спрашивают: какой, какой нам выход? Где искать ключ?

Я находил такой "ключ": не пропускайте **местных** выборов. Вам даны выборы местные. Я понимаю, когда вы выбираете центральные органы власти, вы, в общем, никогда не знаете, что это за люди, откуда они взялись, что они будут делать. Но на местных выборах – не будьте пассивными, не наказывайте сами себя. Вы же видите этих людей, их лица, их поступки, их действия. Смотрите в их глаза, выбирайте тех, кто честен, умён и – очень важно – стоек перед начальством. Это нужно. А мне разумно отвечали: вот именно, на местных выборах самое страшное. Потому что все мы напрогляд. На местных выборах как выступишь, а завтра – тебя лишат работы, если не вообще сживут со света.

Да, в августе 91-го года мы упустили направить народ к свободному волеизъявлению, открыть народу управлять самому собой. На постах мы оставили всю ту же номенклатуру, перебежавшую в демократы. И это теперь наследие нам на 10, на 20, на 30 лет.

Сейчас везде обсуждается очень живо такой вопрос: ну, вот будут следующие местные выборы. Избирать ли самих глав администраций, местных (районных, городских, областных), – избирать или нет? Я нахожу этот вопрос совсем не простым.

Недавно был указ Президента о невыборности губернаторов. Надо сказать, что при огромных просторах нашей страны, при разнообразии населения в ней нам одновременно нужны и сильная центральная власть, с вертикалью власти, и широкая активность народа, но и со своей поднимающейся вертикалью. В конституции записано буквально: формы местного самоуправления избираются самим населением. Так дайте населению действительно избирать и действительно осуществлять власть.

Вот это и есть путь – открыть населению самостоятельную народную власть. Сколько я видел – это главное впечатление моей поездки, – сколько я видел повсюду лю-

дей активных, деятельных, инициативных, энергичных, показывающих, что потенциал народа нашего не уничтожен всеми уничтожениями.. И все эти люди без места, без пути, не знают, куда себя приложить.

ЗЕМСТВО

Сейчас в Думе, я знаю, готовится проект местного самоуправления, очень важный. Я в контакте с этим комитетом, мы с ним будем ещё консультироваться. Но я нахожу, что "местное самоуправление" – это узкий термин, ибо он ограничивает местное самоуправление сверху: "местное" – и хватит! Я считаю гораздо более удачным термин "земство".

З е м с т в о – это старый русский термин, который существует много веков. Земство – это совокупность всех людей, живущих на данной земле. Земство – это форма самоорганизации населения.

Земство в Смуту XVII века спасло Россию. Тогда пали цари, разбежались самозванцы, разбежались бояре, – обезглавленная Русь, земская Русь, подняла сама себя, нашла ополчение, изгнала иностранцев, очистила Москву, установила твёрдое государство.

Увы, в петербургский период земство сильно подавили. При Александре II произошло его счастливое возрождение, правда, частичное – не на все области России, не на все губернии, не на всю высоту, без волостного земства и без общероссийского.

Но какое было плодотворное это земство! Сколько накопило оно ценнейшего опыта и сколько оно воспитало деятелей – до того политической властью устранённых.

Чем занималось земство? Всё перечислить нельзя, я лишь немного: дорогами, мостами, почтой, противопожарными мероприятиями, мелиорацией, продовольственными запасами, складами, помощью нуждающимся, бедным, больным, здравоохранением (наши русские земские врачи –

это слава наша), школами, библиотеками и многим, и многим другим.

Дело в том, что 80, если не 85 процентов жизни простого человека текут только на местном уровне. Это не удивительно. Сегодня, посмотрите, в Соединённых Штатах, или в Швейцарии – так и есть: 80-85% всех вопросов решаются на месте местными людьми, местным самоуправлением, не ожидая никаких указаний из Вашингтона.

Так было и у нас, так могло работать и наше земство. Затем большевики земство раздавили, как самого вредного себе соперника. Ныне, год назад, формально земство у нас зарегистрировано министерством юстиции и стало немножечко восстанавливаться кое-где по областям. В некоторых ещё робко, а в других его уже сейчас давят, предполагая себе соперником. Но весь путь земства – впереди. Нужны законодательные рамки, юридические права нужны земству и финансовые права, и собственность.

В нижних слоях жизни земство должно взять в своё ведение главные отрасли жизни, перенять их у правительственной вертикали. Правительственная вертикаль должна остаться, от сильной президентской власти – и вниз, но к низу сужаются компетенции её, функции её сужаются. У земства, наоборот, – у земства наиболее широкая компетенция внизу, а выше и до всероссийского уровня компетенции и функции его уменьшаются. И по всей высоте, на всех уровнях правительство должно контролировать земство, чтобы оно выполняло государственные законы. А земство должно контролировать правительственную линию на открытость и честность ведения дел. Вот тогда никакая коррупция не станет у нас возможна.

Именно в нашей ситуации земство – единственная возможность реализовать в действии потенциал народной энергии, сознание и силу народа. И не откладывая этого.

При разбухающем, при коррумпированном, при мертвенном сегодняшнем бюрократическом аппарате я не вижу другого выхода, как можно иначе справиться с этим наслоением коммунистической номенклатуры, которую мы взяли

себе в наследие. Этот аппарат сам по себе не доведёт нас до добра, сам по себе он вообще никуда нас не выведет.

Введение земства соответствует единственно верному общечеловеческому пониманию, что власть государственная не может быть вообще никогда источником народной жизни. Она может только или помогать ей, или вредить.

Отказываясь от советского обморочного сознания, усвоим наконец, что правительственная власть не должна распространяться на области, где свободно дыхание людей и их самоопределение.

Земская деятельность вовлечёт множество людей, которых сегодня и близко не подпускают к власти, не только к власти – к решению малейших местных вопросов. Она раскроет силы народа, она разовьёт его государственное правосознание, которое, да, у нас сегодня слабое, – у нашего народа слабое правосознание, но его нельзя иначе развить, как только начать применять на деле.

А параллельно тому... Параллельно тому, да, мерами экономическими должна быть обеспечена экономическая независимость каждого гражданина. Собственность и особенно – особенно! – земля должны достаться людям труда и умения, а не каким-то перелётным химерам. Без экономической самостоятельности масс никакой демократии у нас никогда не будет.

НАШЕ НЫНЕШНЕЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО

К сожалению, в сегодняшнем государственном устройстве России во многом нет ясности. Ну, например, отношение Центра и регионов. Ведь нет определённых рамок распределения бюджета и прав. Нет! И во многих регионах просто стоны раздаются: хотя бы были точные рамки закона – что Центру идёт, что нам.

А сегодня так: существует 89 так называемых "субъектов федерации" – великолепное слово. Из этих 89 только

15 кормящие, то есть не берущие дотации, а дающие больше, чем они берут. И вот эти 15 кормят те 74.

И скажите: этим кормящим регионам – какой для них смысл развивать производство? какой для них смысл получать новые доходы? Ведь всё загребёт Центр, а потом по советскому порядку идти туда и кланяться: пожалуйста, дайте нам, сколько вы можете отпустить...

Сегодняшние областные администраторы, крупные, жаловались мне: какая-то безотзывность центрального аппарата. Бывает так, что и в аварийных ситуациях нельзя докричаться! Секретари, секретари, секретари...

Неясность нашего государственного устройства во многом проистекает из-за так называемого "федеративного устройства России". Десятки регионов у нас объявлены автономными республиками и национальными округами. Причём чаще всего так называемая "титовская нация", то есть та, по которой названа республика, она много-много-много меньше 50 процентов. И тем не менее создаётся антидемократия – меньшинство должно управлять большинством.

Да, нация должна административно контролировать только ту территорию, где она составляет ясное большинство, а лучше – квалифицированное: две трети, три четверти. Тут не может быть спора! И никто не спорит о культурном развитии. Я за расцвет культур всех наций, даже тех, которые в себе 500 человек содержат. Но сегодня в этих республиках русское большинство утеснено и унижено. А между тем русские в России составляют более чем квалифицированное большинство – четыре пятых.

В 93-м году обе тогда непримиримо борющиеся группировки в страстной охоте за голосами автономных республик допускали им подачки и обещания. И гуляли такие фразы: "самостоятельные международные шаги автономий"... Да ведь это – сумасшедший дом! И вот тогда края и области наши, русские, в отчаянии стали объявлять себя тоже республиками – чтобы тоже получить какие-то права. Я издали наблюдал это, сердце разрывалось. Я убеждён, что вот в то время, во второй половине 93-го года, Россия нача-

ла распадаться. И в считанные месяцы ей предстояло распасться.

А ещё эти отдельные договоры – Центра с автономиями. Ну, кому в голову придёт, чтобы Вашингтон пригласил Техас для равных государственных переговоров?! Или чтобы боннское правительство стало на равных разговаривать с землёй Пфальц?! А имейте в виду, и Соединённые Штаты, и Германия – как раз, в отличие от нас, самые настоящие федеративные государства. Но они понимают, что такое унитарное начало: если его не будет, государство развалится. А у нас – вот так!

А ещё национальные округа. Я насмотрелся во многих местах, но скажу про Тюменскую область два слова. В Тюменской области два национальных округа, целых два. Они, соответственно, имеют своих представителей в Тюменской областной думе. И вот они приезжают, голосуют и принимают какое-то решение Тюменской областной думы по Тюменской области. Потом они уезжают к себе и заседают в своих думах и там выносят противоположное решение. После чего говорят: "Мы – субъекты федерации", – и уезжают жаловаться в Москву. Что остаётся от Тюменской области? Это ещё больший сумасшедший дом.

ОТРЕЗАННЫЕ СООТЕЧЕСТВЕННИКИ

Но, отходя от этих политических противострастий, признаем нашу всеобщую великую дремоту, всех нас – и законодательной власти, и исполнительной власти, и всего нашего народа, – наше чудовищное равнодушие к 25 миллионам отрезанных от нас соотечественников.

Три года назад наше руководство с лёгкостью признало фальшивые административные границы, нарезанные Лениным и его последователями, – признало за государственные. И в 24 часа наши соотечественники оказались "за границей", "иностранцами", – многие в тех местах, где жили от-

цы их и деды, а теперь они притесняемы, а теперь они изгоняемы.

А мы? Эта глухота национального сознания, которую я не могу назвать иначе, как национальным безумием. Где вы видели вообще такое в мире? Попадают в беду один, два, три, четыре гражданина какой-нибудь страны – собирается чрезвычайный совет министров, посылаются флоты на устрашение, для демонстрации. А мы? А мы – беспечно отдали миллионы наших граждан – "за границу".

Мне пришлось сильно столкнуться с этим на сибирском пути. На сибирском пути я контактировал с Федеральной миграционной службой – раз, и, во-вторых, ко мне приезжали делегаты из Южной Сибири, то есть так называемого теперь "Северного Казахстана", с рассказами о своём утеснении национальном, культурном, духовном, служебном, финансовом. Я с этим ошутимо столкнулся.

Я брал цифры и видел, как мало мы отпускаем на помощь нашим приезжающим соотечественникам, беженцам, какие жалкие пособия – в размере минимальной зарплаты, даём ограниченному числу категорий: одиноким матерям, инвалидам, пенсионерам. И кому удастся получить ссуду – это счастливчик. А мы никого их не освобождаем от налогов.

Говорят: нет денег. Да, у государства, допускающего разворовку национального имущества и неспособного взять деньги с грабителей, – нет денег. Говорят: нет денег – у государства, которое, переходя к демократическому строю, **утроило** свою бюрократию. Говорят: нет денег. Но пустуют, я ехал – пустуют, пустуют, пустуют российские земли. Так помогите нашим соотечественникам их заселить!

И мы отвергаем их – при нашей смертности. Мы отвергаем их при том, что к нам едет лучший профессиональный элемент и всё ещё не потерявший вкуса к творческому труду.

Опять: нет законодательства.

Есть ещё волна "мигрантов" другого типа. Объявили себя республики суверенными государствами. Но почему-то

их граждане настойчиво едут к нам, с большими деньгами. И не идут ни в какую Федеральную миграционную службу, и не идут вообще ни к каким властям. А просто сразу покупают дома, квартиры, земельные участки и место для своей работы. А мы – мы ничего не можем сделать. Да ведь у нас и нет законодательства об иностранцах – Государственная Дума опять не успела дать закон, об иностранцах.

И сегодня я столкнулся в Ставропольском крае (а это – "горячая точка", рядом с горячими), насколько эта незаконная миграция ущемляет коренное население – в жилье, в коммунальных услугах, в транспорте, в медицине, в образовании, в имущественных правах.

Ставропольцы пытались ввести квоты, визы, пытались установить срок оседлости, после которого приезжий только и может требовать себе участия в приватизации, но некое "ГэПэУ" (надо же настолько потерять чувство языка!), ГПУ при Президенте, это Главное Правовое Управление, поставило резолюцию: "Нет!" – "Нет" – потому что это "нарушает права человека". Ну, поезжайте в Америку с любыми деньгами, но без разрешения, – посмотрим, будут с вами разговаривать о правах человека или не будут, а в 48 часов – назад!

ГРАНИЦЫ

Наконец, мы же – страна без контролируемых границ. Как и во всём, мы вышли из коммунизма самым искривлённым, самым нелепым, самым болезненным образом, так и здесь. Россия из самых первых республик объявила свою независимость. От кого независимость? От 25 миллионов брошенных соотечественников? В Беловеж близоруко не позвали Назарбаева. Почему? В Беловеже близоруко поверили Кравчуку, без всяких гарантий, что действительно будет реальный государственный союз. Действительно будет? А он на второй день рассыпался.

А потом кинулись в другую крайность. Создали хрупкое, безжизненное СНГ. Ну, вы сами видите – ну, кто серьёзно верит в СНГ или что оно будет существовать?

Надеюсь, в моей последней недавней статье "Русский вопрос к концу XX века" мне удалось показать, что это были исторические ошибки России – проникать в Закавказье и проникать в Среднюю Азию. Так вот пришла пора эти ошибки исправлять. Из Средней Азии и из Закавказья пришла пора нам полностью уходить. Средняя Азия и Азербайджан сегодня со страстью идут в мусульманский мир, они неизбежно туда вольются. Мусульманский мир растёт, это будет великое явление XXI века. Не надо нам там путаться.

Но нельзя же при этом отказывать Белоруссии. Белоруссия тянулась к нам, мы отказали ей из соображений кармана и экономики, которые, конечно, у нас выше всего. Мы как будто не видим, что сегодня в массах белорусского и украинского народов растёт понятие, что произошёл болезненный разрыв многомиллионных родственных связей, что мы родные народы, что мы должны быть вместе.

А вот из Казахстана... Из Казахстана нам никак нельзя бежать. В Казахстане казахи составляют еле-еле 40%. А 60% – неказахи. И Назарбаев это прекрасно понимает. Назарбаев всё время предлагает кооперацию нам, но только кооперацию, я бы сказал, не в тех формах. Он предлагает кооперацию в таком виде: сверх всех наших бюрократий, которые и так уже невыносимы, построить ещё наднациональную – из 15 государств ещё бюрократию, ещё много там советов и организаций. И вот там – по праву единогласия решать: если кто вето наложил – стоп! А иначе, пугает он нас, а иначе соединимся с Турцией, то есть сделают наших соотечественников подданными будущей Турецкой империи.

Назарбаев чувствует необходимость сближения, и мы должны ему кооперацию дать. Мы должны прежде всего дать экономическую кооперацию – это уж безусловно, и в первую очередь. Но я бы сказал, мы должны ему дать и та-

кую кооперацию: совместную с Казахстаном охрану южной и юго-восточной границ Казахстана. Нелепо и бессмысленно нам строить границу от Казахстана, где столько наших. Но и нелепо, бессмысленно и преступно нам ронять российскую кровь между Таджикистаном и Афганистаном! Какое наше дело, что происходит между группировками? Какое наше дело в той войне? Не там нам стоять!

Я думаю, что мы должны с Казахстаном заключить вот такое соглашение кооперативное, по границам. И защита притесняемых сегодня культурно, и служебно, и духовно наших соотечественников в Казахстане должна быть главным содержанием нашей внешней политики – вот тут оно! А меньше всего мы его чувствуем.

Я четыре года назад говорил и повторяю сегодня: надо стремиться к единому государственному союзу трёх славянских республик и Казахстана.

На пути моём я встречал ещё такие, очень резкие высказывания – от простых, бесхитростных людей, но и от весьма грамотных, но и от наших отечественных предпринимателей тамошних. Они говорили: "Поймите! Поймите – Россию разваливают с умыслом. Это не может не быть чьим-то задуманным планом, – ну, слишком последовательно разваливают, чтобы это было только безмозгло!" Я всюду спорил, я везде отрицал, я говорил: "Нет заговора, нет умысла".

Но если столько недомыслия – тогда что есть? А вот что, очевидно, есть: необузданные корыстные интересы поднялись высоко-высоко по ветвям власти. И многие – в сетях корысти.

Вот в 93-м году Краснодарский и Ставропольский края изобиловали зерном, а мы почему-то покупали за границей. Сегодня пропадает оренбургское зерно, а мы покупаем за границей. Это почему?!

Сравню, ещё раз вспомню российских либералов 1917 года. Они были незадачливы, они, взяв власть, растерялись, они довели Россию до хаоса. **Но ни один из министров**

Временного правительства не был взяточник! Ни один из министров Временного правительства не был вор!

ЗАКОН О ЗЕМЛЕ

Мне уже не остаётся времени о многом сказать. И я больше всего хотел бы сказать о грядущем – всё грядущем, но, к счастью, всё ещё не состоявшемся законе о земле.

Говорил и буду ещё говорить: да, строго говоря, если в 3-й Государственной Думе в зале сидело 50 (пять-де-сят!) натуральных крестьян-хлеборобов, сидят ли сегодня здесь один-два хлебороба натуральных или только представители колхозно-совхозного начальства? Продавать... Продавать землю с аукциона скороспелым нуворишам – это значит продать саму Россию! Остальные станут батраками. Но страна земельных батраков никогда не станет демократией!

ЛИЧНЫЙ ПРИМЕР ДЕПУТАТОВ ДУМЫ

А в заключение разрешите перейти снова к вашей, 5-й Думе. Я не могу скрыть огорчения, что здесь происходят время от времени скандалы, бойкоты, спектакли демонстративных уходов или изнурительные процедурные споры. И это – при вялом темпе законодательной работы и поверхностном характере иных, уже принятых законов.

Ещё есть одно общее с прежними Думами – я отмечал в тех Думах: из 400 депутатов на трибуне мелькало каких-то 15-20 одних и тех же... Боюсь, что это наблюдается и у вас.

Ещё сравню с прежними Думами. Дореволюционные думцы имели весьма скромное жалованье. Они не имели ни казённых квартир, ни казённого транспорта, ни череды оплаченных заграничных командировок, ни устройства на летний отдых.

К сожалению, ныне личный пример думцев не даёт образца самоограничения другим ветвям центральной власти. Небольшая часть депутатов в своё время, я знаю, пыталась протестовать против привилегий, но смолкла. А жаль – меньше было бы привилегий у власти, не стало бы в избирательных кампаниях пустопорожних, ложных кандидатов, которые только болтаются ради себя!

Власть – это не добыча в конкуренции партий, это не награда, это не пища для личного честолюбия. Власть – это тяжёлое бремя, это ответственность, обязанность и труд. И пока это не станет всеобщим сознанием властвующих, Россия не найдёт себе благополучия.

СБЕРЕЖЕНИЕ НАРОДА

Я, однако, сохраняю веру, что путь к исцелению России не закрыт, и через все развращения, и через все уничтожения, пережитые нами за 70 лет, наш народ ещё удивительно сохранил и разнообразный и богатый духовный потенциал. Я верю, что он одолеет и этот новый вид духовной заразы и презренных соблазнов.

Я неоднократно повторял: наша высшая и главная цель – это **сбережение нашего народа**, и так столь уже измученного, сбережение его физического бытия, его нравственного бытия, его культуры, его традиций. И, может быть, ещё нынешнему составу законодателей предстоит сделать первые исторические шаги на пути к подлинному, а не показно-фальшивому народному самоуправлению.

Если столько раз, столько раз мы возглашали: "К демократии! Идём к демократии!", – так надо же серьёзно двинуться к ней!

СОДЕРЖАНИЕ

ПО МИНУТЕ В ДЕНЬ

Передача	1.....	5
Передача	2.....	12
Передача	3.....	19
Передача	4.....	26
Передача	5.....	32
Передача	6.....	39
Передача	7.....	46
Передача	8.....	53
Передача	9.....	60
Передача	10.....	67
Передача	11.....	75
Передача	12.....	82
Передача	13.....	89

ИЗ ТЕЛЕВИЗИОННЫХ ИНТЕРВЬЮ

Каков бы нужен закон о земле	97
Федерация ли Россия	103
Демографическое состояние России	109

ИЗ ОБЩЕСТВЕННЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ

В Новосибирске	113
В Ростовском университете	127
В Саратовском университете	140

РЕЧЬ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ	155
-----------------------------------	-----

Солженицын Александр Исаевич

ПО МИНУТЕ В ДЕНЬ

Художник *Ю.В. Карманов*

Лицензия ЛР N 061292 от 11 июня 1992 г.

Подписано в печать 23.11.95.

Бумага офсетная. Гарнитура таймс.

Печать офсетная. Формат 84x108 ¹/₃₂.

Усл. печ. л. 9,24. Тираж 30 000 экз. Заказ N 1111

Аргументы и факты. 101000, Москва, Мясницкая, 42.

Отпечатано в типографии издательства "Новости".

107005, Москва, ул. Ф. Энгельса, 46.

Вышли из печати:

- Солженицын А.И.*
В круге первом. – М.: Голос, 1994. – 732 с. 5000 руб.
- Солженицын А.И.*
Письмо вождям Советского Союза. –
Париж: ИМКА-Пресс, 1974. – 52 с. 1500 руб.
- Солженицын А.И.*
Публицистика, т. 1 – Ярославль: Верхне-
Волжское книжное издательство,
1995. – 718 с. 8500 руб.
- Солженицын А.И.*
Русский вопрос к концу XX века.
М.: Голос, 1993. – 110 с. 1000 руб.
- Солженицын А.И.*
Русский словарь языкового расширения. –
М.: Голос, 1995. – 552 с. 3000 руб.
- ***
- Из-под глыб** /Сборник статей: М. Агурский,
Е. Барабанов, В. Борисов, А.Б.,
Ф. Корсаков, А. Солженицын,
И. Шафаревич/
Париж: ИМКА-Пресс, 1978. – 286 с. 4000 руб.
- Леонтович В.В.
История либерализма в России 1762-1914. –
М.: Русский путь, Полиграфресурсы,
1995. – 552 с.
(Исследования новейшей русской истории.
/Под ред. А. Солженицына). 7500 руб.
- Соблазн социализма: Революция в России
и евреи** /Сост. А. Серебренников. –
М., Париж: ИМКА-Пресс,
Русский путь, 1995. – 522 с.
(Исследования новейшей русской истории
/Под ред. А. Солженицына). 10000 руб.

О приобретении этих книг читайте на следующей странице.

Уважаемые читатели!

Вы можете получить указанные книги по почте наложенным платежом через службу распространения АО "Аргументы и факты".

С учетом доставки стоимость книг увеличится на 3000-5000 руб. в зависимости от объема книги и почтовых тарифов для вашего региона.

Для получения информации об имеющихся в наличии книгах других авторов, вам необходимо выслать в адрес службы распространения "АиФ" запрос и оплаченный конверт с вашим адресом.

Информация о книгах и условия их получения будут высланы вам немедленно.

Наш адрес: 125195, Москва, а/я 42, "АиФ".

Тел. для справок: (095) 924-10-33.

Служба распространения "АиФ"

